

КЛИНКИ ПАВШИХ

КОНЕЦ КЛИНКА НОЧИ

Райан Кирк

Королевство охватила война, клинки на грани исчезновения.

Уставшая, Аса хочет только оставить позади конфликты прошлого. Но ее дом сожжен, ее народ готовы убивать на каждом углу, сбежать некуда. В отличие от Коджи, поклявшегося леди Мари в верности, Аса не знает, верит ли в будущее.

Высоко в горах леди Мари борется с потоками истории. Она затеяла опасную политическую игру, пытаясь спасти не только свой дом, но и все Королевство. Многие даже в ее доме ждут ее поражения.

Убийства, нарушенные обещания и месть привели Королевство к разрушению. Армии собираются для финального удара, и решения оставшихся клинков выберут облик Королевства на будущее. Они принесут мир или разобьют его навеки?

Перевод: Kuromiya Ren

1

Прошло четыре дня с тех пор, как закончилась осада Звездопада. Всего четыре дня отделяли их от разрушений, от которых народ остался без крова. Это казалось таким коротким временем, и все же пропасть между тем, чем когда-то была жизнь, и тем, чем она стала теперь, казалась непроходимой, как если бы Великий Цикл повернул и разорвал весь мир на части. Аса знала, что ее точка зрения была чрезмерно драматичной, но это было правдой. Хотя она редко называла Звездопад домом, его разрушение вырвало дыру в ее сердце, болезненную тоску, которую она чувствовала каждый раз, глядя на руины.

Ливень потушил большинство пожаров, но пламя глубоко в руинах зданий продолжало дымиться, иногда вспыхивая яркими, но недолговечными пожарами. Асе было трудно поверить, что что-то еще могло загореться. Так мало осталось. Она не могла представить, что город можно было так быстро стереть с карты.

Она слышала, больше, чем чувствовала, шарканье позади нее. Коджи был исцелен, но его тело затекло от неиспользования. Он был вынужден отдыхать в течение двух дней, и, хотя он вставал и двигался последние несколько дней, его все еще ждал долгий путь, ведь битва чуть не унесла его жизнь. Тот, что она могла слышать его до того, как ощутила, было достаточным доказательством того, насколько слабым он оставался.

Его идеей было вернуться к руинам Звездопада. Они разбили лагерь с леди Мари, менее чем в лиге от рушащихся стен Звездопада, где было безопаснее. У Асы не было желания возвращаться, воспоминания о битве были свежи в ее памяти, но Коджи решил, что прийти сюда необходимо. Он хотел закрытия. Он хотел понять, что произошло, придать опустошению значение. Но Аса не думала, что можно было найти смысл в мертвых и выжженных зданиях. Надежды Коджи были такими же пустыми, как и здания, стены которых все еще стояли.

Но у нее не было лучшего места, и она не хотела выпускать Коджи из виду. Он был недостаточно силен, чтобы отбиться от роя комаров, и она не хотела его потерять.

Они вдвоем бесцельно рылись в руинах, Аса в основном молча следовала за Коджи, ищущим свои ответы.

Порой развилки выглядели знакомо, вызывали воспоминания, которые она быстро забывала. Она смотрела на улицы, по которым бежала, пока город горел, защищаясь от пылающих стрел маленькой крышкой, которую дал ей клинок дня. Улицы были пусты,

теплый весенний ветер нес пыль, пахло бутонами растений, сгоревшим деревом и битвой. Смерть и жизнь смешивались в каждом ее вдохе. Она не была особенно верной, но если и существовал символ Великого Цикла, то Звездопад стал им. Солнце все еще вставало, и мир вращался, независимо от событий, которые сформировали ее жизнь.

Они повернули за другой угол, и воспоминания Асы обрушились на нее с почти физической силой. Именно здесь она наткнулась на умирающего старого клинка, его внучка рыдала рядом с ним, когда кровь сочилась из его ран.

Коджи позади нее, должно быть, заметил, как она напряглась. Она ощутила, как его рука коснулась рукояти меча, и ее поразило то, насколько медленным было движение. Мысль о том, что он защищал ее, была глупой, но обнадеживающей. Коджи всегда был защитником, и она обнаружила, что это постоянство было тем, за что она могла бы держаться, пока мир вращался вокруг нее.

— Что это? — спросил он.

Она указала на угол, где столкнулась с двумя клинками. Тело старика убрали. Одной из первых задач, которую поставили перед собой клинки, было очищение Звездопада от мертвых. Вокруг все еще валялось множество тел, запертых в труднодоступных местах. Однако большинство из них собрали и устроили настоящий костер.

— Здесь я нашла Джунко.

— Девочку, которая преследовала тебя последние несколько дней?

Аса кивнула. Она спасла юную девочку и вывела ее из Звездопада во время осады. С тех пор девушка была практически постоянной спутницей. Они даже спорили о том, что Джунко поедет с ними в эту небольшую экспедицию. Аса понимала, что у девушки больше никого не было, но ее присутствие было еще одной обязанностью, которой Аса не желала. Если бы Коджи захотел присоединиться к ней, она бы покинула лагерь в тот же день и больше никогда не вернулась.

Но воля Коджи была непоколебима, как сталь. Иногда качество было милым. Сегодня это ее раздражало. Он верил в Мари. Аса увидела это в тот момент, когда он отдал леди свой меч и обнажил шею для смертельного удара. Она увидела преданность в том, как его взгляд следил за леди, как он отвлекался каждый раз, когда она появлялась в поле зрения. Коджи не был влюблен, но его одержимость была такой же глубокой. Он нашел свой долг, и Аса опасалась, что их пути могут когда-нибудь разойтись.

Они продолжили путь к воротам, через которые прорвались силы Каташи. Когда они появились в поле зрения, Аса поборола воспоминания о волне солдат, разбивающихся о тонкую линию клинков ночи, которым было поручено удерживать эту часть наступления, пока другие клинки убегали. Схватка была одной из самых напряженных в ее жизни. Она помнила вспышки стали и фонтаны крови, но больше ничего.

Но она помнила свои чувства, в которых ей было неудобно признаться даже себе. В разгар той битвы она была спокойна, готова отдать жизнь, чтобы спасти клинки. Но теперь, когда непосредственная угроза исчезла, исчезло и ее чувство цели. Она не разделяла веры Коджи.

Несмотря на разорение, она чувствовала силу его оптимизма и надежды. Он стоял в остове города, который когда-то был его домом. Его плечи были расправлены, а голова — высоко поднята.

Они стояли бок о бок, но их разделяли лиги разницы. Часть нее хотела разделить его чувство цели, но большая часть просто хотела оставить конфликт позади. Как и ее наставник

Дайсуке, все, чего она желала, — это жизнь, не тронутая мирскими заботами. Идея присоединиться к отстраненному клинку ночи и его семье временами перерастала в сильное желание, хотя бы для того, чтобы избежать этого безумия.

Голос Коджи заставил ее вздрогнуть.

— Что тебя беспокоит?

Она пыталась найти ответ, достаточно близкий к правде, чтобы не врать.

— Какой в этом был смысл?

Его голос был обнадеживающим:

— Мы можем отстроиться.

Аса повернулась к нему, бросая вызов его оптимизму.

— Ты действительно в это веришь?

— Я должен, — его голос звучал уверенно, но плечи чуть опустились, показывая правду.

Казалось, даже его оптимизм мог быть поврежден.

Они вернулись в сердце руин, где стояли останки Зала Совета, такие же разрушенные, как и любое другое здание. Клубы дыма все еще поднимались, что-то горело глубоко внутри. Аса задавалась вопросом, осталось ли в ней что-нибудь, что могло бы гореть, или ее огонь погас навсегда.

Она взглянула на Коджи.

— Ты нашел ответы?

Он молчал, глядя на здание. За все время, проведенное вместе, она никогда не видела отчаяния на его лице, но теперь оно было там, его глаза стали мокрыми, когда он увидел некогда бьющееся сердце клинков.

Он обернулся прежде, чем она увидела, как покатались слезы. Когда он ответил, его голос был решительным:

— Мы должны работать лучше.

В этот момент Аса почувствовала присутствие в улице от них. Коджи, должно быть, уловил то же самое. Она увидела, как он выпрямился и посмотрел в ту сторону. Оно было слабым, но двигалось.

Они подумали об одном. Там был выживший, которого они как-то пропустили? Насколько они знали, они одни были в городе сегодня, и другой солдат ощущался бы для их дара сильнее. Аса побежала, быстро обогнав Коджи в его ослабленном состоянии.

За углом она никого не увидела. Аса глубоко вдохнула и взяла себя в руки. Присутствие было слабым, исходило от отчасти рухнувшего дома. Она медленно прошла туда, Коджи следовал за ней в нескольких шагах, его затрудненное дыхание звучало так, будто он только что взбежал по склону горы.

Аса отпрянула, когда присутствие внезапно выскочило из дома на нее. Это действие вызвало смятение у нее. Выжившие не должны двигаться так быстро, как и люди с такой слабой энергией.

Аса увидела блеск короткого ножа в солнечном свете и споткнулась, рухнула на спину, когда из тени вылетела фигура.

С первого взгляда Аса все поняла. Человек был грязным, одежда лохмотьями свисала с узких плеч. Ребра были отчетливо видны через отверстия в тунике, а тело шаталось.

Вор сжимал небольшой сверток другой рукой. Их разделяло несколько шагов, и Аса не чувствовала страха. Сильный порыв ветра сдул бы этого человека.

Затем тряпка соскользнула со свертка, и Аса мельком увидела то, что выглядело как

золото.

Аса мгновенно вскочила на ноги, и если у нее когда-то были опасения по поводу огня в ее душе, они быстро утихли, когда она потянулась за мечами. Кто-то посмел так осквернить место, где клинки жили и умирали! Она вытащила один из своих мечей из ножен, но чья-то рука крепко сжала ее запястье.

В момент замешательства вор повернулся и убежал. Это скорее ковылял, чем бежал, и натренированный глаз Асы видел, как вор берег левую ногу. Она поймала бы его мгновенно, как бы близко он ни подошел к главным воротам.

— Отпусти его, — сказал Коджи.

— Он украл у клинков, — она пыталась взять себя в руки, но в ее голосе сочился яд.

— И?

Ее гнев сломил не столько вопрос, сколько смирение в его голосе. Она склонила голову к нему. В тот момент на его лице отражалось горе, он выглядел так, будто был на много лет старше, чем на самом деле.

— Выжившие забрали свое дни назад. Этот мужчина почти мертв из-за голода. Если это ему поможет, кто мы, чтобы лишать его этого?

Коджи. Слуга Королевства до конца. Он придерживался их клятв, верил в них душой. Стыд поднялся в ней, это ее злило. Она хотела выместить агрессию на чем-то или ком-то, но рядом никого не было. Почему он был намного лучше нее?

— Идем в лагерь, — Коджи огляделся, и Асе показалось, что он пытался запомнить сцену. — Тут для нас ничего уже нет.

* * *

Вдали от руин Звездопада, в лагере, где находились выжившие после осады и армия леди Мари, прохладный весенний бриз нес приятные ароматы, которые заставляли Асу думать о лучших временах. В детстве весна никогда не была ее любимым временем года. Весна означала начало работы. Жизнь на ферме всегда была тяжелой, но зимой большую часть времени семья проводила дома. Зимой отец Асы научил ее читать и писать, его сильные руки поддерживали ее, когда она впервые попыталась написать свое имя.

Весна означала бесконечные дни в поле. Все в семье работали, и хотя Аса была самой младшей, она не была исключением. Однажды она в слезах побежала к матери. Ее руки стали такими грязными, грязь так глубоко въелась, что вытирать их было бесполезно. В детстве она думала, что ее руки навсегда останутся в пятнах.

Сегодня ночью светила яркая луна, сияя сквозь щели на входе их палатки. Аса подняла руки к свету, увидев, что они были почти такими же чистыми, как у настоящей леди. Несмотря на отсутствие грязи, ее руки были по-прежнему мозолистыми. Хоть что-то осталось прежним.

Аса устала. Ее веки сами опустились, поднялись только после длительного усилия. Ее тело просило сна, но ее стремительный разум не позволил ей войти в мир снов.

Громкий храп Коджи рядом с ней свидетельствовал о его душевном спокойствии. Он всегда быстро засыпал, и эта ночь не была исключением. Она боролась с желанием провести пальцами по шрамам на его обнаженном торсе. Он был моложе, но его тело уже было испорчено целой жизнью сражений. Но он пожимал плечами, будто это было пустяком.

Она ему завидовала. Коджи был медленным мыслителем, но как только он принимал решение, он придерживался его, следуя до конца почти без вопросов. Она считала это еще одной милой, но расстраивающей чертой, особенно для той, кто сомневался почти во всем,

что она делала.

В конце концов, Аса сдалась. Если она не могла спать, она могла хотя бы размять ноги. Не было смысла лежать в постели и злиться.

Когда она села, она заметила мерцание огня, отбрасывающее слабые тени на их палатку. Пламя обрисовало одинокий силуэт, и Аса решила посмотреть, кто еще не спал в это время ночи. Она быстро накинула темную мантию, приветствуя ее тепло, когда вышла в холодную весеннюю ночь.

Леди Мари сидела у костра одна, в окружении горстки стражей из своего дома на почтительном расстоянии. По морщинкам на ее лице Аса догадалась, что она какое-то время сидела у огня.

Аса подумывал вернуться в палатку. Взгляд Мари был прикован к мерцающему пламени, и она еще не заметила Асу. На самом деле они не разговаривали, разве что мимоходом с тех пор, как Мари спасла жизнь Коджи. Теперь приближаться к ней было неловко, будто действия Коджи подняли между ними плотную завесу.

Аса почти отступила, но печальное выражение лица Мари притянуло ее. Другая женщина страдала, и хотя Аса не знала, насколько прочными были их отношения, Мари не заслуживала страданий в одиночестве.

Аса молча подошла и села, стражи ее узнали, но женщина едва кивнула.

Аса смотрела, как звезды ползли над головой, взглянула на огонь, который плясал над бревнами и углями.

Когда Мари заговорила, Аса чуть вздрогнула.

— Как он?

— Лучше. Нужно еще несколько дней на восстановление, прежде чем он сможет снова сражаться. Клинки дня приходят к нему ежедневно, что, я думаю, начинает ему нравиться. Он хочет помогать тебе, чем может.

Она тихонько засмеялась с легким намеком на горечь.

— Он, наверное, больше делает для меня, скрываясь. Его легенда продолжает расти с каждым рассказом. Если бы он больше никогда не сражался, о его подвигах все еще шептали бы из поколения в поколение. Иногда я думаю, что все, что мне нужно сделать, это упомянуть имя Коджи, и Королевство будет моим.

Аса знала, о чем говорила Мари. Куда бы они ни шли, люди шептались. Коджи был самым сильным мечником в мире за много лет, его подвиги были под стать навыку. Но эти слова были удивительно честными. Мари обычно говорила только об управлении ее землями. Она не упоминала все Королевство. Невинная оговорка? Хоть Аса уважала Мари, она не забывала, что Мари была леди, выросла среди интриг, которые Асу не интересовали.

— Ты хочешь Королевство? — спросила Аса.

Мари впилась взглядом в Асу. От ее взгляда Аса задумалась, какими были их отношения. Они были подругами, союзницами или чем-то еще? Она не была уверена. Аса подозревала, что и Мари задавалась этим вопросом.

Взгляд Мари стал мягче, вернувшись к огню, ее решение было принято. Когда она заговорила, она вела себя как с другом:

— Иногда. Только потому, что уверена, что смогу править. Мое правление спасло бы жизни и предотвратило бы подобное, — она указала на руины Звездопада.

Аса позволила себе открыться.

— Коджи согласился бы.

— А ты — нет?

— Не знаю, может ли хоть какой-то лидер вести Королевство, — она знала, что ступала по тонкому льду, но не собиралась лгать. Если вера Коджи была оправдана, и за Мари стоило следовать, Мари не станет наказывать тех, кто говорил честно.

Мари не ответила, просто слегка кивнула Асе, хоть значение не было ясным.

Аса не хотела следовать за своими мыслями, не тогда, когда она пришла сюда, чтобы спастись от них. Чтобы Мари не копала дальше, она спросила:

— Что тебе мешает по ночам?

Голос Мари был горьким:

— Это нужно спрашивать? — она посмотрела на Звездопад, символ стольких неудач.

Выражение ее лица смягчилось, а плечи опустились.

— Уверена, я лучший лидер для своего дома, но трудности кажутся непреодолимыми. Что, если армия решит не служить мне? Что будут делать клинки теперь, когда их дом разрушен? Почему мой народ должен принимать женщину как правителя? Ежедневно мы получаем посыльных птиц от различных дворян моей страны, но я не знаю, как ответить. Если я займу место лидера, несомненно, некоторые увидят шанс захватить власть, еще больше разорвав мой дом на части.

Казалось, она хотела продолжить, но взяла себя в руки.

— Извини, Аса. Знаю, у тебя сейчас много дел, но я не уверена, что смогу это сделать.

Асе нравилась Мари. Она не была уверена, что они когда-нибудь сойдутся во взглядах, но уважала женщину. Сила и храбрость женщины не подвергались сомнению, и это имело большое значение в глазах Асы.

Вместе они смотрели на угасающий костер. Что-то в пламени очаровало их обоих, и даже Аса ощущала воздействие мерцающего огня. Она расслабилась и высказала свое мнение:

— Я не знаю ответов на твои вопросы. Но я знаю одно: когда обнажен меч, нет места сомнениям. Воин, сомневающийся в своей цели, умирает. Ты стоишь перед трудными решениями, но не можешь повернуть назад ни на мгновение, — ей было интересно, говорила ли она для Мари или для себя. Какой смысл вести проигранную битву?

— Я не воин, — ответила Мари.

Аса остановила ее:

— Ты такая же, как Коджи или я. Твое оружие хоть и не из стали, но ты все равно даруешь смерть или жизнь. Ты обнажила свой меч в тот момент, когда направила нас на этот путь.

Они снова обратились к огню, его тепло просачивалось через одежду Асы. Внезапно ее накрыла волна усталости. Она встала, собираясь уйти. Она поклонилась и повернулась к палатке.

— Аса?

Клинок ночи услышала изменение голоса Мари. Мари произнесла ее имя властно.

— Да?

— Спасибо.

Аса поклонилась Мари и направилась в свою палатку, желая ощущать такую же уверенность, что и окружающие.

* * *

Аса смотрела, как Джун исцелял Коджи. Учитывая статус Коджи среди других клинков,

он заслуживал ежедневных визитов хотя бы одного клинка дня. Со временем и отдыхом его тело исцелилось бы само, но среди клинков было непреодолимое чувство, что их сила скоро снова понадобится. Самый сильный из них заслуживал исцеления.

Этот процесс был утомительным как для клинков дня, так и для тех, чьи тела исцеляли. После каждого исцеления Коджи садился и съедал как минимум две миски риса и овощей. По сравнению с тем, что ели большинство людей в лагере, трапеза была достойной короля.

Аса видела множество исцелений, но они не переставали очаровывать ее. Силы клинков дня были из того же источника, что и у клинков ночи, но все же их навыки были совершенно разными. Только Киоши, насколько она знала, понял, как задействовать оба набора навыков. Была ли это достойная цель? Или это было так же бессмысленно, как и многое другое?

Наблюдая за исцелением, она знала, что ей не хватит навыков, чтобы попробовать. Она смотрела и глазами, и чувством. Глазами можно было мало что увидеть. Коджи лежал на кровати, пот на лбу был единственным признаком его дискомфорта. Джун, клинок дня, который когда-то спас жизнь Асы, опустился на колени рядом с ним, положив руку на грудь Коджи. Если не считать то, что Коджи учащенно дышал, они оба были почти неподвижны.

Однако ее чувство рисовало иную картину. Энергия вокруг Коджи текла особым потоком, который был таким с его последнего боя. Разница между аурой Коджи и чьей-либо аурой была тонкой, но за последние несколько дней Аса провела с ним достаточно времени, чтобы быть уверенной, что в ней что-то изменилось.

С этой энергией переплеталась энергия Джуна. Клинки дня управляли энергией других, чтобы ускорить процесс исцеления. Работа Джуна была сложной и быстрой, и Аса могла уловить лишь самые слабые контуры того, что он делал. Ее чувство было обучено обнаруживать взмах меча, а не подергивание пальца.

Джун закончил исцеление. По ощущениям Асы, энергия старшего клинка дня будто медленно отделилась от энергии Коджи, почти как два любовника, разошедшиеся после того, как танец закончился. Джун в последний раз проверил Коджи, чтобы убедиться, что он здоров, и встал. Несмотря на то, что клинку дня было больше сорока лет, он двигался с легкой и мощной грацией. Аса подумала, не был ли когда-то и Джун клинком ночи. Киоши не мог быть единственным, кто знал обе стороны их силы.

Глаза Джуна встретились с ней. Коджи сел и уже потянулся за первой тарелкой риса. Джун посмотрел на дверь, и Аса поняла намек. Она поклонилась Джуну:

— Спасибо за уделенное время, мастер. Разрешите проводить вас.

В обмане, каким бы тонким он ни был, не было необходимости. Коджи атаковал миску с рисом с той же энергией, с которой сражался с противниками.

Аса направилась к выходу из палатки, а затем позволила Джуну взять на себя инициативу, он пошел к месту, где их не могли бы подслушать.

Джун не стал беспокоиться о формальностях. Его глаза выглядели пустыми. Помогая Мари, клинки были заняты лечением не только других клинков, но и обычных солдат, которые приняли их помощь. Аса не завидовала тому бремени, которое нес на себе мужчина.

— Ты была с ним с битвы? — спросил он.

Аса кивнула.

— Думаешь, очевидно, что его энергия изменилась?

— Немного, но да. Мне не хватает слов, чтобы описать это, но он отличается даже от других клинков.

— Ты заметила это перед боем?

Она покачала головой.

— Сложно сказать. Но я почти не замечаю этого, если мы не очень близко, и пока я не сосредоточусь. Раньше это было легко не заметить.

Джун вздохнул.

— Для меня это так же очевидно, как смена времен года. Другие клинки, исцелившие его, тоже заметили это. Им становится неудобно, поэтому я приходил сюда последние три утра.

Аса об этом задумывалась. Сразу после битвы Коджи помогала любой доступный клинок дня, но в последнее время Джун был единственным. И все же Аса не понимала.

— Почему?

Джун взглянул на нее, на его лице появилось мгновенное замешательство, которое быстро сменилось осознанием.

— Ты не чувствуешь этого, да?

Аса не понимала, о чем он говорит.

— Аса, его энергия не просто другая. Он по-другому с ней взаимодействует. Он манипулирует потоком энергии вокруг себя.

Аса все еще не понимала. Она покачала головой.

— Разве так не делают клинки дня?

— Не так. Если бы я мог делать, как он, я стал бы легендарным целителем. Я не могу управлять энергией, которая не моя и не того, кого я касаюсь. Это было бы как исцелять кого-то, сидя на другом конце города. То, что он делает, неуловимо, и я подозреваю, что он даже не осознает этого, но он все время втягивает в себя энергию вокруг себя.

— Что это вообще значит? — обеспокоенно сказала Аса. Джун говорил, что Коджи был болен?

Джун посмотрел вдаль, словно там можно было найти ответы.

— Я не знаю. Насколько мне известно, ничего подобного никогда не происходило. Если бы были ответы, они были бы в библиотеке Звездопада, но теперь их тоже нет.

— Он здоров?

— Без сомнения. Возможно, то, что мы заметили, — причина того, что он так быстро поправляется. Возможно, тебе это кажется медленным, но я не могу описать, насколько он был близок к смерти. Тот факт, что он снова готов к бою, поражает. Я не хочу тебя беспокоить, но прошу быть настороже. Если эта способность является источником его силы, возможно, ей можно научить других. Если это что-то еще, самое лучшее, что мы можем попросить — это пристальное наблюдение.

Аса согласилась, и Джун пошел своей дорогой. Нужно было многих исцелить за короткое время.

Она вернулась в палатку, где Коджи уже начал есть вторую миску риса.

— Что сказал Джун?

— Я должна очень внимательно следить за тобой, — ответила Аса.

На лице Коджи появилась озорная ухмылка, и он стал выглядеть моложе, чем был на самом деле.

— Несмотря ни на что? — с этими словами он стал снимать одежду.

Несмотря на соблазн, Аса надеялась сегодня встретиться с Советом Клинков. Если она собиралась поймать их, ей нужно было уйти раньше. Она повернулась, но Коджи прыгнул к ней с озорством. Несмотря ни на что, у него все еще были моменты, когда он вел себя так,

будто был не старше ребенка.

Аса заблокировала его руку, когда он подошел, чтобы обнять ее, завела за него и бросила его. Он упал легко, но простым поворотом выбил ноги из-под нее, и она тоже упала на кровать.

Злясь, что ее планы откладываются, Аса ударила его локтем в лицо. Ранен или нет, она не любила, чтобы люди вмешивались в ее планы. Она почувствовала его приближение и перенаправила локоть. Он отразил его другой рукой, и, прежде чем она узнала, что произошло, они обменивались ударами.

Удары были на грани игривости и злости. Она пыталась нанести удар, ощущала его блок и исправляла цель. Он пытался уйти от ее атак, используя свое чувство. Четыре удара пролетели за пару ударов сердца.

Затем Аса почувствовала блок для удара, который она еще не нанесла. Инстинктивно она поменяла конечности, вонзив колено ему в живот. Он согнулся, без труда приняв удар, но она все еще видела, что причинила ему боль. Она оттолкнулась, и на мгновение мир стал неподвижным.

Аса нахмурилась, обеспокоенная тем, что только что произошло.

Улыбка Коджи медленно исчезла, когда он понял, что Аса больше не играла.

— Что?

— Я никогда раньше не ощущала ничего так далеко вперед. Я даже не двинулась с места, когда почувствовала твой блок.

Похоже, он не особо задумывался о ее проблеме.

— Похоже, я борюсь в полную силу.

Она покачала головой, воспроизводя воспоминание.

— Коджи, я не такая сильная, как ты.

— Ерунда, — он попытался дотянуться до нее, чтобы обнять.

Аса отбросила его руку и опустилась рядом с ним на колени.

— Дело не в моей гордости. Я серьезно. Ты намного сильнее как мечник, и то, что только что произошло, намного превосходило то, на что я когда-либо была способна.

Теперь его смущение тоже было очевидным.

— Ты тренировалась?

— Нет.

Задумавшись, она не почувствовала посланницу, пока та не оказалась почти у палатки. Девушка была клинком ночи, Аса видела ее, но не знала лично.

Они повернулись, когда клинок вошла без стука. Когда она увидела состояние палатки и свободно свисающую одежду Коджи, она покраснела и низко поклонилась.

— Простите.

— Не стоит, — прорычал Аса. — Что такое?

— Только что прилетела птица от наших разведчиков. Приближаются значительные силы, и леди Мари призывает вас обоих подготовиться к битве.

2

Остаток утра превратился в битву порядка против хаоса. Птицы-посыльные летали между разведчиками, войсками Мари и приближающимися войсками. После немалого замешательства Мари и ее командиры узнали, что отряд, идущий к руинам Звездопада, был верен дому Кита. Разведчики сообщили, что они носили синюю униформу и несли знамена, украшенные молотом и мечом, древними символами дома Мари.

Коджи ждал в состоянии нервного возбуждения, расхаживая по палатке. Несмотря на аргументы клинков дня, он был уверен, что был готов к битве. Он чувствовал себя сильнее, чем раньше, хотя и не мог сказать почему. Его тело болело, будто покрытое синяками, которых он не мог видеть, но он был уверен, что, как только возобновит тренировки, его сила и грация вернутся. Если бы не зоркий глаз Асы, он, вероятно, уже пытался бы регулярно тренироваться.

Когда Мари подошла к их палатке, солнце стояло высоко в небе. Коджи без проблем узнал ее энергию. Это был ее первый визит с тех пор, как Коджи предложил ей меч, чтобы лишить его жизни. С тех пор они не разговаривали, но его взгляд редко покидал ее. Он знал, к какой цели намеревался направить свою жизнь.

Коджи низко ей поклонился.

— Миледи.

Она поклонилась не так низко, как и подобало знати.

— Коджи. Рада видеть, что ты в порядке.

Это простое заявление подняло ему настроение, его сердце забилося быстрее.

— Спасибо.

Аса, стоявшая рядом с ним, была менее впечатлена. Он хотел, чтобы Аса видела Мари такой, какой он ее видел. Возможно, когда-нибудь это случится. Она спросила:

— Что тебе нужно?

Вопрос был уместным, а ее тон — дружелюбным, но грубость все еще раздражала его чувства. Мари заслуживала высочайшего уважения.

Мари, похоже, не обиделась.

— Командующего приближающимися силами зовут генерал Фумио. По его словам, он является лидером Первого экспедиционного корпуса дома Кита. Я ничего об этом не знаю, но у него печать моего брата, и они несут наш флаг. Я склонна ему верить, и мы встречаемся под флагом перемирия в предгорьях. Я бы хотела, чтобы вы двое собрали команду надежных клинков ночи, чтобы сопровождать меня.

Коджи чуть не подскочил от приказа Мари, но голос Асы прервал его согласие.

— Ты уверена, что это разумно? Наша позиция и без того шаткая.

— У меня нет выбора. Клинки — часть моей армии, и нет смысла скрывать этот факт. Клинки и дом Кита связаны. Я опасаясь встреч, и без Такахино рядом, вы двое — среди немногих, кому я доверяю.

Мари многое не сказала. На прошлой встрече под флагом перемирия ее предал ее генерал и запер в сундуке. Хотя она звучала спокойно, ее взгляд метался по палатке, выдавая волнение из-за переговоров.

Коджи обдумывал ее последние слова. Мари еще доверяла ему, хотя он признался в убийстве ее старшего брата. Это не было прощением, но он был готов идти за ней по сотне горящих Звездопадов.

Аса слабо поклонилась, принимая задание, и Мари оставила их.

Вскоре они собрались, чтобы идти к месту встречи. Коджи огляделся, поражаясь тому, каких разных людей собрала Мари. Тут были Мари и два советника, их окружали солдаты в синей форме дома Кита и клинки ночи в традиционных черных одеждах. Джун, единственный клинок дня, был еще и советником Мари, он был в белой одежде клинка дня и сочетался с нарядом Мари.

Они обладали преимуществом высоты, но вскоре пожертвовали им. Когда они

спускались, им в лицо дул теплый западный ветер. Ветер шел на пользу лучникам внизу, а Коджи и другие взвалили на плечи щиты, готовясь к худшему. Вес на его спине был неудобным и незнакомым, но клинки недавно на собственном опыте убедились, насколько разрушительным могло быть умелое использование лучников. Они больше никогда не повторят ту ошибку. Какими бы сильными они ни были, они не были непобедимы.

Когда они приблизились, ощущения Коджи были доведены до предела. Для него было большой честью возглавить стражу, и если ему нужно будет отдать жизнь, чтобы защитить Мари, он сделает это без колебаний. Любая судьба лучше, чем быть опозоренным перед ней.

Его меры предосторожности оказались ненужными. Они подошли без труда и вскоре расселись под небольшой палаткой. Когда подошел генерал, Мари пила чай, приготовленный Джуном.

Коджи мгновенно оценил мужчину. Генерал Фумио не был клинком ночи, но все равно держался, как подобало воину. Его осанка и равновесие были почти идеальными, и пока он шел, Коджи видел шрамы, следы службы воина. Генерал осмотрел разношерстное собрание перед ним, его мысли выдала лишь мелкая вспышка раздражения.

— Леди Мари, ваши сообщения дали мне понять, чего ожидать, но не это. Приятно видеть вас, но у меня больше вопросов, чем ответов. Звездопад горит, клинки ночи составляют ваш почетный караул, а вашего брата, с которым я должен был встретиться, нет.

Перед тем как заговорить, Мари сделала еще глоток чая. Коджи догадывался, насколько важен был для нее этот момент. На данный момент ее власть над армией над Звездопадом была прочной, но они проголосуют за нее через четверть месяца. Если Фумио решит не поддерживать ее, она, скорее всего, потеряет солдат. Но если ей удастся завоевать Фумио, ее власть над армией и домом значительно укрепит. Коджи хотел, чтобы у него были какие-то политические навыки, которые он мог бы одолжить Мари, но это было ее испытание.

Мари вкратце рассказала о прошедшем месяце, придерживаясь только голых фактов. Она поведала об осаде Звездопада силами Каташи, своем решении спасти клинков и временном контроле над армией. Она не говорила о предательствах, которые претерпел их дом.

— Мне очень жаль, генерал Фумио. Я послала птиц в другие армии и в Стоункип, но я даже не подозревала, что ваш отряд существует. Если бы я знала, я бы сразу уведомила вас. Это подводит меня к другому вопросу. Что делает ваш отряд?

Фумио выглядел неуверенным.

— Боюсь, это между мной и вашим братом, миледи. Моя миссия была секретной.

— Хироми мертв, генерал.

Шок на лице Фумио был искренним. Коджи не разбирался в людях, но это было очевидно. Его чашка дрожала в руке, которую он сознательным усилием успокоил.

— Что случилось?

— Он был убит, став жертвой заговора между лордом Каташи и генералом Кё.

Взгляд Мари был стальным, пока она рассматривала генерала. Коджи ощутил напряжение в воздухе, которое подхватили все стражи под навесом. Ни одна рука не дотянулась до меча, все они были дисциплинированы, но он чувствовал готовность.

— Я не верю, что Кё способен на такой поступок, миледи, — в голосе Фумио была резкость.

— Тем не менее, это правда. Даю слово.

Глаза Фумио сузились, он опустил чашку.

— Я служил бок о бок с генералом Кё более двадцати лет. Где он? Я поговорю с ним и разберусь с этим. Я найду правду.

Ответ Мари был прямым.

— Я убила его в бою.

Коджи начал движение почти раньше, чем понял, что делал. Он почувствовал, как Фумио пытался схватить меч и напасть на Мари. Стражи в комнате переместились в ответ на изменение баланса генерала. Коджи действовал без раздумий, бросившись к генералу, вытаскивая свой меч, чувство давало ему преимущество над всеми в палатке.

Меч клинка ночи оказался у шеи Фумио еще до того, как его рука добралась до меча. Голос Коджи был низким:

— Коснешься оружия, попросишься со своей жизнью.

Глаза генерала расширились, и руки взялись за мечи в палатке. Они были в нескольких шагах от боя, когда голос Мари вмешался:

— Спасибо, Коджи, но в этом нет необходимости. Сомнения генерала Фумио разумны. Он был участником придворных интриг достаточно долго, чтобы подозревать меня.

Коджи пристально посмотрел на генерала и отстранился. Он быстрым движением вложил меч в ножны и отступил в ряд стражи.

Тишина между двумя лидерами почти трещала от напряжения, но Мари терпеливо потягивала чай, в конце концов нарушила тишину:

— Я предоставлю все доказательства, которые смогу. Кё нанял молодую женщину, чтобы она выдавала себя за меня, она подтвердит свои преступления. Если вы читаете слово клинков, кое-кто пришел спасти меня из лагеря Каташи. И если вы окажете мне свою поддержку, со временем я получу признание Каташи из первых рук.

Фумио не спешил верить.

— Зачем Кё такое делать?

— Я не знаю. Я любила своего брата, но Хироми правил плохо. Он не был подготовлен так, как Джуро. Возможно, Кё считал, что действовал на благо дома. А может, это была простая жажда власти. Это вопрос, на который я не могу ответить.

Фумио пригубил чай, более задумчивый, чем раньше.

— Что бы вы хотели от меня?

— Сначала ответы. Какой была ваша миссия?

Генерал сделал паузу перед ответом.

— Хироми считал, что у него будет возможность пойти на север, пересечь реку и атаковать силы Каташи. Это был глупый план, но я получил приказ.

Мари кивнула.

— Ударная группа в тылу врага. В чем заключалась ваша цель?

— Уничтожить земли дома Амари и, если возможно, убить лорда Каташи.

Мари посмотрела за палатку на группу солдат вдали.

— Только с этим?

Фумио выглядел расстроенным.

— Это элитные солдаты, но да. Я был против этого плана.

Каждый сделал глоток чая. Мари, казалось, оценивала генерала.

— Я планирую стать главой своего дома. Я понимаю, что это идет вразрез с традициями, но люди должны быть в безопасности. Вы присоединитесь ко мне?

Фумио оглядел собравшихся.

— Есть ли у меня выбор? Ваши клинки — могущественная сила.

Голос Мари был строгим:

— У вас всегда будет выбор. Откажетесь, и ваш ранг будет понижен до рядового. Вы по-прежнему будете служить дому и людям, если хотите. В противном случае вы можете выйти на пенсию. Примете мое предложение, и мы сможем предотвратить еще большие разрушения в этой войне.

Фумио долго смотрел на нее. Наконец, он мрачно улыбнулся.

— Иногда вы напоминаете мне Джуро.

Мари поклонилась Фумио.

— Это величайший комплимент, который я могла получить. Спасибо.

— Я приведу свои силы в ваш лагерь к концу дня.

Больше нечего было сказать. Они допили чай, поклонились друг другу и разошлись по своим войскам.

* * *

Совет не мог просить лучшей погоды для проведения собрания. Солнце ярко сияло в небе на фоне пучков тонких облаков. Прохладный воздух, спускающийся с заснеженных гор, смешивался с теплым воздухом равнин внизу, создавая температуру, которая побуждала усталых воинов греться на солнце.

Несмотря на почти идеальную погоду, Коджи чувствовал себя неудобно. А Аса не помогала. Занятые другими делами, они не успевали поговорить после вчерашних переговоров, но когда они смогли, Аса хотела только обсудить действия Коджи.

Коджи не мог понять. С его точки зрения, ничего примечательного не произошло. Но Аса была настойчива.

— Коджи, ты мне доверяешь?

Его темп не замедлялся. Если они дойдут до собрания, этот разговор закончится.

— Конечно.

— Тогда почему ты мне не веришь?

— Потому что то, что ты говоришь, не имеет смысла.

— Подумай, Коджи! Ты был окружен другими клинками. Кто-нибудь еще обнажил меч?

Коджи остановился и развернулся. Они уже знали, что он был быстрее большинства клинков, поэтому, хотя он согласился, что она была права насчет фактов, ее интерпретация была безосновательной. Она подталкивала его принять ответ на вопрос, которого у него не было.

Разочарование Асы вспыхнуло.

— Я не единственная, Коджи. Можешь спросить других. Об этом шепчутся клинки.

Коджи едва сдерживал собственное недовольство.

— Что ты хочешь от меня, Аса?

— Чтобы ты понял, что ты сильнее и быстрее, чем раньше. Я бы хотела, чтобы ты видел это с моей точки зрения. Я едва видела, как ты двигался!

У него не было для нее ответов. В его мыслях мало что изменилось, но ей хотелось большего.

— На что это было похоже?

— Ничего особенного. Я тебе это уже говорил.

Аса выглядела так, будто она ему не поверила, но не стала давить.

К счастью, они пришли на собрание через пару мгновений. Хаджими, лидер клинков,

выбрал место, которое выглядело как естественный амфитеатр. Небольшой склон холма с видом на плоскую поляну, подходящую для речи. Четыре уцелевших клинка совета сидели у подножия холма, а остальные сидели выше. Приглашались все, кто интересовался судьбой клинков. Пространство было не таким удобным, как их разрушенный зал, но каждый клинок должен был слышать дебаты.

Внимание Коджи привлекли два факта. Во-первых, как мало было клинков. Коджи подсчитал, что присутствовало несколько сотен человек. Конечно, они все еще оставались в Королевстве, но их число сильно уменьшилось. Не было сомнений. Он подозревал, что всего осталось меньше тысячи клинков, и эта мысль заставила его вздрогнуть.

Вторым фактом было то, как мало было клинков дня. По традиции клинков дня было меньше, чем клинков ночи, потому что этим навыкам было труднее научиться. Коджи всегда слышал, что на каждый клинок дня приходилось около трех клинков ночи. Но здесь число казалось ближе к десяти. Он смотрел на море черных одежд, лишь изредка перемежающееся белыми. Клинки дня сильнее пострадали от хаоса в стране, или у него изначально была неверная информация?

Он и Аса сели на склоне холма, примерно на полпути вверх по склону, но он не мог избавиться от ощущения, что он находился в центре внимания.

Коджи желал относительной анонимности, которой он когда-то пользовался. Он знал свою силу. Это была простая правда. Но он не верил, что его дела заслуживали признания, которое он получил. Его стыд стал еще более острым из-за осознания совершенных им преступлений. Он помог сжечь дворец. Он убил короля и помог начать эту войну. Независимо от того, что он сделал хорошего, каким бы умелым он ни был, он не был уверен, что его ошибки когда-нибудь исчезнут.

Перед началом встречи к ним присоединилась Джунко, молодой клинок ночи, которую Аса спасла из Звездопада. Она часто была рядом и ловила любой момент, когда могла быть рядом со спасительницей. После осады девушка ежедневно тренировалась, желая показать себя Асе. Аса, к сожалению, уделяла девушке мало внимания. Коджи предположил, что у нее на уме были другие проблемы.

Хаджими встал, чтобы обратиться к толпе. Даже издали он выглядел таким же подавленным, как и собрание, которое он вел. Когда-то он выглядел сильным, из тех, с кем сражались только в случае необходимости. Его глаза все еще горели, но мышцы пропали с костей за последние пару месяцев, а темные мешки под глазами подтверждали, что он мало спал.

Его голос все еще разносился над собравшимися:

— Нашего дома больше нет, но наша сила остается. Мы собрались сегодня, чтобы решить, в каком направлении пойдет наш народ. Мы выслушаем предложения и мысли.

Коджи приготовился к долгому обсуждению. Обычно совет принимал решения и сообщал остальным клинкам. Ходили слухи, что Хаджими было неудобно принимать решение, не зная мыслей людей. Коджи считал идею отвратительной. В такие моменты клинкам требовалось сильное лидерство, а не опрос. Сегодня будут представлены десятки, если не сотни, различных идей без четкого направления. Не так нужно было вести.

Один за другим клинки выходили вперед и высказывали свое мнение, собрание было внимательным и заинтересованным. Коджи заметил закономерность после нескольких выступающих. Почти все хотели перестроить Звездопад. Они хотели вернуть прошлое и власть, которой когда-то обладали. Были предложения заставить лордов преклонить колени

перед Хаджими, и один клинок зашел так далеко, что предложил выбрать следующего короля из их рядов, идея столь же незаконная, сколь и опасная. Но никто не высказывался против этой мысли.

Коджи оглядел склон холма. Большинство клинков ерзало. Те, кто спускался, громко кричали, но Коджи заметил множество взглядов среди собравшихся. Большинство понимало, что ораторы продвигали мечту, которой никогда не суждено сбыться, но ни у кого не хватало смелости сказать правду. И чем больше выступало за ведение переговоров с домами с позиции власти, тем больше людей, казалось, верили в это глупое заблуждение.

Ему было гадко слушать, как дебаты становились все глупее. Ветер перемен захватил клинков, и они могли думать лишь о возвращении того, как было. Лучшее прошлое, о котором они говорили, казалось воображением, а не реальностью, но иллюзия медленно завоевывала все больше сторонников.

Он не мог это допустить. Правда казалась очевидной. Она висела над собранием как плотное душащее одеяло, но никто ее не признавал. Он встал, чтобы его узнали, и услышал, как шепот стал громче. Даже Аса подняла взгляд. Она знала его мысли, он ощущал ее поддержку. Она была заинтересована только в себе, потому не говорила при толпе, но он знал, что его поддержит хоть один человек, и это дало ему сил говорить смело.

Хаджими узнал Коджи, когда тот вышел вперед. Он сглотнул, подбирая слова. Инстинкт помогал ему биться, отточенный за годы тренировок. Но соглашение заведет их дальше.

— Я уважаю голоса тех, кто выходил до меня, но я не согласен.

Коджи не знал, показалось ли ему, что большая часть толпы склонилась ближе, чтобы послушать.

— Мы должны признать суровую правду. Многие из того, что я слышал сегодня, выражает желание, чтобы мир вернулся к прошлому. Я понимаю это желание. Я хочу вернуть свой дом, и я хочу уважения, которое когда-то было моим благодаря этой одежде, которую я заслужил право носить. Но Великий Цикл вращается лишь в одном направлении. Оглянитесь, — он сделал паузу, чтобы подчеркнуть эти и подобрать следующие слова. — Нас здесь должны быть тысячи. Каждый из нас потерял друзей и семью, людей, с которыми мы тренировались и с которыми сражались. Многие в Королевстве хотят, чтобы мы умерли. Вы все это знаете. Мы все видели страх и ненависть в глазах тех, кому мы служим. Да, здесь есть сила, сила изменить ход будущего. Но не сила подчинить Королевство нашей воле.

Коджи показалось, что он услышал гневное бормотание, но его это не остановило.

— Наша цель не может состоять просто в том, чтобы вернуть прошлое. Это не лучше, чем взрослый, желающий снова быть ребенком. И мы не дети. Я недостаточно умен, чтобы точно знать, что нужно делать, но у меня есть одно предложение. Пока что следовать за леди Мари. Она не слушается традиций, но те из нас, кто встречал ее и видел лично, были впечатлены. Она предлагает нам укрытие, пока другие лорды планируют осаду. Ее дом богат ресурсами, но беден людьми. Без нас ее земли перешли бы к другим лордам. Но вместе мы еще можем восстановить равновесие в Королевстве.

Коджи хотел сказать больше, но выразил свое мнение. Говорить дольше было бы неуважительно. Он поклонился и занял свое место. Даже Аса выглядела задумчиво, и это было большим комплиментом, чем он ожидал.

Оратор, выступавший после Коджи, опроверг многие из его утверждений, но Коджи чувствовал изменение отношения в толпе. Его голос остановил тиранию меньшинства. Один за другим приходили другие ораторы, каждый из которых, по сути, соглашался с Коджи.

Некоторые разошлись в деталях, но все они согласились с одним фактом: их лучший шанс на выживание был с Мари. Будущее было неизвестно, но их немедленные шаги казались очевидными.

Когда совет, наконец, принял решение на заходе солнца, это было почти запоздалое решение.

Клинки объединятся с домом Кита.

* * *

Через пару дней амбиции Мари подверглись новой проверке, голосованию армии.

Коджи и несколько клинков ночи сопровождали Мари туда. Насколько Коджи знал, такого в истории Королевства еще не случалось. Он слышал аргументы Мари, но все еще не был уверен, что верил им. Лидеры не должны были обращаться за поддержкой к людям, которых возглавляли. Их долг — вести, а долг других — следовать.

Мари рассмеялась, когда он сказал ей об этом, и спросила, думал ли он, что так был устроен мир.

— Да, раз ты так говоришь.

Она засмеялась еще сильнее. Коджи был рад, что он мог принести ей немного счастья, но был уязвлен, что она была низкого мнения о его взглядах.

— Коджи, извини, если оскорбляю. Если бы это было правдой, в мире было бы намного легче жить. Но как думаешь, то, что верно в отношении тебя, верно и в отношении других? Кто из них последовал бы просто потому, что считал это долгом?

Коджи признал ее точку зрения.

— А если они решат, что ты не подходишь для управления ими?

— Тогда я ничего не могу сделать. Любой правитель, полагающийся исключительно на страх или силу, рано или поздно будет свергнут. История многому нас научила. Я не могу использовать и клинков таким образом. У меня не будет выбора, кроме как уйти в отставку.

Коджи не мог заставить себя принять такую возможность.

— Должен быть лучший способ.

В тот день она выиграла спор, но Коджи все еще не поддерживал идеи Мари. Они были странными и непроверенными, в них было слишком много вопросов. Риск неудачи казался ему слишком большим. Коджи наблюдал, как Мари боролась за голоса своих солдат. Она публично раскрыла себя как Леди в Белом, мятежницу, кормившую деревни всю зиму. Она путешествовала с клинками ночи, куда бы она ни пошла, как для защиты, так и для напоминания людям, что их судьбы под ее руководством будут связаны вместе.

Но, что важнее, она присутствовала. Она учила стрелять из лука, доказав, что, хотя она и была женщиной, она была не лишена боевых способностей. Ее мастерство владения луком превосходило всех, кроме лучших в армии, и много серебряных монет было потеряно людьми, делавшими ставки против нее.

Мари присутствовала на всех собраниях командиров. Коджи сопровождал ее во время одного из них и был впечатлен. Она подвергала сомнению предположения командиров, задавала разумные вопросы и прислушивалась к полученным советам. Она открыто признавала, что ей не хватало подготовки, чтобы быть генералом, но она училась.

Мари ела с мужчинами, большую часть времени выслушивая их проблемы и жалобы. Поначалу мужчины с ней вели себя неловко. В конце концов, у них не было опыта общения с королевской семьей, тем более с леди. Но в течение полумесяца они приняли ее.

Конечно, оппозиция все еще была. Горстка командиров среднего звена просто не могла

подчиняться приказам женщины. В соответствии с нынешним порядком они сохранили свои позиции, но если Мари станет выбором армии, их звание окажется под угрозой. Неудивительно, что некоторые из их взглядов перешли на людей, которые служили им. Однако Коджи не знал, насколько глубоко было это отношение. Среди клинков хорошо воспринималось присутствие женщины во главе. Клинкам был дан авторитет, соответствующий их навыкам, независимо от пола, но остальная часть Королевства не чувствовала того же.

Армия собралась на том же склоне холма, где несколько дней назад встретились клинки. Мари стояла перед ними, готовая обратиться к толпе.

Когда все притихли, она начала. Коджи стоял позади нее, следуя ее указаниям. Она хотела, чтобы он был виден, но не настолько близко, чтобы кто-нибудь поверил, что она выполняет приказы клинков.

— Господа. Сегодня мы творим историю. Никогда прежде знать дома не просила права руководить. Я не буду тратить ваше время на красивые слова. Большинство из вас видели меня в бою. Вы видели, как я веду, и в последние дни у вас была возможность задать мне вопросы. Несомненно, вы уже приняли решение. Я знаю, насколько необычно это обстоятельство, и хотя я верю, что смогу возглавить эту армию и защитить наш народ, я не буду просить сражаться за меня никого, кто не хочет. Это не мой путь.

На этом ее речь, пусть и короткая, закончилась. Коджи ожидал большего.

Она отступила назад, и генерал Фумио шагнул вперед, чтобы дать указания для голосования. Перед собранием армии каждого солдата попросили найти по камешку. Перед ними, там, где несколько дней назад заседал Совет Клинков, было небольшое крытое строение. Внутри были две корзины, на одной было написано имя Мари. По одному каждый солдат быстро шагал в замкнутое пространство и бросал свой камешек в корзину. Фумио наблюдал. Он был единственным, кому все согласились доверять. В остальном голосование было уединенным.

Процесс был достаточно простым. Вскоре мужчины начали выстраиваться в очередь. Каждое голосование занимало всего пару мгновений, но пройти через тысячи голосов все равно было непросто.

Коджи подавил желание использовать чувство, чтобы понять, что происходило внутри палатки. Во-первых, его долгом было защитить Мари. Его внимание должно быть обращено на нее и на окружающих. Во-вторых, Мари обещала, что клинки никоим образом не будут мешать. Он сдержит обещание.

Вместо этого Коджи сосредоточился на толпе, угадывая их намерения по тому, как они держались. Мари гордо стояла в стороне, пока люди голосовали. Она благодарила каждого солдата, проходившего через палатку для голосования, и через некоторое время он подумал, не начнет ли у нее от этого болеть или кружиться голова.

Солдаты были заинтригованы идеей голосования. Большинство из них сохраняли лица нейтральными, но их шаги пружинили, когда они шли через палатку, чтобы их голоса были услышаны.

Чувство Коджи блуждало по склону холма, но он не мог обнаружить никаких угроз. Если кто-то хотел навредить Мари, его здесь не было. Это радовало. Каждый раз, когда кто-то пытался изменить мир, находились те, кто боролся с этим. Если Мари выиграет здесь сегодня, ее битвы только начнутся. Она станет целью убийств, политических манипуляций и многого другого. Он верил в нее, но не завидовал той ответственности, которую она хотела

ВЗЯТЬ.

Солнце миновало зенит, когда последний солдат прошел через палатку и вернулся на свое место на склоне холма. Фумио вышел через мгновение, впервые с начала голосования. Его голос отчетливо прозвучал на склоне холма:

— Никакого подсчета не требуется. Леди Мари, эта армия ваша.

Коджи наблюдал за реакцией Мари, хотя и приглушенной. Она вышла вперед, опустилась на колени и поклонилась до земли. Собравшиеся солдаты шумели. Никто из них никогда не видел, чтобы лорд или леди так низко кланялись кому-либо.

— Спасибо, — просто сказала она, вставая. — Ваша вера не будет напрасной.

На этом собрание закончилось. Мари вернулась к своей палатке, когда командиры начали собирать солдат, чтобы возобновить нормальную жизнь в лагере. Несмотря на то, что только что произошло знаменательное событие, все еще оставалась дежурная охрана и приготовление еды.

Коджи и Аса последовали за Мари. Он как раз собирался поздравить ее, когда к ним подбежал посыльный, тяжело дыша. Его глаза были напуганным.

— Миледи, извините, но мы только что получили птицу. Трон в вашем доме занял другой.

3

Тем вечером Мари и лидеры дома Кита сидели вокруг костра. Огонь давал уют, тепло отгоняло холод не только вечера, но и событий дня. Новости из Стоункипа заморозили сердца ее поддержки. Эффект был особенно мрачным после радости армии, выбравшей Мари.

Несмотря на прогресс, которого она достигла, теперь ее положение было еще более опасным, чем когда-либо. Она стояла на краю рушащейся скалы, пытаясь спастись.

Возможно, худшим последствием этой новости было то, что она заставила Мари сомневаться в себе. Она никогда не думала, что ей придется так быстро справиться с очередным предательством, и это заставило ее усомниться в том, стоило ли ей вообще править.

Как ни странно, присутствие Коджи у огня заставляло ее двигаться вперед. Хотя она все еще чувствовала знакомую волну гнева каждый раз, когда смотрела на него, его поддержка была громкой и страстной. Его вера в нее придавала ей уверенности в себе. Если у нее была верность воина его силы, у нее были качества, необходимые, чтобы вести свой народ. Она должна была в это верить.

Ранее в тот вечер Мари получила полный отчет, и новость по-прежнему вызывала у нее боль каждый раз, когда ее мысли уходили в сторону столицы. На трон их домашних земель претендовал Тацуо, благородный советник, которого Мари знала лично с детства. Он всегда был рядом с домом, и этот факт, вероятно, укрепил его притязания.

Вечер был потрачен на написание писем, отправку птиц и гонцов ко всей знати, объявление ее претензий, подкрепленных поддержкой армии и клинков. Тем не менее, пройдут дни, прежде чем она услышит ответ и узнает отношение других вельмож в этом неожиданном конфликте. Ей хотелось верить, что они поддержат ее благодаря ее крови. Этими землями правил дом Кита почти двадцать поколений. Но она привыкала к предательским ударам, которые претерпел ее дом.

Если бы она была в Стоункипе, она могла бы приказать Коджи убить Тацуо. Предатель заслуживал такого, и хотя Мари ненавидела убийства, ее земли не могли пострадать в

результате гражданского конфликта с большой войной на пороге. Им нужно было единство сейчас больше, чем когда-либо. У нее не было времени на более мягкие решения.

К счастью, пребывание в предгорьях сделало этот шаг менее осуществимым. Вдали от Стоункип она могла подумать. У нее были клинки и большая часть армии. У дома Кита были и другие отряды, кроме тех, что были с ней, но они были меньше по размеру и разбросаны по землям. С ее силой она имела самые сильные претензии.

Мари покачала головой. Она не могла позволить себе думать, что сражалась за трон. Он было ее, и его хотел предатель. Если она хоть немного поверит конкурирующим утверждениям, это подорвало ее собственный авторитет. Она была леди дома Кита.

Основная проблема заключалась в том, чтобы проникнуть в сам Стоункип. У Тацуо был контроль над столицей, его единственная претензия на власть. У Мари не было желания вести свою армию в гражданскую войну, а Стоункип был почти неприступен. Он был построен на склоне горы на длинной узкой тропе. Выше были многоуровневые рисовые поля, которые питали город и сами были защищены от осады. Если Тацуо решит, он сможет удерживать город бесконечно с помощью не более пятидесяти солдат. Действия Мари должны были быть быстрыми, тонкими и решительными.

За вечер она изложила свою стратегию. Большая часть ее плана осталась неизменной. Ситуация в Стоункипе была лишь небольшой частью проблем, с которыми столкнулись земли ее дома. Ей нужно было объединить людей, победив Тацуо, но ей также нужно было защитить свои земли от вторгшихся армий лорда Каташи.

Приказы, которые она дала сегодня вечером, были еще одним испытанием. Она знала, что ее последователям не понравятся эти команды. Но им пришлось подчиниться приказу Мари. Если она не могла убедить самых близких слушаться, какие у нее были шансы?

Мари кашлянула, и внимание у костра сосредоточилось на ней. Прежде чем заговорить, она посмотрела на собравшихся. Фумио присутствовал. После голосования одной из ее первых команд было поручить ему управление объединенными армиями. Выбор был прост. Он был не только самым опытным, но и самым высокопоставленным генералом из живых.

Рядом с Фумио сидела лучшая новость за весь день. Такахиро, начальник ее стражи, вернулся. Он был далеко с небольшим отрядом клинков, но поспешил в Звездопад, как только услышал о катастрофе. Они коротко поговорили, но Мари отвлекли другие обязанности. Она надеялась потратить больше времени на то, чтобы наверстать упущенное. Однако просто увидеть его было достаточно, чтобы легче дышать.

Рядом с Такахиро были три клинка, которые были для Мари ближе всех. Джун, клинок дня, был с ней с самого начала ее кампании. Он был одним из ее старших сторонников. Коджи и Аса сидели рядом, завершая ее круг поддержки. Она не могла не заметить, насколько близко они двое наклонились друг к другу.

Мари не теряла времени на бессмысленные речи. Было неприятно отдавать приказы, которые ненавидели люди, но ради безопасности ее народа другого выбора не было.

— Мы должны действовать быстро, чтобы наш дом не развалился. Наше выживание зависит от нашего единства.

У костра кивали в знак согласия. Конечно, все они были согласны с ее целями. Они будут спорить только с ее методами.

— Фумио, я хочу, чтобы ты поработал с Джуном. Ты возьмешь армию и тех клинков, которых сможет собрать Джун. Силы лорда Каташи нужно отогнать на их земли. Нам нужно обезопасить нашу границу и оттеснить их за реку.

Ее генерал казался неуверенным.

— Не лучше ли направить армию в Стоункип? Это самая крупная сила на земле, и одно лишь зрелище должно заставить Тацуо отречься от престола.

Мари ожидала это.

— Нет. Стоункип в настоящее время более важен как символ, чем как стратегическое место. С Тацуо будет покончено, но не армией. Наши земли и люди нуждаются в помощи, а это означает изгнание лорда Каташи.

Фумио кивнул. Она ожидала от него большей борьбы, но его согласие вселило в нее уверенность. Каташи был проблемой. Его войска отступили после осады Звездопада, но не вернулись в свои земли. Они обосновались на землях дома Кита и вряд ли отступят без убеждения. Если послания, которые они получили, были точными, силы Каташи уже рассредоточились по земле, забирая те скудные запасы еды, которые остались после суровой зимы.

Дальше шли приказы для Коджи:

— Я хочу, чтобы ты собрал группу клинков. Твоя необычная тактика отсрочила эту войну. Теперь я хочу, чтобы ты помог мне победить. При всем уважении к Фумио, если мы просто попытаемся сопоставить силу с силой, мы проиграем. Даже если мы выиграем, цена будет высокой. Нас намного меньше. Атакуй их линии снабжения, убивай их разведчиков, делай все, что только сможешь придумать, чтобы сломать их.

Коджи встретился с ней взглядом.

— Я надеялся стать частью твоей охраны.

Она также ожидала, что это произойдет. Коджи придерживался долга части, твердо сосредоточился на ее защите. Решение было благородным, но сейчас оно не несло особой пользы. Его навыки лучше использовать против ее врагов.

— Я понимаю и ценю это, — ее голос был спокойным, удивив даже ее. Она не простила Коджи, но ей казалось, что она его понимала. — У меня есть особые планы в отношении моей стражи, Коджи, и хотя твой меч полезен для защиты меня, он принесет моим людям гораздо больше пользы, если ты нанесешь удар по Каташи.

Ему это не нравилось, но он согласился. Из всех собравшихся перед ней его верность и послушание были самыми сильными. Коджи поклонился, подтверждая ее интуицию.

— Да, миледи.

Мари повернулась к Асе, единственной оставшейся и той, в ком она меньше всего была уверена.

— Аса, я хочу, чтобы ты стала главой моей стражи.

И Аса, и Такахиро казались ошеломленными, и она увидела, как они неуверенно переглянулись.

— Миледи? — спросила Аса.

— Да?

— Почему?

— Потому что у клинков давно были женщины-лидеры. Потому что твои мечи — мощное оружие, и в замкнутых пространствах Стоункип твои навыки будут неоценимы. И потому что мне нужно, чтобы Такахиро стал моим главным советником. Он не может выполнять обе роли одновременно.

Такахиро первым понял ее намерения.

— Вы собираетесь проникнуть в Стоункип, да?

Мари кивнула.

— Я надеюсь вернуть Стоункип дипломатией, но если это невозможно, да, мы отправимся туда с группой клинков.

Мари смотрела на группу. Аса и Коджи переглядывались, их явно ждал спор этой ночью. Она видела расстояние между ними, какого не было мгновения назад. У них было много общего, но не все, и им было тяжело признать разные мнения. Но они оба послушаются. Должны.

Нужно было учесть сотню мелких деталей, но их кампания по спасению Королевства начиналась этой ночью.

* * *

Они все еще были на расстоянии лиги, но высокие каменные стены Стонукипа уже возвышались над ними. Дорога, по которой они ехали, была гладкой, на каждом шагу были заметны сотни лет движения. Тропа была относительно узкой, ее едва хватало для двух телег. Тропа шла по склону горы, вырубленная за много жизней работы. Слева от них виднелась сплошная каменная стена, вода в которой местами стекала из-за таяния снега и родников высоко наверху. Там, где всегда текла вода, под тропой были построены небольшие туннели, позволяющие воде проходить под ними, не пропитывая дорогу. Справа от них был обрыв, дно долины уже было в сотне шагов и отступало с каждым шагом. Птицы улетали вдаль на уровне глаз, легко паря в воздухе в солнечный день.

Тропа была крутой, и с легкостью двигались только те, кто привык к высоким горным перевалам. Воздухом дышать было труднее, и даже Мари обнаружила, что ей приходится бороться сильнее, чем обычно. Похоже, она слишком долго пробыла в низинах. Но дела у нее были лучше, чем у ее товарищей. Рядом с ней Аса затаивала дыхание, изо всех сил пытаясь скрыть свою слабость перед остальными. Впрочем, стыда в этом не было. Даже сильнейшие теряли бодрость, если не привыкли к таким высотам.

Их путешествие заставило Мари вспомнить день, когда ее отец был коронован лордом их дома, через месяц после смерти ее деда. Она была еще совсем маленькая, но помнила яркую процессию, которая ползла с долины внизу в город наверху. По сей день она не была уверена, что когда-либо видела более впечатляющее зрелище.

Для нее не существовало такой процессии. Они шли маленькой группой. Некоторые из ее почетного караула уже были в городе, заводя контакты и узнавая настроение людей. За ними шли и другие. Мари ехала только с двумя. Аса была в дорожной мантии из поношенной, но плотной ткани, защищавшей ее от непогоды. Ее мечи были спрятаны за спиной, и, если судить по прошлому опыту, на ее теле было, по крайней мере, полдюжины другого оружия. Но ничего не было видно.

По другую сторону от нее был Такахиро. Из троих он лучше всех справился с разреженным воздухом и крутой тропой. Часть работы, которую он выполнял с клинками, происходила в горах на юге, поэтому его легкие были готовы к напряжению похода. Он также был без формы. Страж нес меч на бедре, уверенный, что он не привлечет внимания.

Если бы это не вызывало вопросов, Мари предпочла бы идти только с Асой. Она чувствовала бы себя в безопасности, и Аса не была так сильно озабочена ее защитой, как Такахиро. Мужчина постоянно переживал за нее, беспокоясь о мелочах. Аса позволяла ей делать то, что ей заблагорассудится. Возможно, дар Асы позволял ей чувствовать себя увереннее, а возможно, Такахиро не совсем перерос необходимость защищать. Такахиро был полезным советником, и ему всегда можно было доверять, но Мари находила его

постоянную опеку временами утомительной.

Дыхание Асы снова стало затрудненным. Они остановились, как уже привыкли делать. Она не могла им помочь, если тяжело дышала. Пока она восстанавливала силы, Такахиро и Мари рассказывали о своих воспоминаниях о Стоункип и гадали, каким был город сегодня. Они уже давно там не бывали, хотя оба называли место своим домом. Дыхание Асы стало ровным, и они продолжили подъем, не замечая паузы. Аса была слишком гордой, чтобы поблагодарить их, и никто из них не просил признания.

Солнце только миновало полдень, когда они подошли к воротам. Мари посмотрела на массивные двери, все еще поражаясь тому, что построил ее дом. Стены были толщиной в несколько шагов, дверь — тяжелой, укрепленной деревом. Ее взгляд скользнул по крутой тропинке, где за стальными воротами стояло несколько валунов. В случае осады, если дверь все-таки упадет, валуны будут выпущены, блокируя вход для захватчиков.

Ворота они прошли без проблем. Мари и Аса держали головы опущенными, как и следовало. Страж сказал Такахиро, что не завидовал его работе по сопровождению двух девушек. Такахиро рассмеялся, и их пропустили без проблем. Мари отметила, что Аса, которая меньше привыкла к отношению к женщинам в Королевстве, впиалась взглядом в стража, но ей хватило ума опустить голову.

Когда они миновали ворота, Мари выдохнула с облегчением. Она ожидала большего, но теперь она была дома.

Дорога за воротами была крутой, узкой и вела только в одном направлении. В детстве Джуро объяснил ей, что это было для защиты. Путь был единственным входом в город. Если они сломают ворота и пройдут через валуны, армия попадет в узкие коридоры, где их можно будет убить с легкостью.

Была причина, по которой Стоункип никогда не разрушали. Фактически, никто и не пытался атаковать. Если память Мари не изменяла, в последний раз они закрывали ворота около ста тридцати лет назад, и это произошло из-за чумы.

Она вдыхала ароматы города. Все было так знакомо. Сколько раз она шла по этой дороге? Всю жизнь, поглощенную хаосом и сложными решениями, она находила утешение в воспоминаниях.

Ее облегчение закончилось в тот момент, когда они покинули внешний город и вышли на равнину среднего города. Здесь работали предприятия и жили более богатые жители. Чем ближе к внутренней цитадели, тем богаче были обитатели. Мари ожидала увидеть оживленный рынок, но нынче у нее сложилось другое впечатление о своем доме.

Настроение было мрачным. Прилавки были открыты, но продавцы не кричали, не соперничали друг с другом. Люди покупали, но не так много, как должны были. Рынок был тихим и спокойным. Проходя мимо, Мари увидела мрачные лица и сердитый торг. Даже запаха мяса, жарящегося на открытом огне, было недостаточно, чтобы вызвать у Мари приятные воспоминания.

Она знала, что зима была суровой, но из всех мест Стоункип должен был оставаться в безопасности. Он выращивал большую часть собственной еды, не подвергался опасности. Был ли моральный дух настолько низким, или что-то еще было причиной того, что она увидела?

Мари подавила желание задать вопросы. Она натянула капюшон от горного ветра и склонила голову. Она ничего не добьется, объявив о своем присутствии. Им нужно было больше информации, прежде чем они смогут спланировать следующий шаг.

Когда они уходили с рынка, Мари удивилась, увидев плакаты с объявлением о розыске. Судя по наброскам и описаниям, некоторые из разыскиваемых были молодыми мужчинами и женщинами, а некоторые рисунки делали их почти детьми.

Мари приняла к сведению информацию, но не отреагировала. Происходило явно больше, чем она ожидала, но не было смысла строить догадки, пока она не узнает больше. Она последовала за Такахиро в гостиницу, в которой они договорились собраться, за ней последовала Аса, которая, как кошка, двигалась сквозь толпу.

Гостиницей управлял пожилой мужчина, который был ярым сторонником дома Кита. Мари порывисто сбросила капюшон и вошла в гостиную. Она огляделась и заметила, что несколько человек обратили внимание на прибывших. На шаг позади нее Аса яростно прошептала:

— Подними капюшон.

Мари подчинилась. На них бегло взглянули, и она не слишком волновалась, но было разумно сохранять осторожность. Такахиро поговорил с трактирщиком, и через несколько мгновений они оказались в удобной, хорошо обставленной комнате.

Мари, не теряя времени, повернулась к Такахиро.

— Что произошло?

Взгляд Такахиро был пустым.

— Я знаю не больше вас, миледи, но я согласен. Город, кажется, потерял свой дух.

— Мне будет очень интересно услышать, что скажут другие стражи.

Такахиро кивнул.

— Я свяжусь с вами, миледи. Пожалуйста, устраивайтесь удобнее.

Бывший страж ушел, и Мари подошла к окну, из которого открывался вид на рынок. Она покачала головой, говоря частично с собой, частично с Асой:

— Стены те же, но это не тот город, в котором я выросла. Это не мой дом.

* * *

В тот же вечер Такахиро вернулся, и новости не радовали. Законы города и земли, основа их общества, постепенно отменялись. Тацуо хорошо понимал, что право на власть в первую очередь приходило с одобрения землевладельцев и знати. Его политика шла на пользу правящему классу. Мари и ее семья всегда пытались уравновесить потребности простолюдинов с потребностями землевладельцев — трудный, но необходимый танец. Знать хорошо жила при отце Мари, но теперь они радовались.

Этот факт был проблемой во многих отношениях. Если Тацуо прочно утвердится в среде знати, выбить его будет труднее, чем предполагала Мари. Она все еще ждала ответов на послания, которые она отправила несколько дней назад знати. Несмотря на ее силу, ее уже победили? Эта мысль пугала ее, но она отказалась верить в это.

На следующий день Мари попросила Асу отвести ее в центр города. Было запланировано открытое заседание совета. Если традиция все еще сохранилась, это была возможность для людей высказать недовольство. Отец Мари считал, что эта практика была одним из ключевых способов объединения людей в доме. Всем нужно было знать, что их голоса услышат.

Аса молча шла за ней, и Мари гадала, о чем думает клинок ночи. Аса редко говорила, если ее не спрашивали, что было противоположностью большинства людей, которые обычно окружали знать. В большинстве случаев Мари ценила разницу, но сегодня она заплатила бы, лишь бы знать, что на самом деле творится в голове ее спутницы.

Они вышли во двор, шагов сто в длину и тридцать в ширину. С двух сторон на скамейках собрались люди. Мари узнала некоторые лица, но не все. Некоторые присутствовали, чтобы быть услышанными. Другие смотрели, а третьи плели интриги. С первого взгляда Мари показалось, что она могла сказать, кто есть кто. Хоть мир изменился, некоторые его части, которые она считала кошмаром, сохранялись.

Ее отец был честен со своими детьми. Он хотел, чтобы открытый совет стал временем оценки состояния земель. Если он мог исправить ошибки, он хотел получить шанс. Но действия, предпринятые публично, часто преследовали их. И знать, и простолюдины использовали предыдущие постановления, чтобы попытаться заставить лорда уступить нелепым требованиям. Открытый совет был тяжелым испытанием для ее отца.

Когда Тацуо вошел во двор, Мари едва сдержалась, чтобы не приказать Асе убить его. Она не была уверена, что Аса подчинится такому приказу, но ее желание было сильным. Ее раздражало все, от того, как он шел, до того, как он сел во главе двора, будто был рожден для этого.

Разобраться с первыми несколькими истцами было несложно. Лорду нужно больше семян для своей земли. Купец хотел открыть второй киоск, так как его первый уже не мог обслуживать всех покупателей. Мари почти ощущала, что сцена перед ней шла по сценарию. Вполне возможно, что так оно и было. Это задавало настроение совета, показав легкие решения Тацуо.

Атмосфера изменилась, когда перед Тацуо встал плохо одетый мужчина. Судя по его одежде, это был фермер. Судя по лицам Тацуо и совета, этот человек не должен был находиться там.

Мужчина начал медленно:

— Милорд, я прибыл к вам сегодня, потому что у моей семьи забирают заработанную мною пищу.

Тацуо выглядел скучающим.

— Уточни.

Фермер заикался.

— Милорд, в соглашении, которое я заключил с моим господином, было указано, что одна часть из пяти будет для моей семьи. Но теперь нам разрешают оставлять только одну часть из десяти. Моя семья голодает, милорд, и я прошу вас настоять на условиях соглашения. Я уверен, что ваше слово поможет решить эту проблему.

Тацуо лениво оглядел двор.

— У тебя есть доказательства этого?

— Мое слово, милорд.

— Против дворянина? Скажи мне, кто хозяин твоих земель?

— Йошинори, милорд.

Тацуо сердито посмотрел на мужчину.

— Йошинори — благородный человек, и ты осмелился прийти сюда, пытаясь разрушить его репутацию?

Фермер был потрясен. Мари без труда поняла, говорил ли фермер правду. Его одежда была старой и местами в заплатках, и она свисала с его плеч. Он был голоден. Она повернулась к Асе и прошептала:

— Что ты чувствуешь в фермере?

— Я не думаю, что он лжет. Его энергия очень слабая.

Слова Асы подтвердили веру Мари. Вероятно, в этой ситуации фермер был прав. Хуже того, его аргумент был правдой: одно письмо от Тацуо решило бы проблему, и вряд ли Йошинори стал бы голодать.

Но Мари подозревала, что это было не все. Земли Йошинори лежали в долине ниже Стоункипа. Учитывая близость к столице, он часто играл важную роль в делах двора. Было легко поверить, что между Тацуо и Йошинори было соглашение, которое лишало фермеров их урожая и пополняло казну этих двух мужчин.

Мари смотрела на Тацуо с новой точки зрения. Лорд отпустил фермера.

— Твоя жалоба беспочвенна. Я считаю, что ты, вероятно, был выбран врагами дома, чтобы ослабить нас. Уходи сейчас, и тебя не посадят.

Фермер не мог подобрать слов. Его челюсть двигалась, но слова не выходили. Он внезапно осознал опасность, в которую его завела жалоба. Одной части из десяти было недостаточно, но это было больше, чем его семья получила бы, если бы его посадили в тюрьму. Он развернулся и выскользнул из двора. Позади него Тацуо усмехнулся.

Лорд повысил голос, чтобы все могли слышать, включая удаляющегося фермера:

— Отметьте, народ. Наш дом крепок, и нас не разорвут на части те, кто стремится к нашему уничтожению.

Мари подавила желание выйти во двор. Было еще слишком много вопросов, и она не могла допустить большего хаоса. Ее действие, когда она его предпримет, должно быть решающим. Увидев Тацуо в действии, она знала, насколько решающими будут ее действия. Ему повезет, если он спасет свою жизнь от ее гнева.

Она проследила за фермером, отойдя от зрителей. Аса тихо шла за ней.

Мари нашла фермера после того, как он сделал всего несколько шагов из двора. Она положила руку ему на плечо, чтобы остановить его, и он вздрогнул. Она чувствовала, каким худым он был, настолько, что она боялась сломать ему плечо, если будет сжимать слишком сильно.

Когда он увидел, что это не страж, он сразу расслабился. Мари позволила ему увидеть ее лицо. Когда он это сделал, его глаза загорелись.

— Леди Мари.

Глаза мужчины наполнились облегчением, и Мари испытала волну вины. Если бы она приняла более правильные решения, возможно, жизнь этого фермера не дошла бы до этого.

— Ничего не говори об этом. Но я все исправлю.

Мари передала фермеру мешочек с золотом. По всей видимости, столько фермер не заработал бы и за годы работы, но если план Мари осуществится, это будет лишь небольшая часть того, что ей будет доступно. Дому Кита могло не хватать людей, но не золота.

Фермер начал опускаться на колени, но Мари легко подняла его.

— Нет. Опять же, ничего об этом не говори. Грядут перемены, но о моем присутствии нельзя знать.

Она почти чувствовала неодобрение Асы, когда фермер ушел. Она ответила на невысказанный вызов клинка ночи.

— Возможно, в этом не было необходимости, но династии поднимались и падали и от меньшего. Он не будет говорить обо мне, но когда я сделаю свой ход, он расскажет всем, что здесь произошло сегодня.

Аса не ответила, но Мари этого и не ожидала.

— Идем. Пора вернуть мои земли. Тацуо будет сожалеть о боли, которую он причинил

моему народу.

4

Аса ненавидела города. Из-за дара чувства они давили на ее разум как бесконечный кошмар, подавляли ее весом множества людей. Стоункип был хуже многих. Пространство, в котором он был построен, было небольшим, поэтому, чтобы вместить больше людей, они построили его вверх. Здания в три или даже четыре этажа были обычным явлением, в них люди собирались, как коровы перед бойней. Было слишком много людей и слишком мало места.

Она вспомнила свой первый визит в город. Ей было мало лет, и ее родители решили отпраздновать хороший урожай. Они редко бывали в городах или даже деревнях, если на то пошло. Их семья осталась в их маленьком уголке мира. Сегодня Аса понимала, что это произошло потому, что необученный дар отца заставлял его опасаться толпы.

Они даже не доехали до города. К тому времени, как они оказались на окраине, голова Асы стала раскалываться. Ее отец, узнав признаки, от которых страдал сам, изменил путь, к большому разочарованию матери и брата Асы. Они не говорили о том, что произошло, но, должно быть, тогда ее родители узнали, что она тоже была одарена.

У чувства были пределы. У каждого свои, и хотя ученые бесконечно размышляли на эту тему, никто не был уверен, существовал ли абсолютный предел или какие факторы устанавливали пределы для каждого человека. Отчасти это были умственные способности. На базовом уровне чувство приносило больше информации. Чем дальше расширялся дар, тем больше информации он приносил. В какой-то момент разум больше не мог справляться. Предполагалось, что если клинок продолжал движение дальше этой точки, он или сходил с ума, или умирал. Конечно, никто не вернулся, чтобы подтвердить теории.

В городах, переполненных жизнями и намерениями, объем информации был невыносимым. В пустом поле Аса могла позволить чувству беспрепятственно блуждать на сотни шагов. Внутри Стоункипа она не осмеливалась позволить своему дару расшириться больше чем на десять.

Сосредоточение дара спасло ее от ослепляющих головных болей, но не давало ей знаний, к которым она привыкла. Лучники могли выстрелить, и она не узнает, что стрела приближается. Даже ребенок с сильной рукой и метательным клинком мог быть угрозой, которую она не заметит. Она пыталась компенсировать это другими чувствами, но это требовало постоянной бдительности. Но независимо от того, насколько она внимательна, она всегда чувствовала себя уязвимой, не имея возможности расширить чувство.

Помогли ее тренировки прошлой зимой с Дайсуке. Он сделал повышенное восприятие почти второй натурой для нее, но она все еще быстро уставала в городе, где так много людей собирались так близко друг к другу. Каждую ночь она была измученной, даже если она просто гуляла.

Дни Мари были наполнены, как Аса еще не видела. Она тайно проводила встречи, отправляла письма и записки и с каждой минутой собирала все больше информации. Асе казалось, что она наблюдала, как мастер ставил все на место перед ударом. Несмотря на гнев Асы на то, что она была здесь, она не могла не поразиться. Она могла понять, почему Коджи так испытывал сильные чувства к этой леди и почему он вырвал у Асы клятву защищать Мари.

Мысли о последнем аргументе все еще жгли. Аса не одобряла того, как Коджи связал себя с судьбой Мари. Частично ее чувство было традицией. Клинки не должны были

совпадать с какой-либо одной линейкой. Но этот идеал был разрушен за последние несколько месяцев, и Асе все еще не нравилась их новая роль. Объединение с правителями сделало их частью, а с учетом даже меньшей силы клинков эта верность вызовет еще большие проблемы в будущем. Королевство полагалось на беспристрастность клинков.

Она осознала, что они попали в сеть, созданную ими самими, в создании которой она сыграла немалую роль, когда убила Киюши. Что действительно злило ее, так это то, что у нее не было желания быть привязанной к каким-либо политическим причинам. Если она во что-то и верила, так это в помощь клинкам пережить этот кризис. По ее мнению, были гораздо лучшие способы добиться этого, чем целый день охранять Мари.

Но Коджи настаивал, упрямый, как любой мул. В конце концов, Аса позволила убедить себя, хотя не была рада. Убежденность Коджи перевесила ее двойственное отношение.

И каждое утро и день она проводили с Мари, пытающейся заручиться поддержкой. Они пробыли в городе уже пять дней, и Аса беспокоилась, что, если Мари не станет двигаться в ближайшее время, будет слишком поздно. Укрепление власти не заняло много времени. Мари, должно быть, чувствовала то же самое, потому что работала даже дольше, чем могла выдержать Аса.

Обеспечение безопасности Мари оказалось непростой задачей. Атаки еще не произошло, но беспокойство Асы росло с каждым днем. Стоункип был городом острых углов, узких проходов и высоких зданий. Она понимала, что с военной точки зрения он был почти непобедимым, но те же качества, которые делали его таким защищенным, делали его идеальным для засад.

Гостиница была еще одним источником раздоров. Гости в общей гостиной казались постоянными. Аса оптимистично подумала, что, возможно, они оказались в той же ситуации, что и стражи Мари: запертые в городе надолго без лучшего места для сна. Но Аса не могла не видеть шпионов повсюду, и многих интересовала их маленькая группа. Что еще хуже, Мари показала свое лицо, хотя и ненадолго, в общей гостиной, когда они только прибыли.

Они возвращались с очередной встречи. Мари решила вернуться в свои комнаты пораньше, так как ожидала сегодня поступление новой информации. Аса последовала за ней, все ее чувства постоянно работали, чтобы обезопасить их.

Они прибыли в гостиницу без происшествий, но даже так, войдя в общую комнату, Аса сразу же осмотрелась. Присутствовал ряд обычных людей. Крупный мужчина с двумя большими чашками пива в руках от души смеялся. В углу читала женщина с небольшим шрамом на щеке. Когда они вошли, на них смотрел один особенно мерзкий мужчина с тремя мечами. Он всегда пялился на новоприбывших.

Аса заставила руки не двигаться. Было так легко вытащить любое из спрятанного на ней оружия, но сейчас она не могла привлекать внимание. Она могла только защищаться, но не атаковать.

Клинок ночи прошла с Мари в ее комнату, затем немного расслабилась. Внутри находились два стража. Они не могли стоять снаружи, иначе привлекали бы внимание. Но Мари была в безопасности, пока не вышла из комнаты. Аса могла позволить себе немного отдохнуть.

Зная, что ее разум будет трудно успокоить, она спустилась в гостиную и заказала пиво. Она отнесла полную кружку туда, где несколько человек из почетного караула Мари пили и играли в кости. Она села рядом с Такахио и вежливо отказалась присоединиться к игре.

Азартные игры ее никогда не интересовали.

Такахиро отвел взгляд от игры.

— Похоже, тебе нужно немного поспать.

Аса подняла кружку, чтобы он видел.

— Я работаю над этим.

— Что тебя беспокоит?

Она огляделась, затем заговорила достаточно тихо, чтобы слышал только он:

— Я не знаю, как ты выдерживаешь роль стража. Здесь слишком много возможностей для атаки. Пытаться отследить их все утомительно. Разве нет более безопасного места, где мы могли бы находиться?

— Нет, пока она не выйдет наружу. А пока это лучшее, что мы можем сделать.

— И у тебя нет подозрений? Люди здесь, кажется, очень заинтересованы в нас.

— Конечно, но пока не будет чего-то конкретного, от чего нужно защищаться, мы ничего не сможем сделать.

— Разве вы не можете выкупить всю гостиницу?

Такахиро ответил сухо:

— Это тоже привлечет внимание.

Аса выругалась. Жизнь была бы намного проще, если бы Мари просто заставила ее двигаться. В нехарактерный момент она выпила оставшуюся половину пива за глоток. Возможно, этого хватит. Попрощавшись со стражами, Аса повернулась, чтобы пойти в свою комнату, отчаянно желая заснуть.

* * *

Аса следовала за Мари по извилистым улочкам Стоункипа. Несмотря на то, что они были в городе уже несколько дней, Аса все еще имела лишь малое представление о том, где они находились в данный момент. Мари перемещалась по улицам, как местная, уверенно проходя по узким улочкам и крутым поворотам. Поскольку Мари быстро меняла направление, а высокие стены часто закрывали солнце, Аса с трудом ориентировалась на каждом повороте, ведь они шагали все дальше.

Этот день ничем не отличался. Прошел еще один день встреч и писем, и беспокойство Асы только усилилось. Мари нужно было действовать. Ее время истекало. Солнце садилось, и, судя по тому, что Аса видела, Мари, казалось, не была близка к действиям.

Леди свернула за другой угол в длинный переулок, темный в свете раннего вечера. Здесь, в горах, солнце садилось раньше, чем привыкла Аса, и хотя небо над головой все еще было светлым, Стоункип рано погружался во тьму. Мари шла уверенно, Аса что-то бормотала себе под нос, пока следовала за ней.

Несколько мгновений спустя женщина вышла в переулок со стороны, куда они направлялись. Она была ничем не примечательна, среднего телосложения и роста. Аса заметила, что она двигалась хорошо, ее шаги были грациозными, но это не вызвало у нее интереса. Проходя мимо, Аса заметила, что на щеке женщины был небольшой шрам.

Волосы на руках Асы внезапно встали дыбом, и она знала, что чего-то не хватало. Ответ ударил ее, как гром.

Женщина была всегда гостиней в гостинице.

Аса отреагировала прежде, чем смогла закончить мысль, зная, что совпадение было маловероятным. Она повернулась, ее руки поднялись, чтобы вытащить мечи, спрятанные на спине. Но женщина со шрамом уже поворачивалась, и теперь Аса ощутила ее намерение. В

темноте блеснул нож, но целью не была Аса.

Аса опустила правую руку, отбила атаку за миг до попадания. Аса была недостаточно быстрой, чтобы остановить нож, но он развернулся, и рукоять ударила Мари по спине, сообщив леди, что что-то не так.

Аса отразила атаку, но это не дало ей вынуть мечи. Ее левая рука, все еще находившаяся рядом со скрытой рукоятью клинка, потянулась назад, но она внезапно почувствовала холодный укус цепи, обвивавшей ее левое запястье.

Она выругалась. Как она не ощущала атаки?

Цепь сильно обвила ее запястье, и она получила часть ответа. Нападавший находился на крыше наверху, достаточно высоко, чтобы ее чувство не заметило его.

Аса почувствовала следующую атаку женщины со шрамом — удар, нанесенный ей в шею большим ножом. Асе удалось обернуться вокруг вытянутой руки, она едва избежала раны. Женщина подготовилась к следующей атаке, и Аса осознала, в какой плохой ситуации оказалась. Они были в непосредственной близости, переулок был таким узким, что даже короткие мечи Асы были слишком длинными. Ее левая рука была поймана над головой, что сильно ограничивало ее движения и способности.

Ситуация ухудшилась, когда Аса увидела, что в переулок вошел еще один мужчина. В его руках блестели парные ножи. Их нападающие, безусловно, были подготовлены к ближнему бою.

Асе нужно было освободить руку, но она не знала, как это сделать. Она подозревала, что тот, кто был наверху, был крупнее ее. Как бы сильно она ни тянула, ее рука не двигалась.

Чувство предупредило ее, что у нее не было времени. Женщина снова ударила, и на этот раз выхода не было. Аса снова попыталась повернуться, но не смог полностью уйти. Она целилась в ее шею, в конечном итоге порезала ее торс слева. Боль пронзила ее тело, когда из раны хлынула кровь.

Аса не могла с ними играть. Кривясь от боли, она сжала цепь левой ладонью, уперлась в нее и взбежала по стене. Вверх ногами, удерживаемая в воздухе только цепью, она повернулась и попыталась ударить женщину ногой. В конце концов, она шлепнулась, а не начала хорошую атаку, но этого хватило, чтобы женщина отступила на несколько шагов. Это дало Асе необходимый миг.

Вытаскивать меч было бессмысленно. Она была поймана в тесном пространстве, у нее не было бы ни единого шанса даже с чувством. Но ее правая рука нашла путь к двум из трех метательных ножей, спрятанных у нее на талии. Аса плавным движением вытащила один и послала его в женщину. Аса целилась в сердце, но рефлексy нападавшей были слишком быстрыми. Женщина переместилась, и нож попал в ее левое плечо. Было больно, но если женщина была так хороша, как казалась, это лишь немного замедлит ее.

Аса потянулась за вторым метательным ножом, когда ее левая рука резко поднялась. Она услышала и ощутила вывих плеча и закричала. Тому, кто был выше, наблюдая за схваткой, не понравилось то, что он увидел. Ноги Асы оторвались от земли, и она начала вертеться вокруг цепи, беспомощно пиная ногами. Это длилось всего миг, но испортило ее позицию. Отвлеченная, Аса не встала на ноги, когда цепь сбросила ее обратно. Она рухнула, очевидно, застигнув мужчину врасплох.

В этот единственный момент он не ожидал всего ее веса. Она лишила его равновесия и увидела его силуэт, он упал с крыши. Его голова ударилась о противоположную стену, пока он падал, треск была слышна даже внизу. Аса едва успела откатиться, когда мужчина рухнул

в камни рядом с ней.

Аса не успела себя поздравить, на нее снова напала женщина. Аса откатилась еще дальше, задела отступающую Мари и чуть не заставила леди упасть. Для борьбы не хватало места, и Асе нужно было встать.

Женщина пошла за открытой спиной Мари, но Аса переместила вес и ударила убийцу, отбросив ее на несколько шагов. Аса воспользовалась моментом, чтобы встать.

Она подумала, что ситуация могла быть хуже. Цепь на ее запястье все еще была привязана к упавшему мужчине, но у нее было больше свободы. К сожалению, их окружили два человека, вооруженных именно для такого боя.

Она воспользовалась кратким мигом свободы, чтобы обнажить меч и убедиться, что Мари все еще была невредима. Пока с леди все было в порядке, но убийцы приближались с обоих концов переулка, и Мари не выдержит ни секунды против кого-либо из них. Аса не могла позволить им обоим сократить расстояние. Ей нужно было отойти и убить, причем быстро.

Цепь на запястье усложняла дело. У нее не было времени размотать ее, и это ограничивало ее подвижность. И ее левая рука была бесполезна. Но, возможно, это все еще могло принести пользу. Другая женщина не знала, что Аса все еще была связана с мертвым мужчиной. Она могла считать цепь бесплатным оружием. Стиснув зубы от боли, Аса шагнула к женщине со шрамом, вскинув левую руку, когда та подошла ближе.

Женщина отреагировала, немедленно подняв ножи, чтобы заблокировать удар цепи. Когда рука Асы внезапно резко остановилась, цепь достигла своего предела, и глаза убийцы расширились.

В глазах Асы стояли слезы от боли, но она не упустила момент. Ее правая рука резко развернулась, единственный удар рассек незащищенную шею противника менее чем через мгновение после этого. Глаза женщины стали стеклянными, она рухнула на землю.

Но Аса не могла отпраздновать свою победу. Последний мужчина все еще стоял, и Аса решила, что он был так же опасен, как и двое других. В ее состоянии он мог и победить ее.

Мужчина увидел, как упала его напарница, и бросился к Мари. Леди оказалась между Асой и мужчиной, не дав возможности спасти ее. Аса повернулась и побежала к Мари с другой стороны, прыгнула на стену переулка, пронеслась над Мари и встала между убийцей и его целью.

Таким был ее план. Цепь дернула ее за руку, заставив ее потерять равновесие, когда она собиралась приземлиться. Ее тело выкрутилось в воздухе, она бесконтрольно вращалась.

Аса почувствовала, как нож врезался в ее ногу, но разные ощущения боли слились воедино, когда она врезалась в мужчину и каменную дорожку. Она ощутила вкус крови во рту, и вся левая сторона ее тела загорелась. Мир плавал вокруг нее, и она сморгнула это ощущение. Мужчина рядом с ней застонал. Ее падение вывело из строя их обоих. По крайней мере, это немного радовало.

Аса приподнялась на здоровой руке. Ее короткий меч лежал в нескольких шагах от нее, вне досягаемости. Рядом с ней мужчина тоже стал подниматься на ноги. Она осознала, в какой опасности находилась. Как только он встанет, бой будет почти окончен.

Аса взмахнула ногами, отбросила его, не дав найти равновесие. Она почувствовала приближающийся к ней нож, но правой рукой ударила его по запястью. Они покатались, и она оказалась на нем сверху. Она ударила его коленом в подбородок, откинув его голову.

С гневным ревом он сбросил ее. В отчаянии она перекатилась и бросилась на него. Его

рука с ножом ответила, оставляя рану в ее и без того бесполезной левой руке. Она ударила его правым локтем в лицо, и из носа мужчины хлынула кровь. Она снова почувствовала нож и была вынуждена скатиться с него, чтобы избежать удара.

Через мгновения, Аса потерял чувство контроля. Бой представлял собой шквал рук и ног, каждый боец отчаянно пытался выжить. Их усилия эхом разносились по переулку, и Аса чувствовала, как ее пульс гремел в голове. Ее мир был тьмой и заточенной сталью, ее скудное внимание было сосредоточено на его руке с ножом. Она оставалась жива только потому, что чувствовала его атаки за миг до того, как он их совершил. Ее защита была слабой, но сохраняла ей жизнь, пока два врага били друг друга.

Борьба была жестокой, кровавой и импульсивной, Асе удавалось ускользнуть прямо перед тем, как мужчина наносил удар, который она не могла пережить. Но борьба замедлялась, и она проигрывала. Он был физически сильнее, сражался только с одним противником, и все четыре его конечности по-прежнему работали. Против этих преимуществ работало чувство Асы. Она не была уверена, что сможет победить.

Она уловила приближение удара, но не поверила. Она отпрянула в сторону как раз вовремя, чтобы ее не порезали, и лезвие ножа вошло глубоко в верхнюю часть правой руки мужчины.

Мари присоединилась к драке. Она схватила один из ножей, валявшихся в переулке, и ждала возможности нанести удар. Аса избежала резкого удара, но мужчина — нет. Он зарычал от боли, и на мгновение Аса обнаружила, что осталась без безжалостной серии атак, с которой нужно было справляться. Лишь миг, но это было все, что ей было нужно.

Первым оружием была цепь, все еще обмотанная вокруг ее бесполезной руки. Она схватила ее правой рукой, обернула вокруг шеи мужчины и повернула все свое тело, повалив мужчину на землю. С точки зрения силы она проигрывала, но были способы обойти это.

Аса полностью закрутила цепь, прежде чем мужчина ответил, схватив ее руками. К счастью, она уже достаточно затянула, и он не мог сунуть ладони между цепью и шеей. Используя мощные мускулы в ногах, Аса оттолкнулась от мужчины и намотала цепь на правую руку. От боли в левой руке она почти потеряла сознание, но она боролась с темнотой.

Аса никогда в жизни не дралась так. В голове гудело, и она клялась, что чувствовала каждое движение мужчины через свои ноги и руки. Он катался, бесконтрольно тряся. Мари бросилась на него, чтобы удержать его. Аса хотела, чтобы она убежала, но была благодарна за помощь. Сама по себе она не была уверена, что продержалась бы, тем более что потеряла силы.

Жизнь медленно уходила из человека. Даже после того, как он перестал двигаться, Аса держала, боясь, что он симулировал собственную смерть. Она не прекращала тянуть, пока Мари не слезла с мужчины и не подошла к ней нежно.

— Все кончено, — сказала леди.

Ее сердце все еще угрожало вырваться из груди, Аса осторожно сняла цепь с руки и левого запястья. Ее запястье и рука выглядели ужасно, синяки и порезы уже красили кожу в синий. Аса уже боялась исцеления, которое ей придется пройти, если они вернутся в гостиницу.

Казалось, Мари потребовалась целая ночь, чтобы поднять Асу на ноги. В конце концов, Аса собрала свое оружие, но никто не ответил из городской стражи. У Асы не было возможности даже задуматься об этом. Она не могла идти без поддержки Мари. Вместо того

чтобы охранять Мари, она стала обузой. Была только одна причина, по которой она не отправила Мари в гостиницу одну.

Аса не была уверена, единственное ли это нападение или только первое за ночь.

5

По крайней мере, подумал Коджи, слежка за армией была легкой задачей, особенно когда казалось, что армия посвятила себя тому, чтобы не оставлять после себя ничего, кроме разрушения. Во время своего обучения Коджи слышал о таких практиках, которые время от времени использовались на протяжении всей истории, но он не думал, что наступит день, когда он лично увидит такое бесчестное поведение. Каташи, лорд дома Амари и командующий армией, которую они преследовали, был человеком без тени чести. Этот последний проступок добавился к его списку.

Каташи убил брата Мари под флагом перемирия, затем засунул Мари в сундук и унес ее, пытаясь обманом отобрать у нее земли ее дома. И он рассказал Мари о том, что сделал Коджи, отравив их отношения.

Молодой лорд дал Коджи множество причин ненавидеть его. Это была еще одна.

В половине лиги армия Мари двинулась вслед за Армией Каташи. После осады Звездопада силы Каташи отступили. Объединенная сила солдат Мари и клинков ночи была слишком большой. Командиры Мари надеялись, что Каташи полностью отступит на свои земли. Пока что было неизвестно. Пока что силы Каташи двигались в правильном направлении, но Коджи не верил, что лорд полностью отступит. Он был слишком коварен.

Коджи даже не стал бы называть движение Каташи отступлением. Это было жестоко, целенаправленно и просчитано. Сжигались поля и деревни, земля пропиталась кровью людей Мари. Запасы, какими бы скудными они ни были после беспощадной зимы, были еще больше истощены людьми Каташи, почти ничего не оставалось. Женщин забирали и редко возвращали. Места, которые посетила армия Каташи, превратились в живые города-призраки.

Место, где стоял Коджи, было таким.

Накануне дым был замечен с первыми лучами солнца. К сожалению, такие зрелища были не редкостью. Поле полностью сгорит за то время, которое потребуется силам Мари, чтобы догнать силы Каташи. Даже после нескольких дней тяжелого пути они все еще отставали в лучшем случае на пару дней. Города, деревни и дома горели дольше всех, тлеющие угли продолжали превращаться в пламя еще долгое время после того, как реальный ущерб был уже нанесен.

Фуmio чуть изменил курс армии, увидев дым. В первый раз они пошли по пути разрушения, думая, что армия сможет что-то сделать. Первая деревня посрамила эту идею. Все молодые люди были убиты, остались только старики, женщины и несколько детей. Кладовые были разграблены и сожжены. Каташи оставил наибольшее количество ртов, чтобы кормить наименьшим количеством еды.

Не было никакой помощи. Фуmio оставил немного еды, но это был лишь знак. Он не мог дать то немногое, что у него было, если он хотел, чтобы его люди сражались. Клинки залечили некоторые раны, но самые глубокие шрамы не были физическими, и многие из тех, кто был тяжело ранен, умерли до прибытия войск. Несмотря на всю свою силу, объединенные силы были безнадежны против безжалостности Каташи. Лучшее, что они могли сделать, — это отправить людей в Стоункип, обещая там помощь. Обещание казалось слабым даже Коджи.

Армия покинула деревню, каждый солдат был вынужден стать свидетелем отчаяния, навязываемого их людям. Остаток дня Коджи беспокоился, что с наступлением темноты армия начнет дезертировать, чтобы лучше защитить свои дома. К счастью, Фумио беспокоился о том же. Той ночью он поговорил со всеми войсками, напомнив им, что в случае разделения весь дом постигнет та же участь. Каким-то образом Фумио превратил отчаяние в гнев, и армия шла с энергией, граничащей с безумием.

Основные силы больше не подходили к селам. Все знали, что представлял собой дым, но Фумио считал, что лучше, если не все будут вынуждены видеть. Но настроение войск было мрачным. В каждой деревне Коджи вызвался возглавить отряд для поиска выживших и оказания им любой помощи.

К сожалению, даже Коджи мало что мог сделать. У него не было лишней еды. Он охотился, как мог, но большая часть дичи либо погибла в пожарах, либо улетела. Даже с его навыками помочь не получалось. Он предложил все, что мог, направил их к Стоункипу. Путешествие могло убить некоторых, но это было самое безопасное место, которое он мог придумать.

Эта деревня не была исключением. Коджи даже не был уверен, что она была достаточно большой, чтобы зваться деревней. Перед ним стояли руины пяти домиков, но выживших не было. Отследить людей после того, как армия прорвалась, было практически невозможно, поэтому Коджи не был уверен, все ли были убиты или некоторые уже покинули свои дома и ушли в более безопасные места.

Он боролся с эмоциями, глядя на разруху вокруг себя. Несомненно, дома здесь стояли в течение нескольких поколений, в них жили семья за семьей, они зарабатывали себе на жизнь за счет окрестных земель. За один день вся эта история была уничтожена. Жизни не просто отняли, а разбили вдребезги.

Коджи увидел шесть трупов с того места, где он стоял, и он не хотел думать о том, сколько еще трупов разбросано вокруг. Их плоть была обуглена, и в одном случае огонь горел так сильно, что остались только кости. Коджи даже не знал, что делать с останками. Огонь был настолько сильным, что он не был уверен, что они успеют собрать дрова для надлежащего костра. Им придется идти слишком далеко.

В конце концов, он решил оставить их как есть. Чтобы действовать, требовалось драгоценное время, а его долг был связан с живыми. Коджи надеялся, что в их следующем путешествии по Великому Циклу им будет лучше. К полудню несколько клинков ночи вернулись после разведки окрестностей и сообщили, что не нашли выживших. Оставалось только догнать армию и отомстить за несправедливость, когда у них появится шанс.

Он и раньше убивал лордов. Он убил своего хозяина и короля. Каждая из этих жизней преследовала его, будя его ночью и поглощая его мысли днем. Но, он надеялся, что убийство Каташи заставит замолчать призраков его прошлого.

* * *

Коджи ел небольшую порцию риса и овощей с горсткой других клинков, когда получил вызов от Фумио. Еды было немного, но больше, чем многие получали в эти дни. Прибытие посылного заставило его недоуменно нахмуриться. Согласно командам Мари, Коджи управлял отрядом клинков, которые решили сражаться напрямую с Каташи, но между ними было мало взаимодействия. На данный момент Коджи следовал за Фумио. Он использовал клинков в качестве добровольцев для некоторых задач, таких как проверка деревень, но в остальном сопровождал армию. Пока что в этой молодой кампании он не знал, что еще

делать. Фумио, похоже, тоже был доволен такой договоренностью, и у них не было особой необходимости разговаривать друг с другом.

Но между ними было уважение. Мари доверяла Фумио, как и Коджи. Точно так же Фумио достаточно ясно дал понять, что Коджи всегда был желанным гостем в штабной палатке, но до этого момента Коджи не видел в этом особой нужды. Он не обманывался, считая себя генералом. Однако отсутствие взаимодействия делало вызов любопытным.

Он не позволил беспокойству отразиться на его лице, когда приказал другим клинкам доедать без него. Хотя дни были тяжелыми, как психологически, так и физически, вечера с клинками почти оправдывали страдания. Коджи с нетерпением ждал того времени, когда каждый день они разбивали лагерь. Было что-то особенное в том, чтобы быть среди тех, кто понимал, что значит быть одаренным чувством.

Коджи оставил тепло их костра, пошел за посланником в центр лагеря. Фумио был на совещании с другими командирами. По сравнению с костром, который Коджи только что покинул в окружении друзей, этот казался холодным и пустым. Улыбок не было, и каждое заявление шепталось с суровой властью.

Посланник кратко объявил Коджи. Он пытался держать спину прямо и кланяться формально, но это требовало его внимания. Такой формальности в его повседневной жизни не наблюдалось, но в этом кругу лучше заводить друзей, чем врагов.

— Коджи, я рад, что ты смог прийти так быстро, — даже его благодарность звучала как приказ, но Коджи понял, что такой была природа личности Фумио. Он был великим полководцем почти столько же, сколько был жив Коджи.

— Чем я могу быть полезен, генерал?

Фумио перешел к делу.

— Вряд ли ты уже слышал, но мы в двух днях пути от Каташи и его войск. Мы только что получили уведомление о том, что они повернули на юг.

Фумио предсказал это. Как и Коджи, он не ожидал, что Каташи откажется от земли, которую так легко завоевал.

— Знаем ли мы его цель?

Фумио только покачал головой, даже это обычное действие было решительным и быстрым.

— Нет, и это только одна из моих тревог. Мы предполагаем, что Каташи и его генералы считают, что южная местность даст им преимущество. Они могут быть правы.

Коджи изучал карту, вокруг которой стояли генералы. Он видел расположение их армии, силы Каташи и окружающую географию. Он нахмурился. Он не был экспертом в войне такого масштаба, но сразу видел проблему в маневре Каташи. Он указал на карту.

— Разве движение на юг не означает, что их линия снабжения обнажена? — обе армии приближались к широкой реке, отделявшей дом Кита от дома Амари, но мост, который использовал Каташи — и центральная точка его линии снабжения — находился ближе к северу. Повернув на юг, он подвергся атаке.

Фумио кивнул.

— Да, но атака на линию снабжения приводит нас к реке. Было бы разумно ожидать, что Каташи разместит там войска, — генерал подвинул несколько фигур. — Он мог развернуться позади нас и атаковать наши линии снабжения, поймав нас между двумя своими силами без снабжения.

Коджи прикусил губу. Он не подумал об этом, но, взглянув на карту, понял, насколько

очевидна эта уловка. И снова он был благодарен, что не командовал армиями. Затем он снова нахмурился, и ему в голову пришла еще одна мысль.

— Я полагаю, Каташи знает о наших движениях так же хорошо, как и мы о его?

— Справедливое предположение, — ответил Фумио.

— Это может быть шанс для клинков отделиться от вашей армии. Вы можете перехватить разведку Каташи, действуя так, будто вы игнорируете линии снабжения. Тогда вы не рискуете попасть в ловушку. В то же время я могу привести группу клинков... сюда, — Коджи нашел подходящее место на карте. — Если ваша информация верна, их линия снабжения проходит через этот участок леса. Это уменьшит опасность от их лучников для моих воинов. Мы можем нарушить их линии снабжения, давая вам шанс атаковать основные силы.

Командиры скептически переглянулись. Фумио сказал за них:

— Каташи не дурак. Тележки с припасами хорошо охраняются. Вы будете в меньшинстве, и если и есть одно место, где они будут ожидать засады, то это лес. Без количества ваши шансы кажутся незначительными.

Коджи доверял себе. Большие маневры армий были ему недоступны, но засады он знал. Более того, он знал сердце и умение клинков с ним.

— Возможно. Но это люди, которые сожгли наш город. Они падут от наших мечей.

Фумио взглядом оценил настроение командиров. Был еще один факт, о котором все из вежливости не говорили вслух. Кого здесь будет волновать, если клинков ночи станет меньше? Коджи не просил отряд хорошо обученных солдат. Даже если клинки погибнут, они повредят оборону Каташи, отвлекут его и заставят врага направить больше ресурсов на защиту припасов. Коджи подозревал, что Фумио не особо любил клинков. Так что он с радостью использовал их как орудия.

Его подозрения подтвердились несколько мгновений спустя.

— Хорошо. Мы попробуем. Возвращайтесь сюда с первыми лучами солнца для более подробного планирования.

Коджи снова попытался сделать формальный военный поклон и ушел, не сказав больше ни слова.

Наконец-то пришло время дать отпор.

* * *

Коджи сидел на дереве, сосредоточившись на дыхании и окружении. Он был далеко от земли, сидел над дорогой, по которой перемещали припасы. Разведчики уже доложили, и теперь был лишь вопрос времени. Он снова начал перебирать план, но остановился. План был далек от совершенства, но ничуть не хуже других, и менять его было уже поздно.

В лесу его чувство ожило. Он ощущал энергию деревьев высоко и под землей. Птицы порхали с ветки на ветку в теплом весеннем воздухе, и лесная земля наполнялась новой энергией. Если бы он не готовился к битве, он мог бы сидеть тут целыми днями и наслаждаться постепенным развитием жизни. Он жалел тех, кто не был таким одаренным, как он. Так много людей проживали свои дни, не в силах понять красоту огромной сети жизни, которая их окружала. Они были слепы и даже не осознавали этого.

То же можно было сказать и о приближающемся к ним снабжению. Хотя они были все еще слишком далеко, чтобы он мог различить людей, знал, что тележки с припасами охраняли десятки солдат. Фумио не ошибся. Каташи не был дураком и извлек тяжелые выводы из уже произошедшей войны. Слабые линии снабжения угрожали армии.

Коджи ждал, терпеливый. Он сохранял чувство открытым, всегда направленным на телеги с припасами. Они не замедлились. Вместо этого, когда они вошли в лес, Коджи ощутил, что они увеличили темп. Они знали, что лес — лучшее место для засады. Но даже в этом случае у них было мало шансов обнаружить клинков. Они были ограничены своими обычными чувствами, и в густом лесу дар Коджи и дары других распространялись гораздо дальше, чем зрение или слух.

Со своего насеста он мог различить лишь небольшие участки дороги внизу. Несколько слоев веток укрывали его от дороги, защищая от обнаружения. Но он чувствовал, как первые разведчики Амари тщательно проверяли путь внизу.

Первой проблемой было обмануть разведчиков. Коджи был на передовой в засаде, за ним в лесу была спрятана почти дюжина клинков. Он возглавит атаку, ожидая, пока не пройдут телеги. Как только он спрыгнет, остальные вступят в бой.

Коджи задержал дыхание и наблюдал за разведчиками, они проходили под ним. Он ощущал их настороженность в движениях, один медленный шаг за другим. Хотя они шли осторожно, они неуклонно двигались вперед и вскоре оказались далеко позади него. Он медленно выдохнул с облегчением и приготовился к предстоящей битве.

Телег оказалось больше, чем он ожидал. Он сосчитал двадцать, прежде чем почувствовал стражей в конце, все еще далеко.

Коджи обдумал задачу, прежде чем спрыгнуть. Его клинки были в меньшинстве. Телег и стражи было больше, чем ожидалось. Мудрым решением было не атаковать, а дожидаться лучшей возможности.

Но перед глазами были сторевшие тела семей в деревнях, мимо которых они шли. Он крепче сжал меч. Он не будет жить в мире, где подобные преступления оставались безнаказанными. Если риск был больше, ему просто нужно было бороться сильнее. Он глубоко вдохнул и спрыгнул.

Пока он падал, время для него замедлилось. Он прыгал с ветки на ветку, лишь немного упираясь в них, чтобы чуть замедлить спуск. Не прошло и секунды, как он спрыгнул с самой нижней ветки на ближайшего стражника.

Страж поднял взгляд, обеспокоенный шелестом листьев. Его рот был приоткрыт, в его широко распахнутых глазах отразилось недоверие, когда Коджи упал сверху, разрезая одним плавным движением. Удар был идеальным, рассек шею стража, его голова упала с плеч, а выражение удивления было последним выражением его лица.

Коджи казалось, что стражи вокруг него двигались как под водой, их движения замедлял вес воздуха. Он бросился среди них, убивал каждого не больше, чем за два удара. Один из лучников попытался выпустить стрелу в его сторону, но Коджи ощутил движение тетивы и скользнул в сторону, и стрела прошла мимо безвредно.

Он побежал к одной из повозок, пока лучник натягивал тетиву, взобрался на колесо плавным движением и перепрыгнул через него, вторая поспешно наведенная стрела рассекла воздух позади него. По другую сторону телеги он вступил в бой с группой стражей, которые собрались вместе, пытаясь сокрушить его численностью.

Идея была здравой, но четверых было недостаточно. Коджи позволил своей инерции перенести его в их среду, защищался, почти не атакуя. Сталь звенела о сталь, эхо отдавалось в его ушах, но даже четырех не хватало, чтобы сломить его охрану. Коджи низко пригнулся, уходя от серии атаки, четверо стражей внезапно осознали, что представляли такую же опасность друг для друга, как и для него. Мечи звенели над ним, когда он наносил низкие

удары, его сталь прорезала сухожилия и кровеносные сосуды в ногах.

Он не убил их всех, но все они пали от его меча, потеряв равновесие и силы. Он оставил их. Они не представляли непосредственной опасности, и они могли быть убиты позже, когда клинки очистят место.

Лучник, который преследовал его по другую сторону повозки, прошел перед парой лошадей, и Коджи уловил проблеск его решимости в глазах. Он почувствовал движение тетивы и знал, что это был не поспешный выстрел, а стрела, выпущенная прямо в центр его тела. Коджи повернулся, развернув меч и пытаясь создать как можно более узкую цель.

Плоскость его меча ударила о конец стрелы — случайный ход, который он вряд ли когда-либо сможет повторить. Стрела повернулась и задела его плечо. Удар ужалил, но не хуже.

Лучник был быстр, другая стрела уже легла в лук, рука двигалась. Но Коджи был в нескольких шагах от него, слишком близко. Лучник успел выпустить стрелу, но не прицелиться. Стрела полетела мимо, Коджи преодолел последние два шага между ними. Его меч закончил работу, когда он прошел мимо лучника, проведя толстую красную линию на его шее.

Коджи атаковал еще одну группу солдат, затем еще одну, когда первая группа пала слишком быстро. Время теряло смысл, когда Коджи потерял себя в битве. Он пришел в себя только в перерыве в борьбе.

В поисках новых противников Коджи понял, что врагов осталось не так и много. Он легкими движениями зарезал еще двух стражей, но поблизости никого не осталось. Были только клинки.

Коджи встретился с ними глазами, и ему показалось, что он видел намёки своего гнева в их глазах. Несколько стражей были все еще живы, раненые, ползли по земле, либо чтобы спастись, либо выполнить свои приказы.

Когда клинки осмотрелись, Коджи понял, что ему не нужно было отдавать приказ. Все они чувствовали одно и то же. Они схватились за оружие и завершили свою миссию.

* * *

На следующий день клинки получили новые приказы от Фумио. Он потребовал, чтобы клинки прервали атаки на линии снабжения и вернулись в основную армию. Коджи держал короткую записку в руке и хмурился. Одна атака, даже успешная, не изменила бы хода войны. Он намеревался остаться и устроить дальнейшие засады. Но тон Фумио был настойчивым, и Коджи задавался вопросом, что генерал что-то знал.

Он рассматривал возможность неповиновения. Несмотря на клятву Мари и дому Кита, клинки не слушались приказов. Хуже того, Фумио не объяснил причины приказа. Как генерал он, вероятно, к этому не привык. Но Коджи нужно было знать, что отступление от линий снабжения было правильным шагом.

В конце концов, ему пришлось довериться. Он решил стать частью этой войны, и его послушание было обязанностью, которую он должен был взять на себя.

Они потеряли двух клинков ночи. Смерти причиняли ему боль, но, учитывая шансы, это было лучше, чем он ожидал. Несколько других клинков были серьезно ранены, но два клинка дня сохранили им жизнь. Коджи не нравилось, что смерть была его ответственностью, но это было так, и он должен был сделать их жертву стоящей.

Он отдал приказы, и через два дня пути они наткнулись на армию. Коджи большую часть пути провел в молчании. Другие клинки не трогали его, и, хотя он не просил об этом,

он это оценил.

Они прибыли под аплодисменты остальной армии. Припасы быстро становились жизненно важным ингредиентом для победы в этих войнах, и клинки Коджи сильно помогли.

Той ночью клинки сидели одни, как обычно, вокруг костра. Это сделало появление Фумио еще более удивительным. Коджи догадался бы, что, если бы генерал хотел аудиенции, он вызвал бы клинка. Вместо этого он медленно подошел и слегка поклонился Коджи.

— Пройдемся?

Коджи подумывал пригласить генерала к костру, но он выглядел как человек, совершивший прыжок, о котором он теперь сожалел. Коджи не стал настаивать. Он чувствовал, как напряглись мускулы его спины, когда они отошли от теплого огня, Фумио явно искал место, чтобы поговорить в относительном уединении. Коджи не хотел больше интриг и секретов. Ему хватило их на всю жизнь. Коджи считал, что все, что ему говорили, можно было сказать в присутствии тех, с кем он сражался. К сожалению, те, кому он служил, все еще хранили свои драгоценные секреты.

Наконец, Фумио заговорил:

— Прошу прощения за приказ вернуться. Я бы хотел, чтобы вы оставались там, разбираясь с линиями снабжения, но события произошли быстрее, чем ожидалось.

Коджи сохранял нейтральное выражение лица, но был удивлен. Он не ожидал, что Фумио начнет с извинений.

— Весть о ваших поступках уже дошла до меня, — продолжил генерал.

Коджи нахмурился.

— Каких поступках?

Фумио остановился и посмотрел на более молодого клинка с пониманием.

— Ты не слышал, что они говорят о тебе?

Коджи покачал головой. Он не слышал разговоров о себе, но он и не разговаривал со многими людьми последние несколько дней. Поэтому клинки не трогали его?

Фумио продолжил:

— Остальные клинки говорят о твоём мастерстве в засаде. Говорят, даже у них были проблемы с отслеживанием твоих перемещений. Говорят, ты в одиночку убил более дюжины врагов.

Коджи был шокирован. Это ведь было не так? Как и все сражения, битва превратилась в странное сочетание туманных воспоминаний и ясных моментов. Ему было трудно поверить, что он убил так много людей, но, по правде говоря, он не мог сказать наверняка. Он покачал головой, пытаясь привести мысли в порядок.

— Спасибо, что сообщили мне, генерал, но я полагаю, что есть еще кое-что.

Фумио снова остановился, и Коджи заметил, что теперь они были далеко от посторонних ушей.

— Я хотел поговорить наедине, потому что хочу узнать о твоих намерениях.

Этот вопрос вывел Коджи из равновесия. Он никогда не скрывал своих намерений.

— Я планирую помочь Мари добиться мира на ее землях, и, если представится возможность, я убью Каташи за преступления, которые он совершил.

— Несколько месяцев назад это было бы изменой.

— Много изменилось, — признал Коджи.

Фумио смотрел вдаль.

— Не думаю, что у тебя скоро появится шанс. Силы Каташи снова сменили направление. Они направляются к мосту к югу отсюда, последнему мосту, который может привести их в безопасное место на их землях. Думаю, ваш рейд причинил им больше вреда, чем мы предполагали. Они зашли слишком далеко, слишком быстро, и теперь они боятся возвращаться через тот лес. Думаю, они займут нашу сторону моста, а затем переправят припасы для своей армии через земли Каташи.

— Так что же мы будем делать? — потребовал ответа Коджи.

Фумио пожал плечами.

— Ждать. Их позиция надежная, но это не все. Лорд Исаму вторгся с юга.

Вопросы крутились в его голове.

— Другие дома объединились против Кита?

— Похоже на то. Возможно, это потому, что мы заключили союз с клинками. Возможно, они просто думают, что мы самые слабые, а может, думали так какое-то время. Как бы то ни было, теперь мы ведем войну на два фронта, против двух армий, каждая из которых больше нашей.

— Все об этом знают?

Фумио покачал головой.

— Я хотел сначала поговорить с тобой. Остальные офицеры узнают сегодня вечером. Но есть предел тому, что я могу сделать. И есть третья проблема, — Фумио протянул записку со сломанной печатью, Коджи взглянул на мужчину, и тот пожал плечами. — Я прошу прощения. Чрезмерно усердный клерк решил прочесть. Он был наказан.

Объяснений было недостаточно. Фумио открыто следил за письмами клинков. Они были союзниками, но все еще не полностью доверяли друг другу. Коджи взял письмо и прочитал его в свете ближайшего факела. Приказ не имел смысла. Он исходил от Хаджими, призвавшего всех клинков в долину под Стоункипом.

— Зачем ему это делать? — удивился Коджи.

Фумио растерялся, и Коджи теперь понимал его прежнюю озабоченность. Он не был уверен, останутся ли клинки с его армией.

— Если бы я знал. Я надеялся, что ты кое-что понимаешь. Мои решения относительно этой армии зависят от вашего присутствия. Если клинки уйдут, это ограничит наши возможности. У нас нет сил уничтожить силы Каташи без посторонней помощи, особенно когда Исаму отвлекает другие наши подразделения на юге.

Коджи чувствовал, что его разрывало на части, как Королевство. Он не мог служить одновременно клинкам и Мари, если Хаджими отзывал клинки в разгар кампании. Кому он служил?

— Я пойду, — сказал он Фумио. — Я не знаю, о чем идет речь, но потеря одного воина лучше, чем потеря многих. Я узнаю, чего хочет Хаджими, и вы узнаете. А пока клинки будут вашими. Я все устрою и уйду с рассветом.

Фумио кивнул, и Коджи увидел, что он хотел чего-то большего, чего-то твердого, во что он мог верить. К сожалению, Коджи не мог ничего ему дать. Его верность была такой же разделенной, как и у всех в Королевстве.

6

Покушение в переулке придало Мари сил. Хотя ее подготовка была необходимой, она поняла, что избегала неизбежного столкновения. Она все еще не была уверена в своем ходе.

Она получила поддержку, но не знала, хватит ли этого, пока не сделает ход. Слишком много знати отказалось поддержать ее, ждали, пока она не получит власть, чтобы потом ее поддерживать. Она хотела этого, но не могла предсказать политику. Она не была ни в чем уверена. Победа требовала действий, а не бесконечных планов.

Мари думала, что ее решение обрадует Асу. Клинок казалась Мари той, кто любил действия, презирал напряжение на роли телохранителя. Но Аса сидела в углу и ждала, пока другие готовились. Все верные клинки и воины были в гостинице, пристегивали оружие и готовились к бою.

Она надеялась, что ночью не дойдет до жестокости, но Мари понимала, что Тацуо вряд ли отступит без боя. Покушение означало, что хотя бы один человек знал, что Мари была в Стоункипе, и что кто-то хотел убить последнего выжившего члена дома Кита. Хотя у них не было улики, все указывало на Тацуо. Покушение подтолкнуло Мари. С Тацуо нужно было разобраться сейчас. Если нужна жестокость, она сделает эту жертву.

Мари наблюдала, как Аса встала и быстро провела руками по своему телу. Движение было быстрым и естественным. Но Мари была очарована Асой и достаточно изучила ее, чтобы понять, что клинок ночи проверяла оружия. Мари выросла среди военных, но до сих пор не встречала никого, кто носил бы такое количество заточенной стали, как Аса. Иногда Мари удивлялась, как Аса случайно не ранила себя, просто садясь.

Мари тоже не собиралась идти без оружия. Сегодня короткий нож был на ее бедре. Отчасти это был символ, позволяющий ее последователям понять, что она была больше, чем аристократка, что она была готова сражаться. И она планировала использовать его до конца ночи.

Собравшаяся группа медленно затихла, когда воины закончили приготовления. Мари встала и подошла к двери. Оглядев комнату, она увидела решительные лица всех, кроме Асы. Сказать было нечего. Никто в этой комнате не нуждался в ободрении, и их планы уже были хорошо продуманы.

— Мы готовы?

Ее вопрос был встречен каменным молчанием собравшихся воинов.

— Тогда давайте снимем этого предателя с моего трона.

Они выскользнули из гостиницы, скрытность больше не беспокоила. Время было раннее, а солнце еще не взошло. Мари и Такахиро подозревали, что стражи в это время были наименее осторожными. Если все пройдет хорошо, то к тому времени, как солнце осветит улицы города, правление Мари укрепитя.

Они шли по узким улочкам ко двору в центре города. Тацуо еще не набрался храбрости, чтобы перебраться во дворец семьи Мари, и поэтому остался в том, что считалось просто большим поместьем по стандартам Стоункипа в нескольких улицах от центра города.

Один или двое рано вставших горожан увидели марширующую группу и немедленно уступили дорогу. Мари впервые с момента прибытия шла по улицам Стоункипа без капюшона, не боясь быть замеченной. Даже это простое отличие придавало ей решимости. Она шла, гордясь своим положением в своем городе. По поклонам она могла сказать, что ее узнали несколько прохожих, с которыми они столкнулись.

Вскоре они подошли к последнему углу перед домом Тацуо. Аса, которая замыкала строй во время марша, прокралась сквозь толпу солдат, чтобы встать рядом с Мари. Леди посмотрела на нее.

— Готова?

Их взгляды встретились, и Мари знала, что Аса поняла, что она говорила не о физической готовности. Лицо Асы было пустым, она кивнула.

Мари ощущала сомнения. Она доверяла Асе, но Аса не поддерживала это доверие. И теперь Мари приходилось полагаться на ее навыки.

Они вместе завернули за угол и подошли к главным воротам поместья Тацуо вдвоем. Врата были открыты, но с двумя внимательными стражами. Мари надеялась, что они будут сонными, но Тацуо нанимал только лучших, эти стражи не ленились на посту.

Женщины спокойно подошли. Аса была в походной одежде, постиранной после пути. Со стороны они были двумя женщинами, гуляющими рано утром. Стражи остановили их в пяти шагах от ворот.

Два стража казались почти одинаковыми в их форме. Оба были на голову выше двух женщин. Одна была чуть шире в плечах, но они могли быть двойняшками.

Мужчина, который был чуть худее, явно старший, обратился к ним:

— Леди Мари, рад вас видеть.

Мари поклонилась. Он ее узнал. Как он отреагирует?

Мужчина кивнул другому, и тот развернулся. Мари решила, что они собрались отвести ее в поместье Тацуо.

Краем глаза Мари увидела, что Аса стала размытой, взмахнула рукой быстрее, чем могла уследить Мари. Их шеи повернувшегося мужчины полилась кровь. Глаза худого стража расширились, а рот открылся как раз вовремя, рука Асы ударила его по горлу. Когда она убрала руку, остался короткий кинжал.

— Аса! Что ты наделала? — Мари надеялась избежать насилия. Она сказала Асе! Она доверяла клинку.

Клинок ночи почти беззвучно выругалась и указала на стену за первым убитым ею мужчиной. Там был рог, которого Мари не заметила.

— Он собирался бить тревогу. Я это почувствовала.

У Мари не было возможности оценить истинность этого утверждения, и теперь это не имело значения. Аса выбрала курс. За ними подбежали Такахиро и другие солдаты. Без сомнения, они видели.

Мари придерживалась своих приказов:

— Не убивайте без надобности. Идемте.

Солдаты пошли перед ней. Через мгновение весь дом охватит шум. Аса осталась рядом с Мари, пока воины расчищали проход.

— Ты мне не веришь, — сухо сказала она.

Мари оглянулась. Она даже не стала лгать клинку:

— Сложно довериться.

Аса приняла это. Мари была благодарна за это сложному клинку. Женщина уважала голую правду больше, чем ложь. Если бы таких, как она, было больше, может, мир стал бы более легким местом для жизни. Может, временами более разочаровывающим, но, по крайней мере, прямолинейным.

Вскоре до их ушей донесся звон мечей. Мари приняла решение.

— Пойдем. Твоя сила может быть ценной, — Аса не стала спорить.

Они вошли в дом, и Мари была рада видеть, что в нескольких комнатах ее солдаты держали жителей в страхе, не прибегая к убийствам. В одной комнате под присмотром стража сжались женщина и дети. В другой на полу лежал мужчина с окровавленным носом,

за которым ухаживала его семья. Все они были слугами и не принимали участия в происходящем.

Они вдвоём шли глубже в дом. Аса вдруг встала перед Мари.

— Погоди.

Мгновение ничего не происходило. А потом юноша бросился на них из шкафа с кухонным ножом в руке. Мари, несмотря на предупреждение Асы, вздрогнула. Должно быть, его не заметили при первом обследовании, но Мари быстро поняла, что ему было не больше пятнадцати лет. Она открыла рот, боясь, что Аса убьет его, но не смогла достаточно быстро произнести слова.

Раскрытая ладонь Асы врезалась мальчику в лицо, другая ее рука легко отразила взмах ножа. Мальчик без сознания рухнул на пол.

Обе женщины встретились взглядами, и Мари слегка поклонилась Асе.

— Спасибо.

Аса едва заметно кивнула и пошла вглубь дома. Мари увидела, что чем глубже они были, тем сильнее было насилие. Здесь уже реагировала стража, и коридоры были усеяны несколькими телами. Мари боролась с желчью, поднимающейся в ее горле. Эта цена была необходима, но это были ее граждане.

Аса привела ее в приемную недалеко от центра дома. Тацуо сидел в своей вечерней одежде, но в остальном выглядел умиротворенно. Он пристально посмотрел на Мари, когда она вошла.

— Вы опоздали, леди Мари, и эта ошибка будет стоить вам всего.

Она не могла поверить в его уверенность. Он был окружен ее людьми, но верил, что контролировал ситуацию. Ей придется разубедить его.

— Откажись от своих предательских притязаний, и, возможно, я оставлю тебя в живых.

Он посмотрел на нее так, будто она была ребенком, который капризничал.

— Нет, леди Мари. Ваш дом стал моим. Отзовите своих солдат, и я позволю вам жить в изгнании.

Мари глубоко вдохнула. Несмотря на заложенные ею основы, будущее еще не было написано. Тацуо верил, что его поддерживало большинство знати. Возможно, он был прав. Мари знала, что их поддержка разделилась почти поровну. На нее легла тень сомнения.

Затем она вспомнила фермера, которому не помогли пару дней назад. Она вспомнила, что этот человек легко прибегал к убийству. Нет, у Тацуо не могло быть ее дома. Был ясен только один путь, как бы она ни ненавидела его.

Она подошла к Тацуо и обнажила свой короткий клинок. Всезнающая ухмылка Тацуо не дрогнула. Он все еще думал, что она блефовала, что у нее не было силы воли.

— Тебе следует убрать это, пока ты не порезалась, — сказал он.

Он не ожидал, что она нанесет удар, острая сталь прорезала глубокую неровную линию на его шее. Его глаза расширились, и за последние несколько мгновений своей жизни он осознал, насколько ошибался.

* * *

Солнце взошло в первый день правления Мари. После нападения они вернулись в гостиницу, где Мари переоделась в свои лучшие одежды. Пока Мари переодевалась, по улицам шли верные ей солдаты. Некоторые из ее солдат поднимались на ворота, чтобы укрепить ее позицию. Она ненавидела такое сильное военное присутствие в Стоункипе, но это было необходимо для обеспечения плавного продолжения ее правления.

Прежде чем выйти из гостиницы, она взглянула на себя в зеркало. Эмблема Дома Кита занимала видное место на мантии, напоминая всем, кто бросит ей вызов. По ее информации, Тацуо планировал провести сегодня малое собрание совета, без сомнения, чтобы укрепить свою власть. Открытый совет был для людей, но малый совет определял направление их дома.

Мари пошла к комнате совета, этот путь она знала с детства. Хоть ее воспитывали не так, как Джуро или Хироми, их отец все еще ожидал ее на малых собраниях совета. Он верил, что всего его дети должны понимать хотя бы основы работы земель дома.

Мари и ее свита прибыли первыми. Такахиро взял факел и зажег лампы в маленькой каменной комнате с толстыми дверями. В детстве Мари всегда считала комнату теплой и уютной. Ее отец и его советники иногда спорили в этой комнате по полдня, но это всегда казалось безопасным. При ее отце тут люди могли не соглашаться друг с другом и не бояться за свою жизнь. Сегодня, несмотря на нарастающую летнюю жару, в комнате было прохладно.

В конце концов, прибыли другие дворяне. Мари узнала их всех, и они узнали ее. С некоторыми дворянами она уже связалась. От них она получила кивки — единственное подтверждение того, что они сотрудничали. Другие были удивлены, а некоторые даже озадачены ее присутствием в комнате. Она предположила, что теперь большинство уже знали о ее присутствии в городе, но немалое количество из них могло быть замешано в заговоре с целью ее убийства.

Арата был старым аристократом, которого хорошо помнила Мари. Она не видела его больше года, но он выглядел неизменным, как обветренная скала, невосприимчивая к штормам. Его белая борода была длинной и ухоженной, и он двигался с грацией, которая противоречила его годам. Он был военным командиром задолго до того, как ее отец взял под свой контроль дом. К сожалению, он был одним из дворян, чья преданность дому была сомнительной. Она еще не общалась с ним. Его реакция казалась искренней.

Он опустился на колени, как только узнал ее.

— Леди Мари! Я слышал, что вы погибли вместе со своим братом возле Звездопада. Рад видеть вас живой.

Мари слегка поклонилась старому дворянину. Хотя и косвенно, но тот факт, что он упомянул этот слух, указывал на то, что он, вероятно, не участвовал в заговорах против нее. Он всегда казался слишком честным для таких интриг, но легко доверять нельзя было. Она расслабилась по отношению к нему, но не полностью.

— Рада снова видеть вас. Давно не виделись, Арата.

Каким бы старым он ни был, а Мари предположила, что ему было более восьмидесяти лет, глаза Араты были ясными и внимательными. Он увидел, что Мари сидит во главе стола, но не сказал об этом. Он занял свое место, ожидая развития событий.

Два других аристократа, вошедшие за Аратой, были хорошо известны Мари. Она навещала их за последние несколько дней и заслужила их поддержку. Их звали Наоки и Исау, обоим было около сорока лет, они были близкими друзьями ее отца. Она слегка поклонилась им, и пара ответила низкими поклонами. Они были твердо на ее стороне.

Остальные дворяне входили по одному и по двое. Некоторые не удивились, увидев ее, а другие были шокированы. Мари отмечала каждую реакцию. Многие не обрадовались тому, что она села во главе стола.

С последним прибывшим аристократом Мари ожидала больше всего проблем.

Йошинори вошел в комнату, смеясь над каким-то комментарием его стража, когда его глаза встретились с глазами Мари. Его взгляд немедленно ожесточился, и он быстро окинул взглядом комнату и остальных дворян. Мари не нужно было читать мысли, чтобы знать, что он делал то же самое, что и она. Кто кого поддерживал? Этот вопрос определял судьбу земель. Во многих отношениях эта встреча имела даже большее значение, чем ее действия накануне ночью.

Мари хотела ощущать уверенность, которую показывала. Она была очень осторожна при встречах с аристократами последние несколько дней. Один неверный ход убрал бы элемент неожиданности, и она была осторожнее, чем нужно было. Теперь она жалела, что не была смелее и не нашла дополнительной поддержки, прежде чем действовать.

Йошинори сел. Судя по всему, что она слышала, он был ближайшим союзником Тацуо. Он начал встречу без формальностей:

— Где Тацуо?

Мари решила не лгать.

— Мертв.

За столом загудели голоса. Даже дворяне, которые уже обещали ей свою поддержку, выглядели удивленными. Йошинори выглядел так, будто собирался встать и закричать, но передумал.

— Ты убила его?

Мари кивнула.

— Я дала ему возможность мирно сдаться. Он отказался.

В комнате воцарилась тишина, пока дворяне обдумывали возможные последствия. Йошинори, конечно же, попытался воспользоваться смятением:

— Мы должны выбрать нового лидера дома.

Мари остановила его, прежде чем он смог продолжить. Она предвидела этот шаг и не могла позволить Йошинори обосновать аргумент.

— Я согласна. Тут нет дураков. Я сижу здесь сегодня, потому что намерена защитить эти земли и свой народ. Я — последний выживший член своей семьи, и я буду править. Но это будет только с согласия большинства здешних дворян.

Йошинори встал, его лицо покраснело.

— Как вы собираетесь править? Ты женщина!

Мари холодно смотрела в пылающие глаза аристократа. Йошинори лепетал, другие аристократы осуждали его за всплеск. Мари знала о его темпераменте, надеялась показать, что он не годился на роль лидера.

— Я знаю, что иду против традиций, потому прошу вашей поддержки. Без вас народ не последует. С вами — они пойдут.

Йошинори громко заворчал, что ситуация была позором.

Арата заговорил твердым голосом:

— Ваша просьба необычна, леди Мари. Я давно поддерживаю вашу семью, но если то, что вы говорите, правда, и вы действительно стремитесь защитить людей, почему я должен поддерживать вас, а не кого-то другого?

Мари слегка поклонилась старшему дворянину.

— Хороший вопрос. С моего детства отец настаивал на том, чтобы мы были частью его правления. Я не получила то обучение, которое получил Джуро, но я не новичок в правлении. И, что более важно, я верю генералу Фумио, который теперь командует армией

на нашей западной границе. Я также верю клинкам.

Йошинори рявкнул:

— Тем, кто убил нашего господина и короля? Вы застелили свою постель змеями, леди Мари.

Мари почувствовала, как ее сердце забилося чаще. Она подумала о Коджи, о том, насколько странным был мир, в котором она считала человека, убившего ее брата, одним из своих самых преданных сторонников. Здешняя знать не могла знать, насколько они были близки, еще одна причина, по которой она отослала его, вместо того, чтобы сделать его главой своей стражи.

— Они также являются единственной силой, способной защитить нас в трудную минуту, — ответила она. — Нас атакуют два других дома. Без клинков этот дом рухнет.

Йошинори ответил незамедлительно:

— Вы даже не доверяете нашим военным? Ваше неверие недостойно правителя.

Хотя гнев закипал у нее в горле, она не могла позволить себе показать это. Дворянам нужно было видеть, что она справляется с кризисом, принимая спокойные и разумные решения.

— Я доверяю нашим военным, но я — реалист. Действия Хироми уничтожили наши силы, и, хотя наши люди хорошо обучены, мы значительно уступаем в численности. Наша единственная надежда — это клинки, какой бы неприятной ни была эта правда.

Арата словесно вмешался. Мари не помнила, чтобы он был таким разговорчивым на собраниях.

— Вы говорите разумно, леди Мари, хоть слова тяжело принять. Но есть еще вопрос. Вы собираетесь выходить замуж?

Мари отклонилась на стуле. Вопрос не был неожиданным, но она не хотела на него отвечать. Но сбежать от всех традиций не выйдет.

— Когда-нибудь — да. Думаю, сейчас на кону дела важнее, но я хочу продолжить род. Хотя сейчас я не собираюсь делать это приоритетом.

Арате не понравился ответ, он собирался давить.

Мари заговорила, опередив его:

— Я планирую выйти замуж, я признаю, что рождение наследника — важное дело. Но сначала нужно обеспечить безопасность земли. Наш народ на первом месте. Я рада рассмотреть потенциальных женихов, когда время позволит. Если я получу вашу поддержку сейчас, это даст мне больше времени на такие дела.

Она рисковала, но вариантов не было. Аристократы за столом молчали, обдумывая ее слова. В частности, Йошинори задумался. Мари намекнула на возможность более значительных ролей в управлении землями. Она ожидала, что он недооценивал ее, хотел пробраться в семью через брак, чтобы взять на себя больше власти за кулисами.

Йошинори называл клинков змеями, но он был змеей в человеческом обличье. Если он увидит способ проскользнуть к власти, возможно, он публично поддержит ее на данный момент. В противном случае ему нужно было попытаться занять трон сегодня, и он не хуже нее знал, что любое голосование в данный момент было риском. Если бы он поддержал ее сейчас, он был бы постоянной угрозой, но она была готова отодвинуть проблему в будущее, если она могла хотя бы укрепить свое правление сегодня.

Она закончила своим сильнейшим ходом:

— Вы разумно спросили, почему должны поддерживать меня, — она сделала паузу,

ожидая, пока все взгляды сосредоточатся на ней. — Это правда, что у меня есть поддержка военных и клинков. Это придает мне сил. Но хороший правитель правит не только силой. Пока мы говорим, я распространяю газеты по Стоункипу и всей стране, провозглашая правду о том, что я была Леди в Белом, о которой так много говорили. Легенда выросла в рассказах, но люди будут знать, что я сделала для них прошлой зимой. Если вы поддержите меня, люди узнают, что дворяне их поддерживают. Во время кризиса всем нам нужна стабильность. Я надеюсь на эту стабильность.

Она рассказала не все, но дворяне это понимали достаточно хорошо. Легенда о Леди в Белом разрослась, и Мари получит поддержку народа. Сама по себе такая поддержка не была решающим фактором. Но в сочетании с поддержкой армий и клинков дворяне знали, что будут в хаосе, если не проголосуют за Мари. И голосование будет публичным. Мари сделала все, что могла, чтобы загнать их в угол, оставив им только один разумный выход.

Йошинори, казалось, первым пришел к такому выводу. Он наблюдал за ней какое-то время, и Мари подумала, что увидела в его глазах сочетание уважения и ненависти.

— Товарищи, — начал он, — я верю в леди Мари, у нее моя поддержка. Я прошу голосовать.

Она подавила желание улыбнуться. Это был умный ход, она оставила им мало шансов на власть. Все будут знать, что это он призывал к голосованию за Мари. Он будет проблемой в будущем, но пока он служил ее целям.

К тому времени, как солнце достигло зенита, голоса были подсчитаны, и Мари стала бесспорным правителем дома Кита.

* * *

Мари потирала виски, желая знать, как избавиться от боли в глазах. Слишком много проблем требовало внимания, которого у нее не было. Когда трон был закреплен, она провела остаток дня, пытаясь справиться с бесконечной чередой кризисов. Она не знала, как земля держалась так долго. И вот, в конце концов, надвигался еще один кризис. Она прочитала записку еще раз, затем бросила ее на письменный стол.

Такахиро был единственным человеком в комнате. Он тоже прочел записку, но воздержался от комментариев, пока она не спросила его. Прямо сейчас ей хотелось думать о чем-нибудь другом.

Она сжала голову руками.

— Как я справлялась?

— Ближе к концу дня были допущены ошибки. Например, я думаю, вам нужно отнестись внимательнее к тревогам Араты по поводу распределения продовольственных запасов. Но в целом все хорошо. Не хуже любого лорда, которого я когда-либо видел.

Мари была рада честной оценке, и его комментарии вызвали давние воспоминания. Такахиро был старше нее на пару лет, но он был с ее семьей в качестве стража так долго, что она иногда забывала о его существовании, прежде чем он стал телохранителем.

— Ты ведь сам из благородного дома, не так ли?

— Опальный дом, но да. Наши земли крошечные, и когда я решил стать стражем дома Кита, мой младший брат взял на себя ответственность возглавить наш дом. Я отказался от притязаний. Только так ваш отец позволил мне служить.

— Ты жалел когда-нибудь о своем решении?

Такахиро рассмеялся — звук для Мари был особенно приятным после событий дня.

— Скучаю ли я по собраниям, жалобам и спорам о том, как управлять своими землями?

Нет. Я не был создан для правления, миледи.

Мари улыбнулась. Она понимала притяжение власти, но ответственность была бременем, должна такой быть. Эта мысль вызвала у нее стон, она знала, что нужно было еще кое-что сделать. Она хотела спать, но пока не могла. Она взяла записку.

— Идем. Осталось выполнить еще одно задание до конца дня.

Такахиро поклонился и без вопросов последовал за ней. Она предположила, что он догадывался, куда она его повела.

Улицы были темными, но небо было все еще светлым, когда они добрались до гостиницы. Мари скучала по этому в Стоункипе и высоких горах. Ей нравилось, как солнце садилось за отвесные гранитные скалы, погружая город во тьму, а небо сияло синим над головой.

Мари нашла свою цель сидящей в углу гостиной с кружкой пива. Мари села и заказала себе пива. Она никогда особо не пила, но сегодня вечером присоединилась с радостью. В конце концов, нельзя стать первой леди и не отпраздновать.

Аса подняла взгляд, на ее лице было что-то среднее между любопытством и раздражением. Она ничего не сказала, ожидая, пока Мари возьмет на себя инициативу. Когда принесли пиво, и она сделала большой глоток, она заговорила:

— Так хорошо. Именно то, что нужно после такого дня, как сегодня, — она взглянула на Асу, гадая, получит ли какой-нибудь ответ.

Нет.

Мари передала записку Асе, она молча прочитала ее. Лицо клинка даже не дрогнуло.

Об Асе можно было сказать много хорошего, подумала Мари, но ее манеры и разговорчивость не среди таких качеств. Аса все сидела и молчала, ожидая, пока Мари выразит свою мысль.

Мари сдалась.

— Как думаешь, чего он хочет?

Письмо было от Хаджими, он созывал клинков в долине ниже Стоункипа, чтобы придумать их будущее. Копия попала в руки Мари.

Аса пожала плечами.

— Он что-то задумал.

Мари подавила желание шлепнуть девушку. Любой мог это понять. Она надеялась, что Аса подскажет. Если клинок ночи знала больше, она это сказала бы.

Мари на это наделась. Она доверяла Асе, но клинок разрывалась между верностью разным сторонам.

— Ты пойдешь? — спросила Мари.

Аса кивнула.

— Я прослежу, чтобы твою стражу вели друге, пока меня нет. Что бы ни задумал Хаджими, я должна присутствовать.

Мари подавила вздох, ведь ожидала такое. До встречи оставалось несколько дней, Хаджими хотел, чтобы собралось как можно больше клинков. Почти вся сила Мари зависела от клинков. Если Хаджими откажется от поддержки, последствия уничтожат ее. Она ощущала это как нож у горла.

Казалось, у ее горла было несколько ножей. Другие аристократы уже точили свои. И она подумала о другой причине, по которой пришла сюда этой ночью.

— Аса, я хочу, чтобы ты создала новую группу стражи, основную группу в почетном

карауле.

Аса нахмурилась.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы это были женщины.

Аса медленно поставила кружку, и у Мари создалось впечатление, что она сделала это только для того, чтобы не пролить пиво, резко опустив ее. Мари ощутила напряжение Такахиро. Она не предупредила его об этой идее.

— Зачем? — повторил Аса.

— Потому что я буду нуждаться в защите везде, куда бы я ни пошла, в том числе во время купания и переодевания. Я не хочу, чтобы на меня глазели или отвлекались стражи, когда они должны защищать мою жизнь. Мне нужны женщины, которые могут и будут сражаться, чтобы защитить меня.

Она не сказала, что это служило и политической цели. Даже небольшое количество женщин качестве стражи начнет менять восприятие, что было необходимо, если Мари собиралась дальше править. Конечно, им нужно будет сохранить ей жизнь, но именно поэтому ей нужна была Аса, чтобы найти и обучить их.

— Это будет непростая задача. Где мне найти женщин, которые умеют биться?

— Я надеялась, что ты начнешь с клинков. Со временем, возможно, придут другие, которые смогут пройти твое обучение.

Она ощущала, что Такахиро хотел возразить. Она повернулась к нему.

— Что?

— Вы без надобности рискуете собой, — сказал он. Аса могла не догадываться о ее скрытых мотивах, но он мог их видеть.

— Не согласна. Смог бы ты сражаться изо всех сил, не отвлекаясь, если бы я стояла рядом с тобой голой?

Она еще не видела оттенка красного на лице Такахиро и почувствовала небольшое удовлетворение от такой реакции. Но он не стал оспаривать ее точку зрения.

Мари снова повернулась к Асе.

— Ты сделаешь это?

Аса не выглядела восторженной, и Мари гадала, что происходило у нее в голове. По правде говоря, она не знала, согласится ли клинок.

— Ладно. Я сделаю это. Но я не могу обещать, что смогу долго на тебя работать.

Мари знала, что не могла просить большего, не от той, чья преданность была так разорвана. Но Аса дала слово, что было хорошо. Она выдохнула с облегчением.

— Ты можешь обсудить подробности с Такахиро. Думаю, на изменения потребуется время.

Мари сделала большой глоток пива, поражаясь приятному вкусу. Она начинала понимать, почему ее отец так много пил. Она уже ощущала, как мышцы расслаблялись после дня трудных решений. Ей было хорошо, и она многого достигла сегодня.

Аса выглядела так, словно на ее шее завязали петлю.

7

Клинки встретятся через два дня. Аса была уверена, что та встреча установит путь вперед для клинков. Она слышала лишь шепот, но стала понимать Хаджими в последние несколько лет. Он будет смотреть не только на войну, но и на то, что будет дальше, но не сдвинется с места без согласия оставшихся клинков. Это собрание, такое близкое, но такое

далекое, будет очень интересным.

По сравнению с ее нынешними днями, собрание станет долгожданным облегчением от ее ежедневной скуки.

Аса стояла за Мари, которая сидела на небольшом возвышении во дворе. Сегодня она вызвалась нести караульную службу. Последние несколько дней к ней сходились молодые женщины, пытаясь доказать, что у них были боевые навыки, чтобы стать стражей. Аса не понимала, почему. Они так нуждались в золоте, или они считали честью охранять свою леди? Асе приходилось отвергать девятнадцать из каждых двадцати, а те, кого она допускала для обучения, почти всегда были далеки от воинов.

Сегодня Аса решила отдохнуть от безумия, но она не была убеждена, что охрана Мари была пустой тратой времени. Хотя день только начался, прошло уже несколько встреч, где она боялась, что придется обнажить меч. Сегодня был открытый совет, наводненный жалобами людей, и решения Мари часто редких счастливыми.

Аса обнаружила, что ненавидит работу в доме знати. По сравнению со сложными проблемами Мари, жизнь воина была медленной прогулкой по прямому пути. Она ненавидела нескончаемые жалобы людей. Слишком часто к Мари приходили люди с проблемами, которые, по мнению Асы, можно было легко решить самостоятельно. Одна пара даже пришла из-за супружеского спора!

Но хуже бессмысленных жалоб были жалобы, в которых был смысл, или те, которые включали в себя политические маневры, выходящие за рамки понимания Асы. Уже сегодня утром Мари выслушала фермера, который потребовал военной защиты для своей фермы. Леди отослала его, его просьба не была выполнена. Дальше шел особенно смелый юный аристократ, который, почти не кланяясь, публично попросил ее руки и сердца. Собравшиеся посмотреть, нетерпеливо склонились вперед, чтобы посмотреть, как отреагирует Мари. Некоторое время молодой человек говорил о своей пригодности, и, похоже, немалое количество зрителей соглашались. Аса считала, что он слишком много говорил, и каждое произнесенное им слово делало его менее привлекательным. Мари выгнала его со двора еще до того, как он закончил перечислять то, чего желал. По крайней мере, с этим решением Аса согласилась.

Следующим пришел другой фермер, просил семена для своей фермы. Было уже довольно поздно сеять, но его поля были уничтожены отступающими армиями Каташи. Мари подарила ему мешок с семенами, несмотря на возражения некоторых наблюдателей, которые считали, что в конце года это было бесполезной тратой.

Она резко упрекнула их:

— Наше семя не приносит пользы в кладовых, а еды у нас и так мало. Я предпочитаю рискнуть, чтобы этой зимой не умереть с голоду.

После фермера вперед выступил казначей Мари. Аса осторожно оглядела комнату. Казначей был единственным, кто подошел к помосту, где находилась только Мари. Обычно такие дела велись в частном порядке, но Мари, под влиянием странных учений Такаши, считала, что как можно больше сделок следует вести публично.

— Моя госпожа, — начала казначей Наоки. — Я обработала цифры и сейчас представлю их вам с копиями, как вы просили.

Мари кивнула, и зрителям раздали небольшие листы бумаги с числами, написанными на них. Наоки предложила Асе копию, но она отказалась. Она не хотела усложнять себе жизнь еще сильнее. Судя по лицам зрителей, Аса понимала, как собравшиеся вельможи

отнеслись к предложению. По толпе прокатилась волна гневного бормотания.

Мари дала всем несколько минут, чтобы изучить листы, потом сказала Наоки:

— Вы считаете, что это справедливая цена за продукты, в которых нуждаются наши армии?

— Да. Цены основаны на текущей рыночной стоимости.

Йошинори встал из толпы. За время, прошедшее с тех пор, как Мари взошла на трон, он стал лидером противостоящей фракции. Его жалобы всегда звучали как поддержка, но его намерения были ясны. Аса считала, что Мари было бы лучше, если бы Йошинори ощутил меч в животе. Но Мари ненавидела такую тактику.

Аристократ громко заговорил:

— Леди Мари, меня восхищают ваши попытки улучшить жизни вашего народа. Но вы не думаете, что опасно заставлять платить за то, что всегда отдавали?

Мари не дрогнула.

— Думаю, вы хотели сказать «забирали». Еду предоставляли из-за сил знати. Это предложение позволяет тем, кто поставляет еду, кормить свои семьи.

Йошинори заговорил так, словно объяснял ребенку основы того, как устроен мир. Его голос был добрым, но снисходительным.

— Леди Мари, всем фермерам разрешено оставить часть того, что они выращивают. Так они питаются, и это закреплено в наших законах на протяжении бесчисленных лет. Ваша идея угрожает перевернуть систему, которая поддерживала нас как в хорошие, так и в плохие сезоны. Зачем менять то, что не требует исправления?

Взгляд Мари мог заморозить пар.

— И если бы я отправила аудиторов на ваши земли, они увидели бы, что все фермеры получили свою справедливую долю? Аристократ, который не дает пятую часть тем, кто находится на его земле, столкнется с серьезными последствиями.

На лице Йошинори не было никакой реакции, но по тому, как его равновесие изменилось, Аса поняла, что не думал, что Мари пойдет так далеко. Они по-прежнему недооценивали ее.

Перед дворянами было предложение, которое было радикальным, по крайней мере, для этого дома, насколько понимала Аса. В течение нескольких поколений доля фермеров, обрабатывающих землю для дворян, составляла одну пятую. Дворяне, в свою очередь, предоставляли пятую часть от общего количества для армий.

Во многих случаях система работала хорошо. Мари сказала Асе, что большинство знати обычно заботилось о своих фермерах, жертвуя из собственных запасов в трудные времена года. Но в последнее время все изменилось. В условиях большой неуверенности, вызванной суровой зимой и политическими потрясениями, многие семьи знати брали больше, чем полагалось, и копили продукты. Другие лорды могли выбрать в качестве примера одну семью аристократов, но Мари так не думала. Ей не нравилась идея заставлять людей делать то, что она хотела.

Вместо этого она предложила новый вариант. Фермеры могли бы, если бы захотели, продавать десятую часть своего труда прямо дому. Мари гарантировала определенную цену. Решение Мари означало, что дворяне могли потерять часть еды, которую копили, но Мари нравилась идея предоставить фермерам больше выбора.

Аса изо всех сил пыталась пережить. Сила казалась ей более легким путем, но у Мари были странные представления об управлении.

Пока что вопросом было, как Йошинори отреагирует на скрытую угрозу Мари. Мари знала, что Йошинори был из виновных, которые забирали больше еды, чем позволял закон, и не отправляли достаточно армиям. Она могла забрать у него за это земли. Аса предпочла бы такую идею.

Йошинори примет компромисс и потеряет десятую еды, или он будет давить?

Он оказался трусом, как и ожидала Аса. Он сел без слов.

Мари посмотрела на толпу.

— Еще кто-то хочет высказаться?

Рука Асы потянулась к мечу. Многие выглядели так, словно хотели высказаться, но они молчали. Это беспокоило ее больше гневных воплей. Это молчание означало, что они заговорят позже, когда Мари отвернется. Несомненно, Йошинори будет в центре большинства этих разговоров.

Мари получила место в своем доме, но ее положение и ее жизнь были далеко не надежными.

* * *

Приближаясь к временному лагерю клинков, Аса сжала записку в складках мантии. Лагерь находился в долине ниже Стоункипа. Расположение дома было не только удобным, но и возвышающиеся вокруг него горы служили естественной защитой. Одежды Асы позволили ей войти в лагерь, но записка, запечатанная печатью Хаджими, вводила ее во внутренние круги импровизированного города.

Записка нашла ее накануне, с просьбой о встрече перед собранием. В записке не было причин, но Аса была рада любому предлогу, чтобы оставить свои текущие обязанности. Собрание должно было начаться около полудня, и солнце только взошло.

Аса раньше не посещала палаточный город клинков. К тому времени, когда они перебрались от Звездопада, она уже была внутри Стоункипа, вовлеченная в интриги. Лагерь был чистым и упорядоченным, но Аса все еще ощущала укол вины, видя, что ее люди жили в палатках.

Настроение в лагере, похоже, ей соответствовало. Люди выполняли повседневные задачи: готовили еду, приносили воду из ближайшего колодца, стирали одежду, тренировались и многое другое. Но Аса не слышала ни смеха, ни веселых разговоров. Каждый клинок, которого она видела, выглядел так, будто на нем лежала тяжелая ноша. И в каком-то смысле так и было. Аса не часто об этом думала, но клинки здесь были почти всеми, кто остался. Во всем Королевстве их было около тысячи. Они могли засохнуть и умереть, как дерево, затмеваемое своими более крупными соседями?

Она не могла этого допустить. В Звездопаде она нашла то, за что стоило бороться: свой народ. В детстве она не придавала особого значения тому факту, что она клинок. Теперь она это делала. Она будет сражаться за них и, возможно, даже умрет за них, если это потребуется.

Вскоре она добралась до центра лагеря, ее впустили в палатку Хаджими. Несмотря на то, что палатка было больше многих, она все равно казалась маленькой. Жилое пространство Хаджими давило на нее, как Королевство, казалось, душило клинки.

Аса остановилась, увидев Коджи в палатке. До этого момента она думала, что он все еще воевал на западе. До нее дошли слухи о нем всего пару дней назад. Он едва мог взмахнуть мечом, не создав где-нибудь новую легенду.

Он поклонился ей, почти извиняясь. Если бы в ее жизни было больше света, она могла

бы рассердиться на него за то, что он не сообщил ей о своих передвижениях. Но между ее обязанностями наверху и вопросами их выживания внизу ей было просто приятно увидеть его снова. По крайней мере, он был скалой в тяжелые времена.

Хаджими не стал тратить время на вежливость. Слуга налил им чаю, и Хаджими проигнорировал это и жестом пригласил их всех сесть.

— Совет решил сформировать группы добровольцев для проведения экспедиций в поисках нового дома. Остальные клинки узнают об этом, когда начнется собрание.

Аса не так быстро уловила нюанс, как Коджи. Легендарный клинок ночи был методичным мыслителем, но его интуиция иногда опережала других.

— Мне трудно поверить, что мы найдем другую землю, где можно поселиться, кроме этой, — сказал Коджи.

Асе показалось, что в заявлении был вопрос, но она все еще не понимала. А потом осознала.

— Вы собираетесь покинуть Королевство.

Отсутствие выражения на лице Коджи подсказало Асе, что он уже понял это. Хаджими только слегка кивнул. Он казался Асе постаревшим, будто клинок старел быстрее других. Не в первый раз Аса была благодарна за то, что не оказалась на его месте.

— Не планирую. Возможно, готовлюсь. Есть еще надежда, что мирное решение можно будет найти среди домов и клинков, но с каждым днем это кажется все менее вероятным.

— Вы сдаетесь, — сказал Коджи.

Аса не слышала эмоций в голосе Коджи, казалось, он лишился надежды. Аса представляла его чувства. Коджи хотел, чтобы клинки помогали Мари, но Хаджими не был настолько глуп, чтобы поставить все свое будущее на одного человека. Все, над чем Коджи работал за прошедший месяц, ускользало от него.

— Совсем наоборот, — ответил Хаджими. — Я отвечаю за будущее клинков. Один из таких возможных вариантов будущего здесь, на землях дома Кита. Я хочу, чтобы это было так, но я должен подготовиться к непредвиденным обстоятельствам. Победа Мари в этом конфликте не гарантирована, и на землях других домов не выжить. Я не сдаюсь, но даю вам надежду на новую жизнь.

Аса увидела, как взгляд Коджи поднялся, в них стояла холодная ярость. Что-то в нем изменилось, сообразила Аса. Несколько месяцев назад этот разговор вызвал бы у него нетерпение. Но теперь сила воли, делавшая его таким опасным на поле боя, сдерживала его энергию. Он повзрослел, и это сделало его более опасным. Даже Хаджими немногосъежился под этим взглядом.

— Почему вы позвали нас сюда? — спросил Коджи. — Вы бы этого не сделали без скрытых мотивов.

Хаджими немного восстановил самообладание.

— Я хотел обсудить с вами решение совета перед собранием. Многие из клинков равняются на тебя, и именно благодаря твоим словам на последнем собрании мы сейчас здесь, — он помолчал и посмотрел на Асу. — А ты ближе всех к леди Мари. Мы должны провести тонкую грань между защитой наших интересов и помощью ей.

— Вам нужна наша поддержка, — сказал Коджи.

— Да.

Напряженное мгновение на нее давила тишина в палатке. Она такого не ожидала.

— Я выступлю против вашего решения, — решил Коджи.

Хаджими выглядел расстроенным.

— Конечно, ты понимаешь, в каком положении мы оказались.

— Да. Но вы рискуете разделить клинки во времена, когда нам нужно единство.

Хаджими не унимался:

— Мир не черно-белый, Коджи, а клинки — не дети, одержимые целью, которую я для них выбрал. Мы можем справиться со сложностью этого нового мира.

Коджи был готов возразить, но Хаджими остановил его движением, будто идея только что пришла ему в голову.

— Возможно, мы сможем позаимствовать метод у самой Мари.

Имени Мари было достаточно, чтобы Коджи остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Пусть люди сами решают, какой путь они хотят избрать.

— Еще одно голосование? — заговорила Аса.

— Нет. Коджи прав, сосредоточив внимание на защите интересов Мари, но будут и экспедиции. Но совет может дать время высказаться, Коджи, и призвать добровольцев. Ты сражаешься за Мари и можешь отстаивать то, что делаешь. Те, кто предпочитает не сражаться, могут добровольно отправляться в экспедиции.

Коджи кивнул, обдумывая эту идею. Аса, участвовавшая в делах Мари в течение месяца или около того, ощутила зуд в глубине души. Что-то в этом ей не нравилось.

— Это кажется справедливым, — наконец, решил Коджи. Аса увидела, как на лице Хаджими мелькнула улыбка, а потом она поняла. От начала до конца вся эта сцена была продумана. Хаджими поймал ее взгляд, и она увидела, что он знал, что она поняла то, что только что произошло.

Уловка была блестящей, теперь, когда она думала об этом. Многие, а то и большинство, клинки последовали бы за Коджи. Учитывая растущую легендарность и убедительность клинка ночи, он соберет отряд клинков, больший, чем видели за десятки лет. И Коджи был подходящим человеком, чтобы их возглавить. Хаджими мог манипулировать, но это не делало его неправым. Коджи гарантировал, что армии других домов не подойдут достаточно близко к Стоункипу, чтобы угрожать клинкам, давая им время найти другой дом или, возможно, положить конец войне и решить вопрос.

Это давало остальным клинкам еще одну цель. Коджи был прав, клинки нуждались в цели. Хаджими просто понял, что они не могли все служить одному мастеру.

Аса не могла представить, как Королевство будет выглядеть без клинков, но впервые в истории эта возможность казалась реальной. Она знала, почему Хаджими пригласил ее. Ей нужно было убедить Мари продолжать распространять защиту на клинки, даже когда клинки планировали уйти. Она допила чай и встала.

— Спасибо, Хаджими, за службу клинкам. Знание планов встречи дает мне возможность немедленно вернуться к своим обязанностям. Я уйду.

Она и Хаджими переглянулись. Она кивнула ему, давая понять, что знала, что нужно делать.

— Передайте, пожалуйста, леди Мари мои лучшие пожелания, — Хаджими поклонился.

Когда Аса вышла из палатки, она почувствовала, как ее охватил восторг. Рядом с Коджи она не могла выразить чувства, но идея оставить позади разрушенное Королевство звучала как мечта.

* * *

Аса не сделала и дюжину шагов, как почувствовала, что Коджи приближался к ней. Даже в многолюдном лагере его энергия выделялась, как яркий факел посреди ночи. По сравнению с его силой даже остальные клинки выглядели как дети. Ей было интересно, знал ли он, насколько сильным ощущался по отношению к другим.

— Аса, подожди!

Она остановилась, уже зная, какой спор произойдет. Она не хотела ссориться. Несмотря на всю борьбу в ее жизни, она хотела, чтобы все было легко. Но Коджи редко выбирал легкий путь.

Коджи почувствовал ее недовольство, но ошибся.

— Мне очень жаль, что я не смог предупредить тебя о своем прибытии. Я только что добрался сюда, погубив несколько лошадей, чтобы успеть сюда вовремя.

Аса обняла его, и он напрягся, не ожидая этого. Она прижала его к себе на миг, когда он неловко ответил на объятия. Ей нравилось ощущение того, насколько он устойчив. Хотя он растерялся, она не была уверена, что сможет оттолкнуть его: его стойка была твердой, ноги приросли к земле. Он мог злиться, но она ценила его простую последовательность.

Эта последовательность значила для нее много, когда она терялась в сомнениях. Возможно, поэтому она всегда заботилась о нем. Каким бы безумным ни казался мир, Коджи всегда будет рядом, неподвижный, как гора. В мире переменчивой преданности, определившей ее время в Стоункип, Коджи был глотком свежего воздуха.

Через несколько мгновений она отошла.

— Так ты поведешь клинков против врагов Мари?

Он слегка нахмурился, как будто она задала вопрос настолько очевидный, что он не требовал ответа.

Аса почти рассмеялась от выражения его лица. Ему даже в голову не приходило, что другие могли думать иначе, его вера была настолько сильной.

— Ты не думал, что было бы неплохо отправиться в одну из этих экспедиций, исследовать неизведанные земли, попытаться найти новый дом?

Он покачал головой, как и ожидала Аса.

— Нет, когда здесь так много дел.

Она поняла, что будет трудно вести этот разговор. Их мнения сильно отличались. Искушение пропустить его было сильным, но она не могла. Коджи нужно было знать, что она чувствовала. Она приняла решение почти сразу после того, как вышла из палатки Хаджими.

— Я бы хотела поехать в одну из экспедиций, — сказала она.

Коджи выглядел так, словно его ударили по лицу. На его лице мелькнуло сомнение, будто он подумал, что она шутит. Потом он понял, насколько она серьезна.

— Ты бросила бы Мари?

Аса взмахнула руками, указывая на временный город, окружающий их.

— Я бы бросила все Королевство ради клинков.

— Нет клинков без Королевства.

— Может, так было в прошлом, но мы не обязаны оставаться тут. Мы сильные, может, даже сильнее сами по себе. Что держит тебя тут?

Она уже знала часть ответа, даже если он не мог ответить сам. Он ощущал сильную вину из-за прошлого, видел в защите леди Мари искупление.

— Аса, люди тут страдают. Я видел сгоревшие деревни, женщин, забранных солдатами,

разрушенные поля. У меня есть силы сделать что-то, поэтому я должен.

Она потянулась к нему, чувствуя боль в его голосе.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Но всех не спасти. Почему бы не сосредоточиться на спасении клинков? Это твой народ.

Коджи отстранился от ее прикосновения.

— Это неправильно, Аса. Если мы сосредоточимся только на себе, мы потеряем все, — он притих на мгновение. — Значит ли это, что ты не будешь охранять Мари?

Аса не ответила, последствия ее намерений были очевидны.

— Аса, ты не можешь. Если Мари не будет защищена, все, что мы делаем, все потери среди клинков, будет напрасным.

Его убеждение тронуло ее, но ее нельзя было поколебать.

Он шагнул вперед.

— Разве ты не понимаешь? Даже если ты права, и клинки должны покинуть Королевство, Мари нужно защитить. Она единственная аристократка, готовая дать нам приют. Если она умрет, остальные лорды объединятся против нас, и мы не сможем защитить себя. Если мы собираемся найти новый дом, нам нужно время. Мари нужен сильный воин, защищающий ее. Я слышал о покушениях, так что ты знаешь, что это правда. Остальные могут отправиться в экспедиции. Чтобы защитить клинков, тебе нужно остаться с Мари.

Вопреки своим желаниям, ей пришлось признать, что он был прав. В ее голове проносилась сотня возражений, но все они звучали как нытье капризного ребенка. Коджи был прав.

— Ты пойдешь со мной, когда придет время? — спросила она.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Из Королевства?

— Оставить все. Оставить жизнь клинков позади. Мы можем начать новую жизнь вместе. Жизнь, в которой мы можем избегать насилия вместо того, чтобы бежать к нему.

Коджи посмотрел вдаль на то, чего Аса не могла видеть.

— Да. Я бы хотел, — сказал он, подошел к ней и заключил ее в объятия. — Я бы оставил все это с тобой.

8

Коджи вышел из своей палатки, удивленный жарким утром. Лето было на пике, и хотя долгие дни оставляли много времени для тренировок, они приносили слишком много тепла.

Несмотря на жару, Коджи огляделся с чувством глубокого удовлетворения. Он был окружен клинками, чуть более сотни. Вместе они двинулись к армии Фумио, готовые вступить в битву за земли Мари.

Хотя собрание произошло так, как предсказывал Хаджими, Коджи все же удивлялся каждое утро, обнаруживая, что он все еще возглавлял отряд преданных клинков. В его распоряжении было более девяноста клинков ночи и более дюжины клинков дня. Они были самой крупной силой клинков, которую мир видел за многие поколения. Его сердце билось быстрее, когда он смотрел на них, зная, что может изменить ход войны с помощью силы такого размера.

И ему придется. Из-за действий лорда Исаму на юге Фумио был вынужден оторвать отряды своей кавалерии, чтобы подкрепить более слабые силы Мари у южной границы. Нехватка людей уже сказывалась, и Фумио были необходимы клинки до того, как начнется битва.

Меньший отряд клинков также ушел из долины под Стоункипом, чтобы усилить южные армии Мари под командованием генерала Масааки. Коджи никогда не встречался с генералом лично, но слышал, что этот человек был сильным командиром.

Дни Коджи в последнее время были занятыми. У него были две неотложные обязанности. Первая — добраться до Фумио, чтобы поддержать его в боях. Вторая — подготовить клинков к этим битвам. Редко в истории Королевства так много клинков использовалось для выполнения одной задачи. Клинки ночи сражались в одиночку или небольшими группами. У них не было обучения построениям и тактике масштабного боя. Коджи нужно было подготовить их, пока не стало слишком поздно.

Так что половину дней они проводили в пути, а другую половину — на тренировках. Коджи экспериментировал с десятками различных стратегий, приветствуя предложения всех, кто был с ним. Каждую ночь у костров отряды обсуждали, что сработало, а где было трудно. Все клинки были отличными воинами и быстро обучались, но Коджи не был уверен, что они обучались достаточно быстро.

Время стало одним из их многочисленных врагов. Казалось, что силы Каташи были готовы остановиться, но Исаму продвигался с юга. Не требовалось мастера, чтобы увидеть, что оба лорда атакуют примерно в одно время. Коджи и его силы должны были добраться до Фумио к тому времени, когда это произошло. В идеале они были в трех днях пути, но могли, если понадобится, усердно проехать один длинный день. Хоть одной проблемой для Коджи было меньше.

Они получили послание в тот же день, сразу после того, как разбили лагерь для тренировок до конца дня. Послание Фумио было кратким и содержательным. Армия Каташи начала движение. Фумио двигал свои войска. Генерал Мари ожидал, что в течение следующих двух дней тонкие маневры по контролю над местом сражения будут завершены и начнется настоящая битва.

Коджи решил отправиться к Фумио. Он предпочел бы еще несколько дней тренировок, но лучше быть в бою отдохнувшим, чем торопиться в последний момент. Они собрали свои палатки и поехали далеко в ночь, чтобы добраться до войск Мари.

На следующее утро он позволил клинкам заснуть допоздна. Великий Цикл благоприятствовал им, и Коджи получил послание, что битва не состоится до завтра. Коджи приказал клинкам немного потренироваться, а затем отдохнуть. Завтра будет достаточно трудно и без усталости.

Жара в день битвы казалась гнетущей, будто сама погода судила их действия. Перед восходом солнца к Коджи явился посыльный с приказами, которые его не удивили. Он собрал клинков вместе.

— Как и ожидалось, Фумио разместил нас недалеко от центра поля боя, где будут самые ожесточенные бои. Нам дали форму дома Кита, чтобы не делать из себя очевидную цель. Наша миссия проста. Мы должны прорвать их строй и угрожать их штабам. Наши шпионы говорят, что Каташи будет присутствовать на поле боя, и если мы сможем его убить, у нас будет возможность положить конец этой войне, прежде чем погибнет больше людей.

Гордость скрутила живот Коджи, когда он оглядел воинов. Он пытался запомнить лица каждого из подчиненных. Он был недостаточно наивен, чтобы думать, что все выживут. Они тренировались с новой тактикой, которая должна была защитить их, но сегодня Великий Цикл призовет некоторых из них домой. Это было точно.

— Помните, почему мы бьемся. Если мы можем отдать жизнь, чтобы защитить других,

наши жертвы не напрасны. Я буду с вами впереди и в центре, и мы сломаем линию Каташи. Мы закончим эту войну сегодня.

Его окружали лица, наполненные безмолвной решимостью. Сегодня он покажет миру истинную силу клинков. Последняя мысль пришла ему в голову:

— Помните, что это та же армия, которая сожгла Звездопад дотла. Напомним им, какой это было ошибкой.

* * *

Коджи и его клинки были на линии фронта, когда солнце взошло над полем битвы. День обещал невыносимую жару, но Коджи все еще чувствовал легкий утренний ветерок. Как жаль, подумал он, что они будут драться в день, обещавший быть прекрасным. Утреннее небо было окрашено в оттенки пурпурного и темно-синего, и почти не было видно облаков. Просто казалось неправильным умереть под таким красивым небом.

Он гадал, сколько воинов по обе стороны боя согласятся с ним. Никогда в своей жизни он не участвовал в битвах такого масштаба. Тысячи воинов выстроились позади него, но силы Каташи на равнинах и мелких долинах казались многочисленными, как трава. Со своей выгодной позиции Коджи едва мог различить конец вражеской линии. Одно дело знать, что вы в меньшинстве, но видеть эту разницу перед собой, зная, что между вами и вашей целью стоит море стали и плоти, было совершенно другим делом.

Сердце Коджи бешено колотилось, его рука вспотела на рукояти меча. Он знал по многолетнему опыту, что как только битва начнется, его нервы исчезнут, но ожидание, которое приходило перед боем, всегда было худшим. Он не мог позволить себе показать свой страх. Клинки пристально наблюдали за ним, воодушевляясь его уверенностью.

Он не боялся за свою жизнь. Это была не наглость. Если он умрет сегодня, он умрет за достойное дело. Цифры перед ним не имели значения. Как только он вытащил меч, будь один противник или тысяча, он будет сражаться, не сдерживаясь.

Он вспотел из-за бремени лидерства. Его жизнь была его, он мог провести ее так, как он хотел, но эти клинки решили следовать за ним. Они смотрели на него, потому что доверяли ему, и он боялся, что каждая смерть будет предательством этого доверия. Он знал, что можно сделать так много, и решил, что пожертвует своей жизнью, если она спасет одного из клинков позади него.

В рассказах это был момент, когда вождь произносил речь, которая волновала сердца солдат. Но Коджи не был силен в словах. Его инструменты были из стали. Он повернулся, поклонился, затем снова повернулся и стал ждать.

Клинки находились в нескольких шеренгах от линии фронта, защищенные жизнями некоторых обычных пехотинцев генерала Фумио. Коджи ненавидел логику генерала, но не мог отрицать мудрость позиции. Чтобы выдержать атаку, нужно было как можно больше клинков, чтобы переломить ход битвы. Если бы они стояли спереди, они бы рано пали. Фумио возложил на них большую часть своей стратегии. Небольшая группа Коджи, превосходящая численностью и почти превосходящая по маневрам, имела лучшие шансы на победу для Фумио.

Не было возможности говорить, барабаны зазвучали наступление. Крики командиров раздались в линии, и армия Фумио одной большой массой двинулась вперед.

Клинки Коджи шли бок о бок с обычной пехотой, прячась на виду. С каждым их шагом руки Коджи сохли, и его сердце нашло устойчивый ритм. Ожидание прошло, теперь осталась только работа.

Что думали другие солдаты накануне боя? Думали ли они о заброшенных домах, о лучших временах, которые существовали только в комфорте памяти? Несмотря на его политику и причины, по которым он был там, когда началась битва, все, о чем Коджи думал, были братья и сестры рядом с ним.

С противоположных линий в воздух взлетели тысячи стрел, омрачая небо смертоносной красотой своего полета. Коджи позволил себе наблюдать мгновение, как несколько стрел столкнулись в воздухе и сбили несколько других с курса. Затем он поднял щит над головой.

Как и все клинки ночи, Коджи презирал использование щита. Это было трусливое устройство, но после осады Звездапада и понимания, что не все крупномасштабные сражения были столь почетными, как дуэль один на один, Коджи настоял на том, чтобы все его воины использовали щиты. Клинок ночи со стрелой в груди был не более полезен, чем любой другой раненый солдат.

Коджи почувствовал несколько ударов по щиту, рука напряглась, но его группа крепко держала щиты вместе, образуя почти непробиваемую крышу над их головами. Они держали щиты, продолжая идти вперед, и снова и снова Коджи чувствовал удары по руке, которые при других обстоятельствах привели бы к смерти или травме.

Удары барабанов за ними изменились, и пехота, составлявшая передовую, перешла с упорядоченного марша на бег. Линии сомкнулись. В трех рядах перед ним воины побежали, крича так громко, как только могли. Затем рванулась следующая линия, потом — перед ним. Наконец, Коджи глубоко вдохнул и сам побежал вперед.

Он закричал, высвободив весь страх, который вызвал бой. Он принял чувство, ощутил силу окружающей его армии, дух мужчин и женщин, готовых отдать свою жизнь, чтобы другие могли жить в мире. Он кричал об Асе и Мари, о тех, кто твердо стоял за его спиной.

Бег длился несколько десятков шагов. Атака началась и резко остановилась, когда в воздухе зазвенела сталь. Линии фронта столкнулись. Коджи отбросил щит в сторону, чувствуя, что воины позади него делали то же самое. Они продвигались вперед, ожидая, пока синяя форма дома Кита уступит место красной форме их врагов.

Коджи думал, что битва начиналась медленно. Сначала один офицер в красной форме, казалось, оказался в синем море, и меч Коджи вспыхнул один раз. Через несколько мгновений пришёл еще один, и меч Коджи снова запел, закончив жизнь человека одним ударом. Затем прошли еще двое, потом больше, чем Коджи мог справиться в одиночку. Они начали окружать его и обходить его. Коджи и его товарищи-клинки в своей невзрачной форме не привлекали особого внимания вражеской пехоты.

Все приказы, существовавшие до столкновения, исчезли. Солдаты яростно рубили друг друга, многие из них забывали даже базовую подготовку. Пехота, защищавшая клинков во время наступления, была либо мертва, либо пала, сокрушенная количеством врагов, с которыми столкнулась. Коджи и его воины были окружены морем красной формы, но Коджи не возражал. Он работал еще сильнее, желая полностью окружить себя врагом. Только тогда он почувствовал, что боролся изо всех сил. Он потерял себя в чувстве и полагался на обучение, скользя между линиями так же легко, как среди деревьев в лесу. Ни один враг не подошел ближе, его меч снова и снова рассекал их.

Он чувствовал себя странно возбужденным, его удары были сильными и точными, битва продолжалась. Враги заполнили его видение и чувства, но он ощущал себя более живым, чем когда-либо.

Коджи уже не ощущал время. Под напором людей он не мог расширить чувство дальше,

чем на несколько шагов в любом направлении, но в этом маленьком королевстве он был королем. Его мир был наполнен окровавленной сталью, вспотевшими и стонущими солдатами и пылью тысяч ног.

Одна опасность заключалась в том, чтобы уйти от других клинков. Он сражался с помощью массы клинков, и иногда, когда хаос тек вокруг него, он обнаруживал себя одиноким, отрезанным от других. Дважды он стоял и ждал, пока клинки не догонят его, но однажды ему нужно было отступить и укрыться.

Он чувствовал себя странно, будучи частью битвы, но все еще отделенным от более широкой сцены. Он не знал, как прошла битва, выигрывали они или проигрывали. Бросив взгляд на небо, он с удивлением обнаружил, что солнце было прямо над головой. Он понятия не имел, что прошло столько времени. Внезапно на него накатила волна изнеможения, и он позволил другим клинкам пройти вперед, попал в небольшое пространство относительной безопасности.

Короткий перерыв в битве позволил ему лучше понять окружение и битву в целом. Их силы продвинулись дальше, чем он думал. Если повезет, они справятся. Но гораздо больше вдохновляла работа его воинов.

Клинки сражались парами, не позволяя одному уйти слишком далеко вперед другого. Каждая пара по очереди сражалась у края группы, а затем уходила в центр, давая себе время отдохнуть и перевести дыхание. Полностью расслабиться они, конечно, не могли, но немногие красные мундиры пробивались сквозь стену клинков. Также в центре была горстка клинков дня, готовых исцелить в любой момент.

Коджи снова обыскал все поле битвы. Несмотря на прогресс, на поле было по-прежнему гораздо больше красной формы, чем синей. Им нужно было атаковать Каташи. После нескольких секунд поисков он нашел флаг вдалеке на вершине небольшого холма. Лорд наблюдал за сражением с тыла.

Действия лорда только подтвердили уверенность Коджи в том, что этот человек был трусом. Ему нужно было направить клинков к Каташи. Глубоко вдохнув, он покинул относительную безопасность в центре группы и снова занял позицию, направляясь к флагу Каташи. Остальные клинки последовали его примеру, медленно продвигаясь в море прижатых к ним тел.

Соппротивление возросло. На месте каждого убитого Коджи солдата, казалось, появлялись двое. Коджи не знал, привлекала ли его группа больше внимания, или они просто достигли достаточного прогресса, чтобы покинуть остальную часть линии Фумио. Но причина не имела значения. Все, что имело значение, — это убить Каташи и положить конец этой битве.

Движимый жаждой справедливости, Коджи снова погрузился в состояние, близкое к трансу. Мечи атаковали повсюду, и сражение было достаточно интенсивным и быстрым, поэтому ему не раз приходилось выбирать между ударом или верной смертью. Его жизнь вытекала из полдюжины маленьких порезов, но Коджи замечал боль только в редкие моменты, когда на него не нападали. Его мир превратился в длинную серию уклонений, парирований, блокировок и ударов.

Каким-то образом в его сознание проник единственный голос. Это был один из клинков, кричащий его имя. Он повернулся и взглянул на нее, она была в чужой крови.

— Коджи! Вернись сюда!

Поначалу он не понял приказ. Зачем ему нужно было возвращаться? Затем он покачал

головой и решил послушать тех, кто сражался на его стороне. Убедившись, что его защита не упадет, он отступил, снова оказался внутри круга. Как только он вышел из транса, волна истощения, отличающаяся от всего, что он когда-либо чувствовал раньше, обрушилась на него. Он не знал, что тело могло так уставать. Его колени подогнулись, и два клинка ночи рядом с ним подняли его. Он снова попытался встать, но тело, казалось, не могло и не желало отвечать.

Один из клинков дня подошел к нему, вызванный небольшой группой, которая его окружала. Клинок дня взглянул на него, положил руку на Коджи и закрыл глаза. Через миг Коджи почувствовал, как холодная волна энергии струилась по его телу. Это было похоже на глоток воды после прогулки с пустой флягой.

Это ощущение закончилось так же внезапно, как и началось. Коджи чувствовал себя умирающим, лежа на земле. Клинок дня впился в него взглядом.

— Я сделал все, что мог, но тебе нужен отдых. Нет другого исцеления от ущерба, который ты наносишь своему телу, — после этого клинок дня ушел, оставив Коджи больше вопросов, чем утешения.

Из-за неспособности Коджи двигаться круг клинков перестал продвигаться. Без их движения вперед многие люди Каташи, казалось, были готовы позволить им просто стоять. Несомненно, солдаты Каташи считали их своего рода элитным отрядом. Никакие обычные пехотинцы не подходили к ним без необходимости. Давление на них уменьшилось, а вокруг них бушевала битва.

Медленно и осторожно Коджи поднялся на ноги. Клинки ночи по обе стороны от него выглядели неуверенно, их руки были рядом на случай, если его ноги не выстоят. К счастью, его сила сохранилась. Его ноги подкашивались и тряслись, но держали его вес. Коджи оглядел поле битвы, чтобы спланировать следующие шаги.

Как он и думал, его воины продвинулись далеко за пределы досягаемости остальных сил Фумио. Они были окружены массой красного цвета, и хотя в основном их оставили в покое, возвращение к ним внимания и катастрофа были лишь вопросом времени. Он обернулся в поисках флага Каташи. Когда он увидел его, он едва сдержал удивление. Флаг был там, но отступал, становясь все меньше.

Коджи выругался под нос. Молодой лорд осознал опасность своего положения и передвигался в другое место. Затем он услышал стук барабанов перед собой, и вся битва мгновенно изменилась.

Рядом с ним стоял один из клинков ночи, она первой поняла, что происходит.

— Они пытаются отступить, — сказала она.

Глаза Коджи сузились, он смотрел на поле битвы. Она была права. Вокруг них отступали красные мундиры, и ему показалось, что звуки сражения за их спиной становились все тише.

Воины огляделись, обратили внимание на Коджи. Что им делать дальше? Сражаться или вернуться на свои позиции?

Коджи мучила нерешительность. Если другая сила отступала, то Каташи будет жить, сразится в другой день, и война будет продолжаться. Но победа была победой, и Коджи не был уверен, что у них хватит сил броситься в погоню. Его желания, каким бы сильным оно ни было, было недостаточно. Решение было болезненным, но необходимым.

— Удерживайте свои позиции. Вступайте в бой только в случае нападения. Сегодня мы закончили.

Когда их противник отступил, клинки остались почти полностью одни, так как мало кто хотел стать жертвой после окончания битвы. Солдаты в красном шли по обе стороны их маленького круга с пустыми глазами, широко раскрытыми от потрясения. Без сомнения, воины Коджи выглядели так же.

На поле битвы воцарилась странная тишина, тихая только по сравнению с битвой, которая недавно бушевала вокруг них. Коджи все еще мог слышать стоны раненых, крики о помощи, пока каждая из сторон перестраивала линии, но звуки были странно приглушенными, будто в его ушах все еще звенели удары мечей.

Коджи подавил желание упасть на колени и закрыть глаза. Он не мог, не перед своими воинами. Но на тот день все было кончено. Они выиграли битву.

9

Мари отпустила тетиву, смотрела, как стрела летела в мишень. Ее полет закончился приятным стуком по деревянному мужчине. Хотя она скрывала эмоции, гордость тепло сияла внутри. Она давно не стреляла, но навыки не угасли. Рядом с ней Такахиро выпустил свою стрелу, едва попал в край цели.

Они стояли в длинном коридоре в доме ее семьи, коридоре, который иногда превращался в тир для стрельбы из лука. В детстве Мари порой стреляла из лука в этом коридоре. Тогда Джуро стрелял вместе с ней. Сегодня нехотя присоединился Такахиро. Ей практически пришлось приказать ему.

Она не любила стрелять в помещении, но коридор было легко охранять, и опасения за ее безопасность в последние дни только усилились. Хотя у них не было доказательств, и Такахиро, и Аса были уверены, что мятежные группировки нацелены на нее. По крайней мере, стрелять в помещении было лучше, чем совсем не стрелять.

Хотя Такахиро молчал, Мари все равно слышала его возражения. Он думал, что они должны были работать над проблемами, стоящими перед их землями их дома. Хотя он не высказывал своего мнения, он беспокоился, что она не воспринимала проблемы так серьезно, как это было необходимо.

Но это было далеко от истины. В течение нескольких дней Мари не думала почти ни о чем другом. Но ее усталому уму требовался перерыв, и она надеялась, что стрельба из лука избавит ее от стен, образующихся в ее мыслях.

Утром они получили известие с поля боя на западе и в любое время ждали известий с юга. Новости Фумио вызвали у Мари неоднозначную реакцию. Победа обрадовала ее, но сообщения о потерях было тяжело принимать. Они выиграли битву, но ценой тысяч жизней. Фумио потерял почти четверть своей армии, и Каташи организованно отступил, прежде чем его позиции раскололись. Цена победы была слишком высока. У Каташи по-прежнему было подавляющее численное преимущество.

Мари больше не позволяла этим мыслям приходить в голову. Она сосредоточилась на движении лука, натянула тетиву к щеке и сосредоточила дух на цели. Сделав медленный, глубокий вдох, она отпустила, и снова стрела задрожала около центра цели. Такахиро сомневался в ее желании стрелять из лука, но не понимал, что это был один из немногих случаев, когда она могла сосредоточиться.

Мир рушился вокруг нее. Хотя она была главой своего дома, аристократы, которые должны были поддерживать ее, сговорились против нее. Клинки, ради спасения которых она рискнула собственными солдатами, подумывали покинуть Королевство. Два других лорда работали вместе, чтобы уничтожить ее землю. Она чувствовала себя осажденной со всех

сторон, ей некуда было бежать.

Мари услышала за спиной шарканье ног и опустила лук. Вошел посыльный, доставил сообщение Такахиро и удалился. Такахиро быстро прочитал письмо и передал его Мари.

— Генерал Масааки приказал отступить, прежде чем его силы смогут быть разбиты. Он планирует двинуться на север на несколько дней, а затем занять другую оборонительную позицию.

Мари тихонько выругалась, читая письмо. Масааки писал витиевато, используя больше слов, чем необходимо. Мари не очень нравился этот человек, но он был компетентным генералом и верным своему дому.

Масааки не должен был победить, но новости были разочаровывающими. Его силы значительно превосходили численностью Исаму, и Мари дала ему четкие указания, что отступление намного предпочтительнее героического последнего боя. Несомненно, генерал воспротивился этим приказам.

Хоть она ожидала проигрыша, слова все еще били ее с силой ответной пощечины. Как она могла заставить это работать? Их было меньше, и враги окружали ее со всех сторон. Список союзников, в которых она была уверена, с каждым днем сокращался.

Она снова попыталась поднять лук, но не могла сосредоточиться. Она опустила лук, не отпуская его. Впервые она подумывала просто сдаться.

Мари почти не сомневалась, каким правителем будет Каташи. Этот человек был хитрым, сильно сосредоточенным на себе. Возможно, он обещал относиться к людям Мари как к своим, но она не могла представить себе мир, в котором это было бы правдой. Люди, которых ее семья защищала на протяжении многих поколений, окажутся под пяткой того, кто будет оскорблять их до бесконечности.

Исаму мог быть лучше, но Мари не видела мир, где Исаму стал королем. Каташи был слишком хитрым, и у него было преимущество.

Но Королевство нуждалось в мире. Ранняя и жестокая зима заморозила посевы, всем домам будет тяжело с запасами. Мари знала, что ее запасы были ужасно небольшими, и если у них не было хорошего урожая, голод заберет больше жизней, чем война. Всякий раз, когда Мари смотрела на карту, она думала о том, как каждое движение армии уничтожало поля, где не будет урожая в этом году.

В историях, которые она изучала, войны часто длились годами. Но эта закончится в течение сезона. Так должно быть, иначе они все были обречены.

Такахиро оторвался от второго чтения письма и увидел, что его леди страдала.

— Мари, что случилось?

Она боролась, чтобы в голосе не звучала тревога.

— Как думаешь, мне следует сдаться?

Такахиро выглядел озадаченным.

— Ты не можешь сдаться, потому что проиграла одну битву!

— Нет, — если кто и мог увидеть правду, так это Такахиро. — Дело не в поражении на юге. Речь идет обо всех проблемах, с которыми мы сталкиваемся. Если я ответственный правитель, мне нужно задать вопрос: станет ли мой дом лучше, если я сдамся?

Младший советник извергал бы пустые банальности, но не Такахиро. Он стоял с письмом в руке, задавая себе тот же вопрос, на который Мари не решалась ответить.

— Нет, — наконец сказал он. — Если ты уйдешь, Йошинори почти наверняка получит власть. Ты знаешь, как он относится к твоим людям, особенно если Каташи потребует от

него уступок. Пострадает всякий, кто не аристократ. Ты — лучшая надежда страны.

Эти слова утешили Мари, но она ненавидела то бремя, которое на нее возложил Такахиро. Пока он оставался ее советником, для нее не было покоя. Она ценила это в нем.

Она даже не осознавала, что плачет, пока это не началось через несколько ударов сердца. Такахиро шагнул вперед и вытер слезы с ее лица, затем остановился. Они редко касались друг друга, но в этот момент Мари приветствовала этот жест.

Повисла неловкая тишина, но Мари оборвала ее, прежде чем она успела опуститься между ними.

— Спасибо.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы собраться с силами.

— Итак, если капитуляция невозможна, а победа необходима, что нам остается делать?

Другие советники посчитали бы вопрос риторическим, но не Такахиро. Он задумался.

— Возможно, есть другие способы выиграть эту войну.

Она наблюдала за ним, в его глазах вспыхнул блеск. Когда он объяснил ей идею, она быстро поняла, что кивала. Идеи были нетрадиционными, и она не ожидала их от такого благородного человека, как Такахиро. Постепенно в ней снова ожила надежда, как молодое растение, пробивающееся сквозь твердую почву.

* * *

Время. В Стоункипе, в доме, в котором она выросла, Мари приходилось думать о своем прошлом. В детстве она всегда хотела, чтобы дни шли быстрее, чтобы она могла стать взрослой и делать то, что ей заблагорассудится. Теперь время было безжалостным врагом, неустанно маршировавшим против нее.

Идеи Такахиро могли сработать, но им нужно было время, а оно было драгоценным и мимолетным ресурсом. Ей не нравилось обращаться за поддержкой, но она не видела другого выхода.

Часть ее желала, чтобы Такахиро мог быть на этой встрече. Его присутствие успокоило бы ее. Но он был нужен в другом месте, составлял приказы, которые шли генералам. Птиц нужно было отослать сегодня, и все должно быть на своих местах.

Слуга постучал и объявил, что ее гость прибыл. Он пришел раньше, чем ожидалось, признак того, что он принял просьбу с должным вниманием. Мари в последний раз оглядела комнату, чтобы увидеть мелкие детали, которые ее гость мог заметить, и которые могли создать нужную атмосферу для беседы. Она кивнула слуге и вернулась к работе за своим столом.

Через несколько мгновений вошел Арата. Мари видела, как он оценил сцену, видела намек на удовлетворение в чертах его лица. Арата излучал благородство. Мари подумала, что эффект был сочетанием его возраста и спокойного поведения, но одно его присутствие заставляло ее хотеть быть лучшей правительницей. Аристократ низко поклонился.

— Миледи.

Мари поклонилась в ответ.

— Спасибо, что так быстро пришли. Как вы?

Арата издал мрачный смешок, подходя к ее столу, заваленному картами.

— Можете пропустить формальности. В моем возрасте возвращение к Великому Циклу кажется все более неизбежным с каждым мгновением, так что иногда краткость — это мудрость.

— Я согласна. Чаю?

Он отмахнулся от предложения, изучая карты. Его глаза и ум, несмотря на возраст, были острыми. Спустя мгновение он поднял взгляд.

— Значит, мы проигрываем.

Мари чуть не возразила против оценки, но решила побереечь дыхание.

— Вот почему я пригласила вас сюда.

Он с любопытством посмотрел на нее.

Мари убрала некоторые из бумаг, чтобы карта и фигуры на ней были видны четче.

— Нас намного меньше, и хотя генералу Фумио удалось отбросить лорда Каташи, победа дорого нам обошлась. На юге генерал Масааки был вынужден отступить, чтобы не быть разбитым.

Она предположила, что Арата понял это, взглянув на карту, но хотела убедиться, что он знал то, что знала она. Когда он не ответил, она продолжила:

— Я приказываю нашим войскам отступить к предгорьям. Война на два фронта на равнинах нашей территории уничтожит нас.

Арата нахмурился.

— Многим дворянам такой план не понравится. Многие из ваших самых сильных сторонников имеют земли на равнинах.

— Вот почему вы мне нужны. Другие аристократы смотрят на вас с уважением и знают, что вы не поддержите меня без причины. Если мы не отступим, мы обречены. Но без вашего голоса, поддерживающего меня, я вряд ли смогу удержать нас вместе достаточно долго, чтобы выиграть этот бой.

Арата задумался.

— И как вы планируете выиграть этот бой?

Мари указала на несколько точек на карте.

— На западе мы собираемся изменить стратегию, которую я использовал в роли Леди в Белом. Группы клинков ночи атакуют конвой с припасами и, возможно, вернут их нам. Мы заморим армии лорда Каташи голодом, — было еще кое-что, еще одна часть плана, но она не хотела раскрывать ее тут.

— А на юге?

— Мне все еще нужно поговорить с Хаджими, но я уверена, что он поддержит наши силы там, сдерживая лорда Исаму. Как только люди лорда Исаму приблизятся к горам, они будут почти бесполезны против наших войск. Нам нужно только удерживать их достаточно долго, чтобы лорд Каташи сломался. Уверена, лорд Исаму последует за нами.

Арата снова изучил карты.

— Это может сработать, и на данный момент я не вижу толком других вариантов. Но я боюсь, что мы слишком сильно полагаемся на клинков.

Мари ожидала этой жалобы. Она достаточно часто слышала это за свое короткое правление.

— Их цель — поддерживать мир в Королевстве. Они защищают нас на нашей родной земле от вторжений в дома. Они выполняют свои обязанности. И, — она понизила голос, — я предпочитаю потерять клинков, чем солдат дома Кита.

Глаза Араты встретились с ней. Мари больше ничего не сказала. Ей пришлось столкнуться с достаточным количеством слухов о ее привязанности к клинкам. Пусть Арата думает, что он понял другую правду.

Арата выпрямился, и Мари знала, что победила его.

— Леди Мари, возможно, прозвучит прямо, но для меня большая честь поддерживать вас. Вы знали, что когда-то я подумывал отобрать дом у вашего отца?

Мари застыла, гадая, куда клонил Арата. По ее мнению, Арата всегда был верен ее дому.

— Нет, не знала.

— Это был тяжелый год, когда многие посеы не принесли урожай, и вашему отцу пришлось сделать трудный выбор. Тогда я был моложе и не видел всей проблемы. Я думал только о своих землях и их благополучии, — он сделал паузу, потерявшись в прошлом. — Ваш отец узнал о моих планах и пригласил меня на чай. Я думал, что в тот день я шел на свою смерть. Но потом мы поговорили о проблеме, с которой столкнулась вся страна, и о том, как ему пришлось принять эти решения. Наша сегодняшняя встреча во многом напоминает мне тот день. Тогда я ушел, зная, что служу достойному человеку, и ухожу сегодня, зная, что служу благородной леди. Я поддерживаю вас на закрытом совете.

Этот комментарий одновременно согрел сердце Мари и задел. Она служила своему дому от имени народа, но призраки ее предков, уважаемых правителей, всегда стояли за ее плечами. Она надеялась, что Арате не придется узнать, на что ей придется пойти, чтобы защитить и вести свой народ.

* * *

Той ночью Мари направилась туда, где Аса тренировала новобранцев. Мари не обращала на своих стражей столько внимания, сколько следовало бы. Она это знала. Ее отец знал каждого из своих стражей по имени и то, что было важно для каждого. У Мари было много воспоминаний о том, как ее отец смеялся вместе со своими стражами или поддерживал их в трудные времена.

Мари всегда хотела завязать разговор с теми, кто рисковал жизнью, чтобы защитить ее. Как ясно дал понять ее отец, страж, который относился к вам благосклонно, будет защищать вас гораздо более ревностно. Но дюжина других задач всегда требовала от нее времени, и она никогда не прилагала усилий.

Но, несмотря на это, она знала, что тренировки Асы, похоже, работали. Теперь на ее страже было больше женщин, которые защищали ее, когда она переодевалась или принимала ванну. Иногда они подходили и для выполнения других обязанностей.

Когда она вошла в тренировочный зал, она поняла, что не была здесь с тех пор, как вернулась в Стоункип. В детстве ее не пускали в тренировочный зал, и с тех пор, как она вернулась, она не думала об этом. В детстве она хотела быть здесь, а теперь, когда у нее была возможность, она решила не принимать ее. Возможно, пришло время изменить это.

Мари увидела, что Аса сразу же заметила ее, когда она вошла, но клинок ночи не дала ей особого признания. У нее была работа, и она выполняла ее без перерыва.

Не в первый раз Мари подумала, что при других обстоятельствах они с Асой могли бы подружиться. Мари с уважением относилась к тому, как клинок выполняла свои обязанности, и хотя было ясно, что Аса не любила политику, женщина всегда сдерживала свое слово. Мари чувствовала себя в безопасности, пока она была рядом.

Хотя у нее были более важные задачи, она решила немного понаблюдать за тренировкой. Аса заставила женщин тренироваться парами. Клинок ходила вдоль учениц, исправляя ошибки, которые она видела, и заставляя их бесконечно повторять. Мари чувствовала себя так, будто она отступила во времени, и ее отец тренировал часть своей личной охраны. Ее отец тоже был выдающимся мечником.

Одна женщина выделялась из группы. Даже неподготовленный глаз Мари видел, что

она на голову выше остальных. Ее меч всегда был на шаг впереди, и за то короткое время Мари заметила, что она легко выиграла каждый из своих матчей.

В конце концов, Аса попросила группу отдохнуть. Пока они это делали, Мари смотрела на женщину, доминирующую над другими. Она была не женщиной, а девушкой. Мари предположила, что молодой воительнице было не больше семнадцати лет.

Аса подошла к Мари, пока будущие стражницы потягивались и пили воду. Воительница, которая выделялась из группы, не присоединилась к остальным, продолжая практиковаться. Она использовала меч, будто родилась с ним в руках.

Аса еле заметно поклонилась.

— Миледи.

Мари указала на одинокую женщину.

— Кто она?

— Ее зовут Сузо. Ты заметила ее умения?

— Да? Кто она? — Мари гадала, была ли она дочерью дома аристократов, и ее где-то еще учили.

— Никто. Ее мать умерла пару лет назад при родах. Ее отец — фермер, но не мог ее прокормить. Он собирался продать ее в бордель, но она услышала об обучении здесь. Она проявляет необычайные способности с мечом. Если бы я не знала лучше, я бы подумала, что у нее есть дар, но у нее его нет. Она просто талантлива.

Мари сочувствовала девушке. Но ее рассказ подтвердил планы Мари. При ее правлении у всех будут возможности. Она позаботится об этом.

Мари переключила внимание с Сузо на Асу.

— Я пришла задать вопрос.

— Я так и предполагала.

— Речь идет о Коджи.

Мари увидела вспышку эмоций на лице Асы, но она исчезла так быстро, что осталась почти незамеченной. Мари знала, что они поссорились, но не интересовалась их личными проблемами. Потребности ее земель были важнее.

— Я подумываю отдать ему приказ, который он может счесть отвратительным. Если я это сделаю, он послушается?

Ответ Асы был немедленным и горьким:

— Я полагаю, он готов для тебя почти на все.

Мари подозревала, что так и было, но подтверждение ее успокоило. Она коротко поклонилась Асе и повернулась, чтобы уйти.

Аса не позволила ей так легко уйти.

— Он один из самых достойных людей в моей жизни. Ты забереешь это у него?

Мари не ответила на это. Она прошла к двери, не отвечая, и направилась к своим покоям, где должна была написать приказы, которые, если повезет, положат конец войне, терзающей Королевство.

10

Раньше Аса особо не любила пиво. Она порой выпивала, но не могла много пить, не ощущая последствий, и предпочитала, чтобы голова была чистой.

Но нынче пиво было вкуснее, чем когда-либо. Кроме того, в общей комнате гостиницы она была окружена людьми. Она могла смотреть и забывать об ответственности, которая на нее легла.

Теперь она знала о себе больше, чем раньше. Асе не нравился мир таким, какой он был. Ей не нравились политические маневры, которые определяли жизнь Мари. Она ненавидела, что три лорда Королевства боролись за власть. Но больше всего она ненавидела то, что не участвовала в экспедиции, пытаясь найти новое место для клинков. Аргументы Коджи, конечно, остались верными. Обеспечивая безопасность Мари, она давала клинкам время определиться с дальнейшими шагами. Но казалось, что она мало что делала. Охраняя Мари, наблюдая, как она пишет письмо за письмом, она чувствовала себя бесполезной.

По вечерам она пила и смотрела. В зависимости от настроения она находила поведение других завсегдаев либо увлекательным, либо отвратительным. Сегодня вечером она обнаружила, что пьяные выходки были скорее вторыми, чем первыми.

Мужчина, ничем не примечательный, подошел и встал рядом с ней. Время от времени кто-то пытался вовлечь ее в разговор. Обычно взгляда было достаточно, чтобы заставить их уйти, но этот выглядел настойчиво. На его лице был намек на улыбку, как будто он знал анекдот о жизни, которого не знал никто другой.

— Могу ли я присоединиться?

— Нет, — Аса обнаружила, что грубость ускоряла разговоры.

Улыбка не сходила с его лица.

— Тяжелый день?

— Ага.

На мгновение Аса забеспокоилась, что мужчина будет продолжать попытки, но ей не пришлось бояться. Он коротко поклонился ей, и улыбка все еще присутствовала.

— Что ж, тогда, может быть, я скоро увидимся снова. При лучших условиях.

Мужчина пропал среди людей, а Аса гадала, не много ли выпила. Она тут же потеряла его из виду, словно его там не было. Она подумывала уйти, но ночь только началась, а ее голова все еще была полной мыслей. Подняв руку, Аса заказала еще кружку. К счастью, за то, что она возглавляла охрану Мари, хорошо платили.

Аса какое-то время крутила в руках следующее пиво, на нее упала еще одна тень. Аса собиралась зарычать на незнакомца, но, увидев, кто это, остановилась. Сузо стояла там, выглядя неуместно и неловко.

— Могу я сесть?

Аса беспокоилась, что один из ее стражей будет пить с ней, но остановила себя. Почему она переживала? В любом случае она не хотела этого положения. И ей нравилась Сузо, потому что она мало что знала об ученице. Она жестом пригласила девушку сесть.

Девушка села и заказала выпить, все время чувствуя себя неловко. Она была похожа на человека, который никогда в жизни не был в гостинице. Возможно, подумала Аса, так и было. Девушка сказала, что перед обучением она всего несколько раз покидала ферму.

Аса не хотела мучить девушку, но у нее не было желания разговаривать. Она сидела и ждала, пока Сузо выскажет свое мнение.

— Ты часто сюда приходишь?

— Достаточно часто, чтобы ты знала, что можешь найти меня тут.

Девушка опустила взгляд, будто ей было стыдно, что Аса поняла, что эта встреча не случайность.

— Простите. Я просто не знала, когда еще я могла бы поговорить с вами наедине. Во время обучения вокруг всегда есть другие люди, — голос девушки был напряженным, в нем было больше беспокойства, чем Аса помнила.

Аса промолчала, ожидая услышать причину, по которой пришла Сузо.

— Я не хочу обижать других учениц, но я беспокоюсь за них.

— Почему?

Сузо ерзала.

— Как вы знаете, у людей разное мнение насчет того, что мы делаем.

Аса такое слышала. Некоторые считали, что женщины-стражи были чудесной идеей. Хоть они не говорили ей прямо об этом, Аса слышала, что нескольких мужчин заинтересовали новые стражницы. Сражающиеся женщины были... диковинкой для обычных мужчин тут. Другие высмеивали женщин, считая их глупыми, пытающимися сделать то, что являлось правом и обязанностью мужчин.

— В некоторых женщинах заинтересовались мужчины, но я нервничаю.

Асе надоело, что Сузо говорила уклончиво.

— Скажи, что ты имеешь в виду.

— Я думаю, что некоторые мужчины могут быть заинтересованы в женщинах только для того, чтобы узнать график стражей.

Это было новостью. Аса реагировала медленно, но ответила:

— Почему ты так думаешь?

— Ну, другие женщины слушают указания, и они ничего не говорят прямо. Но они планируют встречи с мужчинами на несколько дней вперед, и у большинства женщин уже есть ухажеры. Мне просто пришло в голову, что если кто-то что-то планирует, они могут узнать, когда им пройти.

Аса отклонилась. Все женщины в процессе отбора были одинокими. Это было необходимо, поскольку Аса хотела женщин, которые могли бы полностью посвятить себя обучению. И если почти все женщины за такое короткое время нашли заинтересованных мужчин... Ее мысли затихли. Она об этом не думала, но это стоило проверить.

— Спасибо, Сузо. Я проверю.

Девушка выдохнула с облегчением, но не ушла. Глаза Асы сузились.

— Простите, но я хотела задать еще один вопрос.

Аса посмотрела на нее, ясно говоря взглядом, что она должна спросить и уйти.

— Я клинок ночи?

Аса перестала пить пиво посреди глотка. Она не ожидала такого вопроса.

— Нет.

Лицо Сузо вытянулось, будто умер ближайший член ее семьи.

— Ох.

— Ты хотела быть такой?

Сузо подняла взгляд.

— Да. Ну, нет. Не знаю. Но меч в руках кажется правильным, и я знаю, что у меня получается. Я подумала, что, может, я была одной из них, и никто этого не заметил, когда я была младше. Я не помню, чтобы меня когда-либо проверяли.

Аса почувствовала прилив сострадания к молодой женщине.

— Ты очень хороша, Сузо. Но ты не клинок. Я ничего от тебя не ощутила. Мне жаль.

Сузо снова посмотрела на стол, на свой нетронутый напиток.

— Ладно, — она помолчала, затем подняла взгляд, в ее глазах внезапно вспыхнул огонь. — Я просто хочу, чтобы моя жизнь имела значение. Я впервые ощущаю такое. Спасибо.

Сказав это, Сузо встала и ушла, даже не попрощавшись. Аса смотрела вслед девушке, внезапно обнаружив, что скучает по компании.

* * *

Беспокойство Сузо поставило Асу в затруднительное положение. Враг, которого вы знали, был намного безопаснее, чем враг в тени. Она хотела раскрыть этот заговор, а не напугать их, чтобы они спрятались и повторили попытку позже. Ей было неудобно просить других женщин поделиться тем, что они знали. Одного неверного слова могло быть достаточно, чтобы насторожить заговорщиков.

Поэтому она поставила себя на их место. Аса верила в нанимаемых ею женщин. После интенсивных допросов, которым подвергалась каждая женщина, она не поверила, что кто-то активно пытается причинить вред Мари. Если заговорщиков интересовал график охраны, самих стражей не трогали.

Аса делала предположения, но должна была придерживаться их. Это означало, что предатели, скорее всего, искали время, когда клинка ночи не было. Вероятно, они были более уверены в своих шансах, когда Мари охраняли обычные люди. Хотя это было лишь предположение, Аса считала такое вероятным. Значит, ее ход был очевиден. До сих пор в смену караула всегда входил клинок ночи. Большинство учеников не были готовы противостоять угрозам в одиночку.

Через день после разговора с Сузо Аса объявила, что все ее ученицы стали полноценными стражами. Они по-прежнему будут тренироваться ежедневно, но теперь им разрешили охранять Мари без клинков ночи. Когда Аса и Такахиро составляли расписание, Аса сознательно выбрала три ночи без клинка ночи. Единственными людьми, которые знали об этом плане, были Аса, Такахиро и Мари.

В те ночи Аса старалась прятаться поблизости, чтобы уловить возможные атаки. Первая и вторая ночи прошли без происшествий, и к середине третьей ночи Аса начала задаваться вопросом, не ошиблась ли она.

Она тихо сидела в углу комнаты, скрытая ширмой. В центре комнаты Мари принимала ванну в сопровождении двух личных помощников. Два стража стояли у двери, их смена почти закончилась.

Аса только начала верить, что была неправа, когда ощутила необычное присутствие под собой. Комната, в которой они находились, находилась на верхнем этаже поместья Мари, а из окна было видно некоторые части Стоункипа. Присутствия, которые уловила Аса, были снаружи, поднимались.

Аса кивнула самой себе. Хотя в комнате было всего два стража, замок кишел ими, и она задавалась вопросом, как предатели попытаются войти. Она догадывалась, что по стене. На стены поместья Мари было непросто подняться, но для тех, кто вырос в горах, это не должно было стать большой проблемой. Аса почувствовала, как поднимались четверо мужчин, и их темп указывал на то, что им это давалось легко.

Она боролась с искушением предупредить всех. Она хотела поймать хотя бы одного из нападавших и посмотреть, сможет ли она понять, кто стоит за этими планами. Мари подозревала Йошинори, но Аса не была так уверена. Йошинори действовал в политике. Он делал свои шаги на закрытом совете и в чайных. Но единственный способ узнать наверняка — это допросить одного из потенциальных убийц. Ей нужно было, чтобы они вошли, и единственный способ сделать это — убедиться, что они не видели ничего, кроме того, чего ожидали.

Аса медленно обнажила мечи, стараясь не издать ни звука. Она ждала, сосредоточившись на дыхании, чтобы скоротать бесконечные мгновения до начала битвы.

Мужчины, кем бы они ни были, были осторожны. Между окном и ванной по понятным причинам была перегородка. С ширмой и темнотой ночи снаружи мужчины не отбрасывали теней, по одному проникали в небольшое отверстие.

Аса могла их похвалить. После такого подъема она вряд ли могла бы двигаться так плавно и уверенно.

Как только они отодвинули ширму, комната погрузилась в хаос.

Неудивительно, женщины, наблюдавшие за дверью, были застигнуты врасплох. Они еще не сталкивались с атаками, и им потребовалось несколько драгоценных ударов сердца, чтобы вытащить оружие. Но Аса заметила их реакцию и поверила, что они обе были в шоке. Никто из них не ожидал нападения. Если бы там не было Асы, у них не было бы ни единого шанса против врагов.

Аса обошла свою ширму с наготове мечами, еще больше запутав стражниц. Стража не проверила комнату, как следовало, перед тем, как впустить Мари, и даже не подозревала, что она там пряталась. Из четырех мужчин трое повернулись, чтобы встретить новую угрозу, их позы расслабились. Они ожидали легкого боя.

Четвертый мужчина поднял меч, чтобы нанести удар Мари. Он стал первой целью Асы. Она прыгнула на него, игнорируя дикие атаки его товарищей, пытавшихся остановить ее. Убийца прервал смертельный удар, не в силах вовремя среагировать. Аса врезалась в него, сбила с ног и порезала его туловище, когда она вскочила на ноги. Она не была уверена, что это был смертельный удар. На всякий случай она оставит в живых другого.

Еще трое напали одновременно. Но в комнате было темно, и Аса была в темной свободной одежде. Мужчины плохо видели ее движения, а она ощущала их атаки до того, как они нападали. Аса рассекла двоих за мгновение, четвертого пнула в угол, где она пряталась, и он врезался в ширму.

Хаос тут же утих. Зная, что четвертый был жив, Аса быстро повернулась и убила того, кого она ударила первым.

Последний живой враг встал на ноги. Кровь текла из пореза на лбу, он вытирал глаза. Двое стражниц в комнате пошли к нему. Он был в меньшинстве, и теперь, когда у него было время увидеть одежду Асы, он понял, что сражался и с клинком ночи.

— Кто вас послал? — спросила Аса.

Мужчина выпрямился, очевидно, приняв решение. На мгновение Аса забеспокоилась, что этот человек попытается прорваться в безумной попытке убить Мари. Вместо этого он крикнул:

— Я не позволю этой земле погрузиться в безумие. Этот дом требует настоящего правителя!

Аса знала, что он собирался сделать, но была слишком далеко, чтобы остановить его. Он вонзил меч в свой живот, глаза выпучились от боли, когда реальность его действий настигла его. Мужчина медленно истекал кровью, это была мучительная смерть. Никто не говорил ему, что раны в животе не убивают быстро.

Аса склонилась над ним.

— Кто вас послал? Я могу облегчить твою боль.

Мужчина попытался плюнуть в нее и потерпел неудачу. Покачав головой, Аса встала и пошла прочь, позволяя смерти делать свою медленную работу.

Коджи избегал боя после того, как битва закончилась. По приказу клинков дня из его группы он был вынужден отдыхать и восстанавливать силы. Хотя он не говорил такое, время было необходимо. Его тело вело себя не так, как раньше. Он знал, что способен на невероятные подвиги и выносливость. Недавняя битва была доказательством; он сражался дольше, чем любой другой клинок. Но цена для его тела вышла за рамки простой физической усталости. Когда битва закончилась, он почувствовал себя совершенно истощенным, как будто его дух ослабел.

Отдых исцелял от истощения, хотя он спал как убитый. Дни проходили без особой активности. Фумио приказал своим людям разграбить поле битвы и сжечь все, что они могли. Несмотря на то, что он проспал большую часть дней, Коджи слышал достаточно, чтобы знать, что Каташи отступил к реке, к мосту, который вел к его землям. Учитывая разницу в их количестве, Фумио было бы глупо нападать.

Обе стороны отдыхали, залечивая раны и строя планы. Через несколько дней после битвы за Коджи пришел посыльный. Фумио потребовал его присутствия.

Чтобы добраться до палатки генерала, потребовалось изрядное количество его выносливости, и Коджи это заметил. Все, что с ним происходило, придавало ему силы и скорости, но если он будет слишком сильно давить, цена может оказаться больше, чем он мог заплатить. Пока он шел, Коджи слышал шепот голосов вокруг себя. Пока он проходил, ему поклонились несколько воинов. Он почти не заметил, сосредоточившись, пока ставил одну ногу перед другой.

Когда он вошел в палатку командира, все внутри встали и низко поклонились ему. Коджи нахмурился.

— Что это означает?

Фумио ответил:

— Истории о твоих деяниях распространились по всему лагерю. Твоя сила была жизненно важна для разрушения линии правителя Каташи, и рассказы о твоих боях становятся легендами.

У Коджи не было сил на это. Он просто был благодарен, что дошел до палатки и все еще стоял.

Фумио указал на стул и выгнал других. Они вскоре остались вдвоем.

— Как ты? — спросил генерал.

— Уставший, но в порядке. А вы?

— Что ж, в первом бою мы победили, и это будет важно. Я говорил всерьез. Если бы не ты и клинки, бой был бы безнадежным. Ты разбил их центр и позволил нам продолжить. Спасибо.

— Не за что.

Фумио разглядывал его, а потом передал запечатанное послание. Коджи посмотрел на печать Мари, потом на Фумио. Его вопрос был очевиден.

— Прислали две копии приказа. Я уже знаю, что там.

Коджи открыл письмо и прочел, его глаза расширились. Затем он снова перечитал письмо, чтобы убедиться, что прочел его правильно. Он отложил письмо и уставился на стены палатки.

— Ты сделаешь это? — вопрос Фумио звучал как искреннее любопытство, будто решение могло быть любым.

Коджи знал, что сделает это, но сказать это вслух было невыносимо. Наконец он кивнул.

— Ты не обязан.

— Вы можете придумать другой способ?

— Только при большой удаче.

— И я не могу.

Они сидели молча, каждый погрузился в свои мысли. Фумио первым нарушил тишину:

— Она дала вам ужасное задание.

Коджи кивнул.

— Если бы был другой путь, я бы бросился на него, но я не знаю, где его найти.

Фумио встал и еще раз поклонился Коджи.

— Ты несешь большую часть нашей безопасности, нам стыдно. Прими мою благодарность и мое уважение, что бы ни случилось.

Коджи ответил на поклон, чувства захлестнули его.

— Я оставлю вам большую часть клинков. Их новый командир придет до конца дня. Я никому не прикажу следовать за мной, но я уверен, что некоторые пойдут.

Коджи вышел из палатки, его разум был удивительно спокойным. Ему был дан приказ, и, как бы он ни относился к этому, он его выполнит. От него зависели жизни бесчисленного количества людей.

Он пошел к лагерю, где находились клинки. Ему придется набрать добровольцев, потому что он никогда никому не приказывал выполнять указания, которые давала ему Мари.

* * *

Попасть в земли Каташи оказалось проще, чем ожидал Коджи. Рассмотрев несколько вариантов, Коджи решил, что его группа была достаточно мала, чтобы им не приходилось сражаться за один из сложных мостовых переходов. У него с собой была всего дюжина клинков, и не было смысла рисковать жизнями напрасно. Вместо этого он снял три небольшие лодки, чтобы переправить их через реку в неохраемом месте посреди ночи.

Переправа не обошлась без проблем. Одну из лодок снесло течением, и клинки ночи в ней оказались почти в лиге ниже по течению от остальных. К счастью, они придумали такое обстоятельство, и группа объединилась до рассвета в заранее оговоренном месте.

Клинки были в походной одежде, но Коджи увел их подальше от проторенных дорог и городов. Чем меньше людей их увидит, тем лучше будет.

Коджи не нравились приказы, но его одобрение не требовалось. Его логика была простой: он верил в Мари и пойдет на все, чтобы воплотить ее мечту о мирной земле. Если для этого потребуются совершить ужасные поступки, он возьмет на себя бремя.

Однако их путешествие по землям Каташи заставило его задуматься. Он родился здесь, и хотя у него больше не было особой привязанности к этой местности, его мысли часто блуждали. После двух дней путешествия он осознал, насколько маленькой была разница между этой землей и землей Мари.

Трава и посевы здесь были в не лучшем состоянии, чем земля, которую они оставили. Засуха ударила здесь так же, как и в лигах отсюда. Люди здесь тоже страдали от голода. Может, ситуация тут была даже хуже.

Коджи предположил, что в этом был урок. Легко было предположить, что ваши враги жили другой жизнью, что существовало фундаментальное различие, которое было

невозможно преодолеть. Но, пока Коджи и клинки шли, он осознал, насколько ошибочной была эта идея. Фермеры здесь боролись с землей и засухой так же, как и на землях Мари. От осознания того, какие страдания он собирался причинить им, у него закружилась голова. Но для мира Мари его действия были необходимы.

После нескольких дней пути Коджи решил, что рискнет приблизиться к деревне и собрать больше информации. Одна из клинков, молодая женщина по имени Сакура, вызвалась присоединиться к нему. Остальные разбили лагерь подальше от посторонних глаз.

Деревню, в которую они вошли, нельзя было так назвать. Она состояла не более чем из десяти домов вокруг небольшой поляны для собраний. Коджи и Сакура подошли как путешественники, их мечи были хорошо замаскированы. Сакура, в частности, ненавидела мысль прятать оружие. Ее гордость клинка ночи руководила многими ее действиями, и, если бы она решала, она пошла бы в деревню с мечом на бедре, провозглашая, кто она такая, так же громко, как черные мантии, которые они обычно носили.

Когда они приблизились, глаза Коджи уловили новые детали. Каждый дом видел гораздо лучшие дни. Там, где была краска, она отслаивалась от дерева, старая и выцветшая. Окна были в трещинах, но не заменены, и, по крайней мере, одна крыша была с дырой. Это не делало дома непригодными для проживания, но, по опыту Коджи, люди, как правило, лучше заботились о своих домах, если могли.

Люди не выглядели намного лучше. В частности, одна старушка выглядела как скелет, покрытый рыхлой плотью.

Коджи заметил отсутствие мужчин возраста воинов. Там был старик шестидесяти лет. Кроме него, самым старшим из мужчин тут был ребенок восьми лет. Даже мальчик двигался как во сне, будто нес тяжелый груз с каждым шагом.

Коджи не был наивным. Он знал, что война влияла на обычных людей. Когда армия шла воевать, это делали все. Но он не видел таких страданий в месте, где не шли бои. В этой деревне было слишком мало людей и припасов, чтобы выжить. Он слышал, что на земле Каташи не хватало ресурсов, но, когда он увидел это своими глазами, Коджи чуть не стал сомневаться в своей цели.

Старик подошел к Коджи и настороженно сказал:

— Приветствую, путник. Что привело тебя сюда?

Коджи заметил подозрения. Он плохо врал, но, к счастью, они придумали историю в пути. Коджи поклонился.

— Приветствую, старейшина. Я работаю на аристократа с юга и путешествую по стране, чтобы оценить потребности людей и посмотреть, что можно предложить в торговле.

Старик с подозрением взглянул на Сакуру, и Коджи не дал ему задать вопрос.

— Моя жена. Она хотела путешествовать, и ей нельзя было отказать.

Старик по-прежнему поглядывал на них с подозрением, но не задавал им вопросов. Его сомнения отступили еще больше, когда Коджи представил небольшую подборку своих вещей.

— Большая часть наших товаров уже продана, но мы предлагаем это вашей деревне, чтобы облегчить бремя.

Осмотревшись, Коджи понял, что принесенный ими маленький мешок риса мало что давал. Но старик просиял и низко поклонился паре.

— Моя благодарность.

Они сели на бревна в центре деревни, и Коджи поинтересовался недавними событиями.

Старик говорил более свободно, рис, по сути, купил его доверие.

— Как видите, последние несколько месяцев были трудными. Запасы еды почти на нуле. Но наша вера в лорда Каташи абсолютна, и мы знаем, что наша победа обеспечена до конца сезона. Вы имеете дело с нашим господином лично?

Коджи, не зная, что сказать, кивнул.

Глаза старика вспыхнули фанатично.

— Вы скажете ему, что у него наша полная поддержка? Каждый из нас здесь готов сделать все необходимое, чтобы наш господин добился успеха. Ты скажешь ему об этом в следующий раз, когда увидишь его?

Коджи кивнул. Под взглядом старика ему стало не по себе. Глубина его веры потрясла Коджи. Судя по всему, что мог видеть клинок, Каташи ничего не делал, кроме как брал из этой деревни, и все же их вера в него была абсолютной, бросала вызов реальности ситуации.

Старик посмотрел на свои руки.

— Я хочу лишь, чтобы эти руки были сильнее, чтобы я мог продолжать служить своему господину и уничтожать его врагов.

Коджи не знал, как ответить, продолжал кивать. К счастью, мужчина увлекся и не замечал Коджи.

Со временем Коджи счел благоразумным уйти. Старик мало знал о передвижениях войск или что-то еще ценное. Коджи видел, как Каташи обращался со своим народом, и на данный момент этого было достаточно. Они попрощались и ушли, двигаясь в ложном направлении, пока не скрылись за деревней. Но даже несмотря на то, что они покинули деревню, Коджи не мог не почувствовать тошноту от безоговорочной преданности, которую он только что увидел.

* * *

На следующий день с наступлением ночи группа клинков достигла первой цели. Работая с Фумио и информацией, которую он получил от шпионов, Коджи составил список потенциальных мест для нанесения удара. Повреждение любого из них нанесет ущерб армии Каташи, и чем больше они нанесут ударов, тем лучше.

Их местом назначения было небольшое поместье, дом знати, владевшей этой частью земель Каташи. Он стоял на равнине, бросая вызов ветрам и штормам открытой прерии.

Это поместье было небольшим. Низкая стена окружала дом и зернохранилище, но Коджи и его воины почти смогли бы перепрыгнуть через нее. Стена служила больше как разграничение владений, чем оборонительное укрепление. На расстоянии, на котором они стояли, Коджи не ощущал отдельные жизни внутри. Вместо этого он чувствовал объединенные энергии. Хотя это было немного лучше, чем предположение, он не думал, что на территории находилось слишком много людей. Остальные клинки с ним согласились.

Группа ждала покрова ночи. Коджи предпочел бы облачиться в свою традиционную мантию из черной ткани, которая хорошо гармонировала с темнотой. Но они не хотели обвинения клинков. Они остались в своей повседневной дорожной одежде, и клинки провели вечер, наслаждаясь легкой едой, прежде чем их миссия по-настоящему началась.

Настроение у костра было приглушенным. Каждый клинок был добровольцем, но это не облегчало задачу. Они знали последствия своих действий. Они сделали выбор добровольно, и каждый нес бремя этой ответственности.

Солнце село не так давно, они пошли вперед. Коджи шагал, высокая трава окружила его колени. По мере приближения жизнь в поместье перед ним становилась понятнее. Его

первоначальные предположения были правильными. Он чувствовал только двух человек на стенах, и они не казались особенно сильными.

Он сделал знак группе и отпустил их. Все знали, что делать.

Коджи ожидал большего сопротивления. Почему-то тот факт, что это было легко, только усугубил положение. Если бы ему пришлось биться, опасаться за свою жизнь, то, возможно, он мог бы оправдать их действия. Но людей на стене убили без проблем, они даже не знали, что их смерть приближается.

Его воины перелезли через стену в поместья. Коджи привел группу из четырех человек в дом, а другие приступили к освобождению лошадей и подожгли склад зерна. Коджи выглянул в окно, когда загорелся огонь. Изначально они надеялись отправить зерно на земли дома Кита. Но для этого потребовалось бы идти с десятками, если не сотнями людей, и отправлять их далеко на север к свободному мосту через реку. У них не было времени или людей, и Коджи хотел путешествовать с гораздо меньшей группой.

Ему было больно сжигать еду. Ее было так мало. Но аристократы держали все резервы, и все повозки с припасами происходили из таких имений. Вместо того чтобы атаковать линии снабжения, Коджи и его люди атаквали склады.

Атака была разрушительной. Продовольствия уже не хватало, и часть этой еды отправлялась в местные деревни. Коджи не знал, как этот аристократ делил еду между своими деревнями и армией, но сжечь эту еду было равносильно убийству сотен. Все они это знали.

Как и аристократ, владеющий землями. Он выбежал из спальни с огромными глазами от шока и страха. Он поздно понял, что чужаки вторглись в его дом. Тревогу даже не подняли. Коджи и клинки быстро работали против маленькой группы людей.

Коджи вытащил меч, чтобы убить аристократа. Их миссия была простой: уничтожить еду и убить знать. Вызвать хаос на землях Каташи.

Коджи ничего не знал об этом аристократе. Может, он хорошо правил, принимал тяжёлые решения, куда отправить еду, пытаясь защитить обитателей его земель. Или он был тираном, морил других голодом, пока сам процветал. Может, он был где-то между. Несмотря на это, ему принадлежали земли, которые Каташи использовал для продвижения армии. Коджи не пожелал бы никому такое бремя.

Ему не пришлось. Прежде чем аристократ понял, что происходило с его домом, Сакура вытащила свой меч и отрубила ему голову.

Коджи остановился, потрясенный быстрым действием. Он сказал остальным, что убьет аристократа, но Сакура не проявила эмоций по поводу убийства, будто только что убила надоедливое насекомое. Она вытерла меч о постельное белье аристократа и вложила в ножны. Она даже не оглянулась на Коджи.

На мгновение Коджи был ей благодарен. Он никогда раньше не убивал безоружных людей, и хотя был уверен, что сможет заставить себя это сделать, он был рад, что у него еще было время.

Они быстро прошли через остальную часть дома. Их вторжение было настолько успешным, что большая часть дома все еще спала. Ни один страж не разбудил остальных, и никто в доме не был жив и не спал, чтобы предупредить остальную часть о пожаре.

Только что прошла буря, поэтому Коджи не беспокоился о распространении огня на остальные поместья. Здесь его работа была сделана. Он собирался развернуться и приказать им уйти, когда Сакура зашипела на него. Он подошел, она заглянула в маленькую спальню.

Там спал мальчик в красивой одежде. Мальчик явно был сыном аристократа, ему было восемь или девять лет.

Сакура многозначительно взглянула на Коджи, и он понял, что она спрашивала, убивать ли мальчика.

Коджи обдумал это.

Вдруг поняв, о чем он думал, он покачал головой. В любом случае семья была почти мертва. Еды не хватало, а мальчик был слишком юн, чтобы править. Коджи не знал, что его семье предстоит пережить в ближайший месяц или два но он был уверен, что это будет неприятно. Им не нужно было усугублять семейную боль.

Сакура выглядела недовольной, и на мгновение Коджи забеспокоился, что она не выполнит его приказ.

Затем, с низким рычанием, она вышла из комнаты и направилась наружу.

Коджи посмотрел на спящего мальчика, его сердце не могло даже переживать за него. Все, что он чувствовал, было пустотой внутри него.

Он повернулся и вышел из дома. Утром семья проснется от трагедии, но к тому времени клинков ночи уже тут не будет.

12

Хоть солнце ярко сияло над головой, Мари дрожала. Воздух казался холодным на ее коже, даже когда солнце согревало ее. Возможно, это было лишь ее воображением. Она так и не привыкла к виду мертвых тел.

Она раньше участвовала в битвах и даже убивала. Насилие было для нее не чуждо, но почему-то все было по-другому. Она не могла понять, почему. Возможно, это было связано с отсутствием стали где-то рядом с телом или бессмысленностью. Почему она вообще настояла на том, чтобы приехать сюда? Она должна быть в постели, оправляясь от покушения, совершенного вчера ночью. Вера Мари в Асу была щедро вознаграждена.

К сожалению, предыдущая ночь не была полной победой. Казалось, ее враги были столь же полны решимости свергнуть ее, как и она — править.

Мари снова посмотрела на тело Исау. Он был мелким дворянином, но одним из ее самых горячих сторонников. Его смерть сейчас была ударом. Мало того, что ее положение в совете ослабло, но и казалось, что кто-то посылал сообщение непосредственно ей. Если она останется у власти, те, кто ее поддерживает, пострадают от последствий.

Аса вышла из дома. Звуки причитания слуг следовали за ней, когда она открыла дверь и закрыла. Она посмотрела на балкон двумя этажами выше, затем на тело, растянувшееся на земле, с выражением шока на лице. Аса глубоко задумалась.

Через некоторое время Мари устала от тишины.

— О чем ты думаешь?

Аса огляделась, словно проверяя, слушал ли кто-нибудь. Но стражи Мари оцепили этот район, и они остались одни.

— Говоришь, Исау был одним из ваших сторонников?

Мари кивнула.

— Один из сильнейших. Его семья имеет давние связи с моей. Я помню его маленьким мальчиком, когда он приезжал в их ежегодные визиты в Стоункип. Его будет очень не хватать на закрытом совете. А что?

Аса покачала головой.

— Уверена, Исау столкнули с балкона.

Все внутри Мари сжалось. Она была уверена в этом, когда услышала новости. Исау умер в ночь покушения на Мари, это не казалось совпадением. Но подтверждение Асы было похоже на физический удар. Она знала, что не несла прямой ответственности, но это не остановило чувство вины, которое почти переполнило ее.

Аса снова посмотрела на балкон.

— Исау хорошо лазал. Он не был воином, но если он лазал по горам так часто, как говорила его семья, его баланс и координация были в порядке. По словам его стражей, вчера он не пил, поэтому у него не должно было быть никаких нарушений.

— Несчастные случаи бывают, — возражение казалось пустым даже для ушей Мари.

— Да, но коврик на балконе потрепанный, будто была потасовка. И я отказываюсь верить, что один из ключевых сторонников случайно погиб в ту же ночь, когда на тебя напали.

Хотя Мари терпеть не могла такие рассуждения, она согласилась с Асой. Она чувствовала позор этого поступка как личное оскорбление, обижаясь на то, что кто-то посмел сделать что-то столь низкое на ее земле.

Аса вывела ее из задумчивости.

— Кому от этого больше всего выгоды?

Мари не потребовалось много времени, чтобы ответить на этот вопрос.

— Йошинори.

Если бы она умерла прошлой ночью, Йошинори без особых усилий стал бы главой дома. Хоть ему не удалось убить Мари, похоже, у него были планы в планах.

Аса нахмурилась, ей не понравился ответ.

— Ты веришь, что он способен на что-то подобное?

Мари задумалась.

— Месяц назад я бы сказала «нет». Я не уверена. Подозрения против него растут. Я не могу представить себе кого-нибудь еще, кто выиграл бы так много, как он. Если бы я умерла, он стал бы новым властелином земель. Но все же я всегда считала его чисто политическим противником. Я не ожидала от него такого насилия.

— Насколько потеря Исау повлияет на твою поддержку на закрытом совете?

Мари пожала плечами.

— Большинство по-прежнему поддерживают меня, хотя Исау был убедительным. Я выживу, но его будет очень не хватать.

— Скажите другим своим сторонникам удвоить бдительность и не оставаться в одиночестве. Если кто-то нападает на тебя через них, они тоже могут быть в опасности. По крайней мере, попросите их быть осторожными и, возможно, в ближайшем будущем не стоять на балконах.

Мари согласилась на это. Она не могла позволить себе потерять поддержку.

* * *

Мари сидела в маленьком кабинете, истинном очаге власти в ее родных землях. Тронный зал был большим, богато украшенным и безликим. Для утверждения власти лучшего места не было. Чтобы добиться чего-нибудь стоящего — хуже некуда. Всякий раз, когда ей нужно было подумать или выполнить работу, она удалялась в этот небольшой кабинет, как делал ее отец, а за ним — Джуро.

В комнате были сувениры на память о них обоих. В одном зале висел длинный свиток, украшенный деревенской сценой, которую художник создал много лет назад. Мари

подозревала, что ее отец всегда хотел более простой жизни. Жизнь, изображенная на этой картине, ловля рыбы в ручье без забот, всегда была его сокровенным желанием. Жаль, что ему не хватило времени после правления, чтобы воплотить мечту в реальность. К тому времени, как он передал дом Джуро, он уже был на пороге смерти.

Самым большим вкладом Джуро в комнату был небольшой кинжал, украшенный драгоценными камнями, на столе. Он получил его в подарок от дома знати при становлении лордом. Он ненавидел клинок, ненавидел, что хорошая сталь могла быть испорчена таким украшением. Ее брат был прагматичным человеком, и он использовал лезвие, чтобы вскрывать письма и ломать печати. Он находил бесконечное удовольствие в том, чтобы сделать бесполезный дар полезным.

Мари не смогла принести ничего своего в комнату. Это ощущалось неправильно. Ей тут было уютно, но идея сделать комнату своей все еще ощущалась как нарушение.

Она чувствовала тут связь с семьей. Глубже, чем в других частях маленького замка. Она ощущала связь, нить, соединяющую прошлое, настоящее и будущее. Здесь ее семья принимала трудные решения, которые меняли ход их земель. Но их дом уцелел. Она должна была во имя предков добиться успеха, максимально используя принесенные ими жертвы.

Из-за этого глубокое чувство неудачи было еще более явным в тот момент, проникало в нее, омрачая ее сердце. Многие до нее усердно трудились, чтобы защитить народ и землю. Хотя она верила в свою работу, она задавалась вопросом, не обманула ли себя. Может быть, она была не так хороша, как ей казалось. Запишут ли в книги истории после бесчисленных поколений лордов ее последней правительницей дома Кита?

Эта мысль потрясла ее, кружась в голове, пока пыталась сосредоточиться на чем-то еще. Она не могла проиграть. Она отказывалась.

Но проблемы продолжали накапливаться. Был ли у нее шанс? Куда бы она ни смотрела, ее земли рушились. Даже ее знать, чья поддержка могла многое изменить, не объединилась с ней. Возможно, они даже пытались ее убить. На нее напали несколько врагов, в то время как ее предполагаемые союзники держали ее руки за спиной. А теперь это.

Единственная слеза прорвалась сквозь ее разочарование, когда она ударила по столу и встала. Она прошла из одного конца комнаты в другой пятью быстрыми шагами, повернулась на каблуках и прошла к своему столу, будто это было поле битвы.

В каком-то смысле так и было. Ее войну нельзя было выиграть одной лишь сталью и силой. С ней боролись с умом, хитростью и храбростью. Ее перо и голос были ее оружием, и, несмотря на неудачи, она считала их столь же сильными и необходимыми, как и солдат под ее командованием.

В дверь постучали, и по силе она поняла, что Такахиро снова пришел навестить ее.

Что она делала бы без него? Его поддержка не только сдерживала некоторых аристократов, но он всегда давал ей правду, и его совет, насколько она могла судить, не был окрашен корыстью. С сотней таких, как он, она могла бы захватить все три дома и вернуть Королевству славу, которой оно когда-то обладало.

— Войдите, — сказала она.

Как и предполагалось, это был Такахиро, который выглядел так, будто он проспал всю ночь и большую часть утра потратил на чистку и подготовку формы. Она понятия не имела, как он продолжал уделять такое внимание деталям своей одежды, учитывая объем работы, которую она давала ему каждый день. Она спросила однажды, но он загадочно улыбнулся и отказался отвечать.

Она ему завидовала. Беглого взгляда на маленькое зеркало на столе было более чем достаточно, чтобы увидеть мешки под глазами и выбившиеся пряди волос. Независимо от того, сколько раз она собирала волосы в течение дня, всегда казалось, что они распускались мгновениями позже.

Такахиро с первого взгляда оценил ее состояние, он был способен прочитать за один взгляд больше, чем многие понимали после разговора с ней в течение всего утра.

— Я так понимаю, ты читала последние письма?

Она кивнула в сторону своего стола.

— Я все время ищу новости, на которые можно надеяться. Но сколько бы я ни смотрела, все рушится. Ты подтвердил информацию?

— Да. Проверено несколькими отрядами. Исаму и его силы прилагают больше усилий, чем когда-либо, захватывая как можно большую территорию так быстро, как только могут.

— Что мы можем сделать, чтобы их остановить?

Такахиро вздохнул.

— Хаджими прислал клинков, как мы просили, но они не успеют убрать худшую проблему. Когда клинки придут, мы будем уже отступать к горам. Но там бой должен на время остановиться. Отряды Исаму не обучены и не готовы биться с нами в горах.

Мари посмотрела на карты на отдельном столе. Почти треть земель будет потеряны к концу месяца, а еще треть была ее, потому что никто еще не решил напасть. Если Каташи захочет забрать у нее северную треть земли, она ничего не сможет поделаться. Она не знала ругательства, подходящие для уровня ее гнева.

Мари прошла к подушке и села, заставив себя замереть.

— Есть хорошие новости?

Такахиро выглядел неуверенно.

— Я не знаю, хорошая ли это новость, и я не передал ее, потому что не проверил, но, похоже, отряды, которые продвигает Каташи, намного меньше, чем ожидалось.

Мари нахмурилась. Это могло быть хорошей новостью, но Каташи был коварным, и это могло означать, что он каким-то образом скрывал от них передвижение войск.

— Почему?

— Не знаю. Сначала я предположил, что действия Коджи в тылу начали оказывать влияние. Возможно, Каташи пришлось отвести часть своих войск домой. Это многое объяснило бы. У нас нет разведчиков, чтобы следить за отступлением. Но Каташи не перебрасывал войска в другие места на наших землях, поэтому я не думаю, что он что-то замышляет. Но я не уверен.

Мари откинулась на подушку и потерла виски, обдумывая возможные последствия. Ее генералы искали дополнительных указаний, простого направления, которому она не желала подчиняться. С одной стороны, она могла приказать им идти вперед, сражаться и защищать каждый акр земли изо всех сил. В противном случае она могла бы приказать им продолжать отступление, чтобы сберечь силы на случай, когда они будут наиболее необходимы.

Она склонялась к идее отступления. Это доставит большинство их отрядов в горы, где они будут гораздо лучше подготовлены, чем другие армии. Мари не знала, какое преимущество даст местность, но, возможно, это было именно то, что им было нужно, чтобы переломить ход этой разрушительной кампании.

Но ей нужно было обдумать последствия своего решения. В совете любой вариант будет непопулярным. Если она решит отправить войска вперед, ее противники назовут ее

импульсивной и будут жаловаться, что она рискует жизнями их солдат ради небольшой выгоды. Если она отступит, они заявят, что она не переживала за потерянную землю и была готова отказаться от драгоценной земли, потому что ей не хватало смелости сражаться.

Казалось, мало кто из совета заботился о спасении людей. Они заботились только о сохранении собственной власти. Как они могли не осознавать, что, если они продолжат идти по этому пути, им больше нечем будет управлять, дом распадется, и вся власть, за поддержание которой они так упорно боролись, перестанет существовать в какой бы то ни было форме?

По крайней мере, она могла доверять Такахиро.

— Что ты думаешь?

— Мой инстинкт — уйти в горы. Фумио будет сопротивляться, но это хорошее решение. Сражение в других условиях гарантирует только большие потери. Ненавижу терять землю, но войска важнее, — его голос был твердым, но Мари слышала боль. Он не хотел отказываться от этой земли не больше, чем она. Земли его семьи, какими бы маленькими они ни были, вероятно, будут принесены в жертву.

— А как насчет людей, оставшихся позади?

Он слегка покачал головой.

— Можно отправить посланников, чтобы рассказать людям о своих планах. Может, некоторые не желают или не могут покинуть родные земли, но с предупреждением можно дать им шанс сбежать.

— Этого недостаточно, — сказала она.

— Ничего не поделать, — неожиданным движением Такахиро сел рядом с Мари и встретился с ней взглядом. — Нам нужно выиграть этот бой, но я не знаю, как это сделать.

Инстинктивно она наклонилась к нему, и он обнял ее. Сидя рядом с ним, она не знала ответов, но чувствовала его силу, его твердость. Такахиро был похож на гору, которую не трогал окружающий хаос. Она глубоко вдохнула и поняла, что недавно он даже успел принять ванну. От него пахло чистотой.

На нее накатила волна усталости. Вскоре собрание совета, но она так устала.

Прежде чем она осознала это, она заснула, ее утешали объятия Такахиро.

* * *

Мари проснулась от легкого движения рядом с ней. Ее глаза резко открылись, и она сразу поняла, что заснула возле Такахиро. Судя по всему, ее голова соскользнула, оказалась на его коленях. Она сморгнула сон и села. Ей стало стыдно. Уснуть на Такахиро, из всех людей.

— Прости. Как долго я спала?

Его улыбка была мягкой.

— Почти все утро. Я решил, что тебе, вероятно, следует подготовиться перед заседанием совета.

Она не могла поверить, что проспала большую часть утра. Она устала, конечно.

— Почему ты дал мне поспать так долго?

— Тебе это было нужно.

Ей не хотелось признавать это, но он был прав. После сна она почувствовала себя лучше, чем за несколько дней.

— Спасибо. Прости, что я заснул возле тебя.

— Я не возражал.

В этих словах Мари услышала что-то еще, чего она не ожидала услышать от Такахиро. Но она покачала головой. Ей нужно было сосредоточиться на заседании совета.

— Увидимся в зале.

Такахиро кивнул и встал, собираясь уйти. Прежде чем он вышел, Мари тихо сказала:

— Еще раз спасибо.

Ее советник поклонился и вышел за дверь. Мари увидела стражу снаружи и задалась вопросом, что они думали.

Она не могла сейчас переживать из-за этого. Ей нужно было переживать из-за совета. Им нужно было знать о смерти Исау и ее решении отступить. Встреча не будет приятной.

Она быстро приняла ванну и переоделась, и встреча вот-вот должна была начаться. Она прошла по коридорам, добралась до комнаты совета, замерла, беря себя в руки, а потом вошла.

Там, как всегда, кипела активность. Встреча уже должна была начаться, она пришла одной из последних. Обычно это беспокоило бы ее, но сегодня она была благодарна за отдых. Аристократы собрались в небольшие группы, и Мари видела, что разногласия между ее советом были столь же сильны, как и прежде.

Она разделяла аристократов на три группы. Одна группа ее поддерживала. Их главой был Арата, и их поддержка была основой ее правления. Йошинори возглавлял тех, кто был против нее. Но была третья группа, еще не определившаяся. Их поддержка могла колебаться в любом направлении, и это заставляло Мари нервничать. На данный момент они поддерживали ее, поскольку никто не выступал против нее открыто. Но в их дальнейшей поддержке не было уверенности.

Прибыло еще несколько аристократов, и собрание началось. Они начали с официальных отчетов. Обо всем в них уже было известно, но у аристократов была возможность задать вопросы и получить подробную информацию. Большая часть информации касалась распределения продуктов питания и сбора налогов. Важно, но далеко не увлекательно.

Затем сообщили об Исау. Мари с тоской смотрела на то место, где он сидел за столом. Ей уже не хватало его поддержки.

— Церемонии в честь Исау пройдут через две ночи. Уведомления были переданы по всему Стоункип. Мы проводим его с почестями.

Она выдержала почтительную паузу.

— У Исау был сын, но он молод. Тем не менее, я бы хотела ввести его в закрытый совет. У Исау были хорошие советники, и я не сомневаюсь, что его сын узнает еще больше, присутствуя на этих встречах.

Она отправила гонцов в тот момент, когда у нее было время после вести о смерти Исау. Исау оставил жену и детей в семейном имении. Мари питала надежду, что Арата возьмет ребенка под свое крыло.

Йошинори заговорил:

— Ваше решение мудрое, леди Мари. Как только я узнал о случившемся, я послал охрану из собственного дома к страже Исау. Я жду их здесь через две недели.

За столом послышался гул одобрения, Мари подавила ругательство. Ребенок будет настроен против нее людьми Йошинори раньше, чем они доберутся до Стоункипа. Действие было подозрительным. Мари немедленно отправила гонцов, но если Йошинори был настолько уверен, что его люди придут первыми, это указывало на то, что он мог знать заранее. Возможно, доказательства были косвенными, но в глазах Мари это было все еще

ужасно. К сожалению, ничего не поделать. Казалось, Йошинори потенциально получил еще один голос поддержки в закрытом совете.

— Спасибо, — заставила себя сказать Мари. — Далее я должна сообщить вам, что я приказала нашим генералам отступить еще дальше, в горы. Мы будем там стоять.

Объявление вызвало бурю негодования. Мари задавалась вопросом, приходилось ли ее отцу когда-либо иметь дело с таким неуважением, или же тот факт, что она женщина, работал против нее и здесь. Несмотря на это, потребовалось некоторое время, чтобы все утихло.

— Могу я узнать причину, леди Мари? — спросил Йошинори.

— Конечно, — ответила она. — Наши войска в меньшинстве на обоих фронтах, и лорд Каташи и лорд Исаму упорно вторгаются на нашу территорию. Как бы я ни ненавидела отдавать землю захватчикам, это битвы, в которых мы не можем выиграть. Отступая в горы, мы спасаем жизни наших солдат до того момента, когда у нас появится шанс на победу.

Было высказано несколько возражений. Как она и ожидала, некоторые утверждали, что ей не хватало смелости драться. Однако Йошинори не делал таких заявлений. Он задумчиво сидел. Его взгляд медленно переместился на нее, и она увидела вычисления, происходящие за этими глазами. Он кашлянул, и в комнате стало тихо. Мари проклинала его контроль над советом. Они бы не замолчали так легко из-за нее.

— Леди Мари, могу я спросить, почему вы не попросили о мире?

«Потому что такая идея обречена на провал», — подумала она. Но она не сказала этого.

— Мы не в состоянии торговаться с другими лордами.

— Возможно. Но если мы продолжим жертвовать землей, результат будет тем же. Хотя в наши дни это не выглядит так, мы все по-прежнему являемся частью Королевства. Остальные лорды могут понять.

Мари в это не верила. Это вторжение было спланированным. Каташи, в частности, не будет удовлетворен, пока не назовет землю дома Мари своей.

Но, оглядев комнату, она поняла, что не найдет поддержки со стороны этой знати. Перемирие имело смысл. По крайней мере, было необходимо стремление к миру. Они вели то, что казалось войной без побед. Конечно, они хотели бы, чтобы этому пришел конец. Они не считали, что такое отношение будет настолько вредным для земель их дома, как полагала Мари.

Йошинори продолжил:

— Если хотите, я могу возглавить мирный отряд к одному или обоим лордам. Если вы дадите мне условия, я с радостью их доставлю.

Мари быстро размышляла. Йошинори только что подтвердил, что контактировал с другими лордами, хотя и не прямо. Она, конечно, подозревала, но ей нужно было доказательство. Она не могла позволить ему стать посланником. Он сделает из нее марионетку в кратчайшие сроки. Но она также не могла покинуть Стоункип. Она не сомневалась, что ворота будут закрыты для нее, если она попытается. Ее хватка была слишком слабой. Затем пришло вдохновение.

— Вы правы. Нам действительно нужно просить о перемирии. Я считаю, что из этих двоих лорд Исаму скорее согласился бы на договор. Все согласны?

За столом кивали. Вражда между Каташи и домом Кита не исчезнет в ближайшее время.

— Тогда я предлагаю пригласить сюда лорда Исаму. Он снова увидит силу Стоункипа, и мы сможем предложить условия.

Если Йошинори был разочарован, он этого не показал.

— Мудрое решение, леди Мари, — но его голос звучал холодно.

Решение не вызвало много споров, и Мари покинула совет с головокружением. Договор о перемирии мог быть катастрофой, но он мог быть и возможностью. Возможностью, которую она не упустила бы. Может, это все-таки сработает в ее пользу.

13

Аса выпила пиво большими глотками. Она тут же ощутила внутри тепло напитка. Она ждала этого момента весь день. Она подняла руку для добавки, и внимательный бармен тут же поставил перед ней еще одну пенную кружку. Аса подумывала выпить это поскорее, но не стала. У нее было еще слишком много работы завтра.

Принятие Исаму предложения Мари о встрече — это все, о чем мог говорить кто-либо в Стоункипе. Несомненно, Мари отнеслась к встрече с большим трепетом, чем Аса, но Аса не думала, что кому-то в городе нужно было так усердно трудиться для прибытия лорда, как ей. Стражам требовалось дополнительное обучение, необходимо было составить расписание, а маршруты и места для встреч нужно было охранять, готовясь к появлению лорда. И, если Мари или Исаму решат изменить какую-либо часть плана, Асе потребуется предусмотреть непредвиденные обстоятельства. Последние несколько дней она работала от восхода до заката без перерывов.

Дополнительные обязанности заставили Асу усомниться в своем месте больше, чем раньше. Она все думала об экспедициях и возможности исследовать неизведанные земли. Аса провела большую часть своих молодых лет в дороге, и, хотя время скрыло страдания тех дней, она тосковала по дороге. Она не хотела ничего, кроме свободы определять, как проводить дни.

Но она дала Коджи слово и не могла заставить себя его нарушить. Защита Мари была лучшим применением ее навыков, нравилось ей это или нет.

Она посмотрела на свою кружку и сообразила, что больше половины пива пропало. Она так погрузилась в свои мысли, что даже не заметила.

Аса снова вернулась в комнату гостиницы. Она не спала в этом здании месяц, но ее успокаивала знакомая атмосфера. Кроме того, по большей части никто не обращал на нее особого внимания.

Она огляделась, мягкое бормотание приятной беседы наполняло комнату. Ей нравилось, что в комнате редко бывало шумно. Некоторые таверны всегда казались источником драк, но посетители этой гостиницы, как правило, были куда тише. Аса предположила, что это было как-то связано с более высокой стоимостью выпивки.

Небольшая группа артистов сидела в углу комнаты, склонив головы, и придумывала то, о чем Аса даже не догадывалась. В другом углу сидел невзрачный мужчина, который выглядел смутно знакомым. На другом конце бара двое молодых людей дружно спорили.

Чувство Асы доставало недалеко, но она ощутила, как женщина вошла в комнату позади нее, остановилась на мгновение, а затем пошла к ней, когда ее узнали.

Сузо села рядом с Асой.

— Не против?

Аса покачала головой, удивившись, что на самом деле была не против. Она вообразила, что быть главой охраны означало, что ей не следует пить с девушкой, но ей было все равно. Пока они могли выполнять свои обязанности завтра, им не о чем было беспокоиться.

Аса жестом заказала им пиво. Она не планировала пить еще, но компания Сузо казалась

ей достаточной причиной. Сузо кивнула в знак благодарности, и они обе выпили из кружек.

— Чем могу помочь? — Аса не верила, что Сузо оказалась тут случайно.

Девушка мгновение выглядела неуверенно — было непривычно видеть такой одну из самых многообещающих стражниц. После минутного колебания Сузо ответила:

— Честно говоря, я просто хотела провести с тобой еще немного времени. Ты единственная, кого я знаю, кто не осуждает меня за мое мастерство. По сравнению с тобой я не так хороша.

Аса почти возразила, но слова Сузо были правдой. Похоже, у Сузо было не так много друзей. Ее навыки и стремление к совершенствованию сделали ее изгоем даже среди женщин, прокладывающих новый путь.

Аса сделала еще большой глоток пива, наслаждаясь дружеской тишиной. Ей всегда нравилась Сузо и ее желание добиться большего. Возможно, она увидела в этой женщине частичку себя.

В конце концов, Сузо дошла до того, чтобы задать вопрос, и у Асы сложилось четкое впечатление, что это был один из главных мотивов Сузо для посещения.

— Если ты не возражаешь, я спрошу, почему ты возглавляешь охрану? Похоже, это не та задача, которая тебя интересует.

Аса сдержала удивление, понимая, что Сузо не могла знать, что она думала об этом. Ее первым побуждением было солгать и поговорить о долге или чести или о любых других расплывчатых понятиях, которые многие использовали для оправдания своих действий. Но один взгляд на Сузо предотвратил это. Женщина заслуживала большего, чем пустые слова.

— Я не совсем уверена, — призналась Аса. — Я начала, потому что не могла придумать ничего лучше, и продолжаю из-за обещания, которое я дала другу. Но это не та задача, которую я бы ставила перед собой.

Аса опасалась, что Сузо запаникует, но такой реакции она не получила. Сузо только кивнула, будто ожидала этого.

— Ты когда-нибудь беспокоилась, что отсутствие самоотдачи будет опасно для леди Мари?

Слова не были произнесены для осуждения, но Аса все равно почувствовала их укол.

— Иногда. Но хоть мне тяжело, я была бы опустошена, если бы с ней что-нибудь случилось. Я хочу, чтобы она добилась успеха.

Сузо позволила молчанию затянуться на несколько мгновений, хотя Аса видела, что ей хотелось спросить еще кое-что.

— Можно я задам более личный вопрос?

Аса подумывала сказать «нет». Она не была из тех, кто любил личные разговоры. Но пиво ослабило ее защиту, и она кивнула.

— Чего ты хочешь от жизни?

Асе внезапно показалось, что она снова оказалась перед Киоши, глаза старика впивались в нее, когда он расспрашивал ее о ее желаниях и планах. Затем она моргнула и вернулась в настоящее. Посмотрев на Сузо, она снова честно ответила:

— Я хочу покинуть эту землю и исследовать границы Королевства. Я хочу найти новые земли и столкнуться с новыми проблемами.

На этот раз Сузо действительно выглядела ошеломленной. Но это было больше неожиданностью, чем осуждением.

— Ты хочешь уйти? Но ты — клинок ночи.

— Именно поэтому я хочу уйти.

— Я не понимаю. По одежде все вокруг знают, что ты один из лучших и сильнейших мечей в Королевстве. Все знают, насколько мощны клинки.

Аса поняла, что волновало Сузо.

— Сила и мощь — не такие, какими кажутся. Сами по себе они бесполезны.

— Я думаю, что отдала бы почти все, чтобы иметь это уважение.

Аса покачала головой.

— Это больше страх, чем уважение.

— И все же.

Аса не знала, как ответить человеку, столь уверенному в своих убеждениях. Она чувствовала себя брошенной, как корабль, попавший в шторм в море, но Сузо казалась сосредоточенной, уверенно рассекала беспокойные волны. Аса решила повернуть разговор в сторону девушки.

— А ты? Чего ты хочешь?

Ответ Сузо был прямым, будто она ждала этого вопроса:

— Мне нужна твоя должность.

Как только она это сказала, она, казалось, поняла, насколько прямолинейной была.

— Когда ты ее оставишь, конечно.

Аса рассмеялась и подняла кружку в тосте в сторону Сузо.

— Когда будешь готова, можешь забирать.

Сузо улыбнулась и допила пиво.

* * *

На следующий день Аса пожалела, что выпила так много. Сузо оказалась отличной компанией, и они задержались сильнее, чем было разумно. Во многих смыслах две женщины были похожи. У Асы была сила и уважение, которых жаждала Сузо, а у Сузо была преданность своей работе, которую Аса хотела ощущать.

Аса шла по залам замка Стоункип, удивившись, когда наткнулась на старое и знакомое лицо. Хаджими как раз выходил из замка. Насколько знала Аса, его не ждали. Она поклонилась лидеру клинков.

— Я не думала, что когда-нибудь увижу вас здесь, — сказала она.

Хаджими тоже не выглядел довольным.

— Это не было моим первым выбором, но я чувствовал, что это необходимо. Мы можем пройтись?

Аса поняла, что столкновение с ним могло быть не таким случайным, как она думала.

Она кивнула и присоединилась к нему, когда они покинули замок. Они остановились у ворот. Замок стоял на одной из самых высоких точек Стоункипа, и с парадных ворот можно было смотреть на город и долину внизу. Далеко внизу был виден лагерь клинков, с такой высоты казавшийся ужасно маленьким.

— Мы считаем, что нашли место, — мягко сказал Хаджими.

— Так быстро? — Аса не могла скрыть разочарования в голосе. Она поняла, что часть ее надеялась, что борьба в Королевстве закончится достаточно скоро, и она сможет присоединиться к новой экспедиции.

— Нам очень повезло, — сказал Хаджими. — Расположение почти идеальное.

Аса вздрогнула, понимая весь смысл слов Хаджими. Внезапно ее мечта покинуть Королевство стала намного более реальной.

— Поэтому вы здесь?

— Нет. Я не сказал леди Мари, и буду признателен, если ты пока не заговоришь. Я отправил еще одну небольшую экспедицию в поисках дополнительной информации. Но выглядит многообещающе. Это остров в Северном море. Я верю, что скоро нам предстоит принять важное решение.

Аса согласилась. Что решат клинки? Будет ли у них выбор, когда хаос уляжется? Если клинки уйдут сейчас, то шансы Мари на выживание в этой войне исчезнут. Хаджими, казалось, читал ее мысли.

— Есть время. У Мари все еще есть наша поддержка, и это была настоящая причина, по которой я пришел. Я слышал о визите Исаму.

Аса начала понимать.

— Вы хотите сесть за стол.

Хаджими кивнул.

— Когда-то такая идея была почти невыполнимой. Но теперь меня беспокоит, какие решения могут быть приняты по поводу клинков, если нас не будет. Я не допущу, чтобы нас приносили в жертву в политических целях.

Аса хорошо понимала озабоченность Хаджими. Хотя ей не хотелось признавать это, она могла видеть, как Мари использовала клинков в качестве разменной монеты на переговорах.

Они шли по узким улочкам Стоункипа. Каким бы сложным ни был путь к замку, прогулка стоила того. Перед ними продолжали открываться виды на долину внизу, и хотя Аса теперь совершала эту прогулку каждый день, она все еще чувствовала побуждение остановиться и посмотреть. Теперь она понимала связь Мари с горами.

— Я не знаю, имеет ли это значение для тебя, но, возможно, я должен вас предупредить: Исаму не готовится к миру.

Аса вздрогнула.

— О чем вы? Он собирается совершить покушение на жизнь Мари?

Хаджими покачал головой.

— Вряд ли. Он слаб, но Исаму благородный. Нет, он хочет ударить по армии Мари, разделив свои силы. Думаю, он хочет или угрожать, или сразу же двинуться против Мари, если его требования не выполнят. Нам все еще нужно время, Мари пока не может пасть.

— Почему вы это знаете, а Мари — нет?

Хаджими вздохнул.

— Генерал Масааки, будучи весьма способным командиром, слишком осторожен. Он привел даже своих разведчиков, пока они приближаются к горам. Он не знает всей степени действий Исаму против него. Я использовал эту информацию, чтобы получить от леди Мари обещание предоставить нам место за столом.

Когда они приблизились к воротам, ведущим из Стоункипа, Хаджими повернулся к ней.

— Ты когда-нибудь скучала по Киоши?

Вопрос заставил Асу остановиться. Несмотря на время, прошедшее с тех пор, как она забрала жизнь старика, она все еще часто думала о нем. Прошли годы, а она все еще не была уверена, что могла разобраться в своих чувствах к человеку, убившему ее отца. Она кивнула в ответ на вопрос Хаджими.

Хаджими посмотрел на долину внизу, его глаза скользили по клинкам под его опекой.

— Я тоже иногда. Если кто и мог благополучно вытащить нас из этого пожара, так это он. Бывают дни, когда мне жаль, что я послал тебя с этой задачей.

С этими словами Хаджими повернулся и покинул Стоункип, оставив Асу наедине с ее бурлящими мыслями.

* * *

Аса решила, что когда она переродится, она сделает все, что в ее силах, чтобы снова не стать стражем. Подготовка к визиту Исаму продолжала усложняться с каждым днем. К счастью, Такахиро смог провести Асу через большую часть задания, но Аса была измотана. Когда она пришла в гостиницу, чтобы выпить, ей казалось, что она с трудом держала глаза открытыми.

Она сразу заметила изменение отношения, войдя в комнату. Хоть громкость была ненамного выше, чем обычно, в комнате была другая энергия. Ожидание гудело. Все знали, что война должна скоро закончиться. Если она продолжится дольше, последствия начнут усугубляться. Хотя прошло чуть больше половины лета, люди говорили о нехватке еды на предстоящую зиму. Запасы были уже истощены, и война забрала или уничтожила большую часть того, что осталось.

Завтрашний визит Исаму давал шанс на лучшее будущее. Если Исаму и Мари подпишут соглашение, то, возможно, Каташи присоединится к ним. Они могли оставить войну позади и сосредоточиться на выживании. Все ухватились за эту надежду, крепко держались за нее, как ребенок, держащий любимую игрушку ночью.

Аса не могла позволить себе быть оптимисткой. В игре было слишком много факторов. Исаму совершал секретные переброски войск на юг. Она все еще считала, что Исау убили. И Йошинори и его схемы не могли контролироваться Мари. Слишком многое могло пойти не так, чтобы она могла надеяться.

Но, слушая обрывки разговоров в гостиной, она почти поверила. Почетный караул Исаму был виден из ворот. Завтра они отправятся в путь по узкой дороге к Стоункипу. А до этого Аса решила насладиться затишьем перед бурей. Все приготовления были на месте, и она пригласила Сузо снова выпить сегодня вечером. Смена девушки еще не скоро закончился, но Аса посчитала, что она могла бы получить фору. Девушка еще не умела пить много.

Хозяин гостиницы принес ей кружку пива, и Аса жадно отпила, заставляя себя действовать медленно. Если она не будет осторожна, к тому времени, как придет Сузо, она будет пьяна. Напиток освежил ее, как только коснулся ее языка.

Она огляделась. В гостинице было больше людей, чем обычно. Слухи о переговорах о перемирии распространились, и купцы устремились в город, надеясь воспользоваться наплывом людей. Некоторые из постоянных посетителей присутствовали, но многие лица были новыми. Аса была рада, что купцы принесли деньги, но ей не нравилось, что они усложняли ей работу. Все больше людей и незнакомцев создавали дополнительные проблемы для защиты Мари.

Несмотря на ее попытки сдержаться, она все же быстро оказалась на дне кружки. Сузо придет еще не скоро, но Аса решила, что еще одна не повредит. Она заказала еще, и вскоре перед ней стояла полная кружка, жаждущая ее внимания.

В этот момент в комнату вошла группа из четырех крупных мужчин. Хотя большинство посетителей таверны были купцами, эти люди, очевидно, не были. Они были в некотором роде разнорабочими, еще и шумными. Аса никого из них не узнала. Как только они вошли, самый громкий из них, тот, кого Аса назвала лидером, увидел ее. Он увидел ее темную одежду и мечи на бедрах и, споткнувшись, шагнул вперед.

Аса выругалась. Последняя проблема, с которой она хотела сегодня разобраться, — это пьяница, увлекшийся клинком ночи. Обычно мужчины видели мантии и как можно быстрее уходили в другую сторону. Или, по крайней мере, не трогали ее. Но время от времени мужчине приходило в голову, что укладывать клинка в постель — уникальный вызов. Этот человек, несмотря на то, что он явно был в нетрезвом состоянии, казался одним из последних. Он остановился всего в нескольких шагах позади нее.

— Ты — клинок ночи, да? — его слова были невнятными.

Аса попыталась не обращать на него внимания, но не вышло. Он шагнул вперед, оказался позади нее. Он практически навис над ней, и она заметила, что он обошел ножны одного из ее мечей, остановился над ними, оставив ножны в особенно опасном положении. От него несло выпивкой, когда он наклонился над ней и положил ладони ей на плечи.

Аса сжала рукоять меча и надавила изо всех сил. Другой конец ножен быстро поднялся, ударил мужчину между ног. Она не смотрела на него, что было обидно, ведь она хотела увидеть выражение его лица. Но он упал на пол, держась за себя в беззвучном крике.

Прежде чем его друзья смогли прийти ему на помощь, ее меч был вынут из ножен, и она встала спиной к стойке.

— Он отделался легко. Не подходите ко мне снова.

Некоторое время Аса волновалась, что они могут испытать удачу. Мужчины всегда недооценивали ее, даже если она носила мантию клинка ночи. Группа поклонилась ей в знак капитуляции, схватила несчастного друга и выгнала его из комнаты на улицу.

Аса в последний раз оглядела комнату. Что-то казалось неправильным, но после нескольких мгновений размышлений она решила, что была просто паранойя. Она повернулась к бару и села на свое место. Ее пиво выглядело как никогда привлекательно. Она быстро выпила его и нахмурилась. Эта кружка была особенно горькой, но все же освежающей. Вскоре должна появиться Сузо, но Аса не понимала, почему не выпить третью. Но вскоре ей придется остановиться. Она подняла руку, чтобы заказать еще.

Ее третий напиток был нормальным на вкус, но она заметила, что была уже довольно пьяна. Она забыла поужинать? Она была так занята. Она не могла вспомнить.

Аса решила замедлиться. Она могла допить эту, когда придет Сузо, а затем выспаться, чтобы подготовиться к завтрашнему важному прибытию.

Но даже остановившись, она почувствовала себя вялой, и мир начал качаться перед ее глазами. Она опустила голову, внезапно почувствовав себя еще более уставшей, чем раньше. Ей нужно было вернуться домой.

Сильная рука обвила ее. Аса подняла взгляд, ожидая увидеть Коджи. Но его там не было. Лицо было знакомым, но она не могла понять, почему. Это был молодой человек, его губы застыли в вечной улыбке. Она видела его раньше. Она была в этом уверена. Но она не могла заставить разум работать. Каждый раз, когда она пыталась удержать мысль, она ускользала от нее, как угорь.

— Думаю, мой друг слишком много выпил, — сказал мужчина. Он положил несколько монеток на барную стойку, заплатив за ее напитки. Она заиклилась на монетах, ярко блестящих на фоне темного дерева стойки. Незнакомец поднял ее, и Аса не сопротивлялась. Она знала, что ей все равно нужно было вернуться на свое место. Ей придется извиниться перед Сузо за то, что ее тут не было, но она так устала.

Мужчина вывел ее из бара. Асе пришлось прислониться к нему, пока они шли. Какая-то часть ее кричала, но она не могла отреагировать. Она даже не думала, что у нее хватит сил

оторваться от него.

Они вышли в прохладную ночь, улицы были в основном пустыми. Она посмотрела на него.

— Кто ты?

Он просто продолжал улыбаться, не отвечая. Затем ее мир потемнел, и она больше ничего не помнила.

14

Коджи просыпался каждое утро уставшим. В пути было тяжело. Лагерь нужно было устанавливать и разбирать каждый день. Еду нужно было собирать, добывать на охоте, разделять и готовить. Ему нужно было тренироваться, завершать миссии и проходить лиги земли день за днем. Ему нравились вызовы и простота жизни в движении, но все они изнашивались, как мечи, нуждающиеся в заточке.

Несмотря на огромный объем работы, Коджи не думал, что когда-либо был более доволен. Его крошечная группа, маленькая, но мощная, сделала себе имя, пока они блуждали по землям Каташи. Они участвовали в нескольких небольших стычках, когда местные выслеживали их, не осознавая, с какой силой столкнулись. Не один раз после того, как горели склады или умирал аристократ, местный командир и его войска брали на себя ответственность отомстить. Они не повторяли эту ошибку дважды. Клинки Коджи убедились в этом.

С тех пор, как они пересекли границу, Коджи не потерял ни единого клинка. Дважды он подходил близко, но дважды клинки дня с ними спасали жизни раненых.

Слухи об их группе разлетелись по ветру. Они больше не могли безопасно подходить к деревням. Иногда они отправляли пару, чтобы собрать информацию, но никто больше не приветствовал незнакомцев. Казалось, что законы гостеприимства были нарушены и отвергнуты в землях Каташи. Когда им везло встретить кого-то, кто говорил с ними, они слышали о демонах, наводящих ужас на сельскую местность. Но все верили, что помощь близко. Они не знали, как и когда, но были уверены, что она скоро придет. Их вера в своего лидера была абсолютной.

Коджи не был уверен, что они ошибались. Он подозревал, что его клинки нанесли достаточно повреждений, чтобы привлечь внимание Каташи. Если он еще не вывел часть армии из земель дома Кита, он скоро это сделает. Вскоре они столкнутся с проблемой более сильной, чем местное ополчение.

Тот факт, что он изменил ход войны, был всем, на что Коджи мог надеяться. Может быть, если он убьет достаточно знати, он сам сможет заманить Каташи. Мысль о том, что он мог бы пронзить этого человека мечом, приносила ему безмерную радость.

Коджи также радовался дружбе с теми, кто сражался вместе с ним. Его клинки доверяли ему, и он был готов умереть за них. Они по-прежнему страдали от мелких споров, но клинки были объединены общей целью, и их особый стиль обучения — помощь друг другу — помог завоевать уважение, которое не могли дать другие боевые системы. Смех эхом разносился по ночам у костра, и хотя их задача иногда была ужасной, Коджи не мог придумать ни одного места, в котором он бы предпочел оказаться.

Было уже поздно, когда пришел один из их разведчиков. Она шла быстро, и все взгляды обратились на нее, когда она направилась к Коджи. Он в ожидании приподнял бровь. Женщина разведывала землю позади них, так что это означало, что их, скорее всего, преследовали. Поскольку они уже несколько дней не видели местных ополченцев, Коджи

подозревал, что он хорошо знал, кто был за ними.

Клинок ночи отчиталась, задыхаясь. Коджи протянул руку и призвал ее немного отдохнуть. Когда она собралась, она начала снова:

— Одна из армий лорда Каташи идет за нами, — сказала она.

Коджи не верил, что они добились такого успеха, несмотря на его надежды.

— Целая армия?

Она покраснела и опустила голову.

— Нет, извините, но почти так же плохо. По моим оценкам, около ста пятидесяти человек, все верхом. Они в красной форме и движутся быстро.

Сто пятьдесят всадников против его дюжины клинков? Он не знал, как они выиграют этот бой. Даже если бы они не устали, это преимущество было бы трудно преодолеть.

— Насколько они отстают?

— Около трех лиг. Когда я уходила, они спешили и разбивали лагерь на вечер, но думаю, они смогут добраться до нас к завтрашнему дню.

Коджи поклонился женщине.

— Спасибо. Отдыхай. Тебе вскоре понадобятся силы.

Все смотрели на него. Он игнорировал вопросительные взгляды, смотрел вдаль, задумавшись. Идеи не приходили. Поблизости не было местности, которая позволила бы ему отразить наступление кавалерии, и, хотя клинки ночи могли быть эффективны против лошадей, их было мало. Кавалерия без проблем уничтожит его небольшую группу. Это была их первая настоящая проблема с тех пор, как они пересекли реку, и он не знал, как ее решить.

К счастью, он был не один. Все слышали отчет, поэтому он попросил поделиться идеями.

Было предложено несколько планов, но они им не нравились. Земли дома Амари были плоскими, редко встречались холмы. Некуда было бежать, негде было укрыться. В открытой прерии всадники имели все преимущества.

Сакура предложила идею, которая положила конец остальным разговорам:

— Мы могли бы вернуться и атаковать их, пока они спят.

Коджи боролся со своими инстинктами. В этом действии не было чести, но это был единственный способ, где они могли бы выжить. Он ждал, что кто-то еще выступит против, но никто этого не сделал. Правду, какой бы ужасной она ни была, нельзя было опровергнуть.

Он не хотел даже обдумывать эту идею, какой бы необходимой она ни была.

— Есть другие мысли?

Было предложено несколько других стратегий, но ни одна не имела шансов на успех. Кавалерия могла двигаться быстрее, оставаться вне досягаемости мечей и мучить клинков, пока они не умрут. А ночью все преимущества были в их руках. Клинкам не нужно было видеть, чтобы сражаться, поэтому темнота не была проблемой. Кавалерия не была верхом, это лишало их того превосходства, которое у них было.

Коджи сделал большой глоток воздуха, прежде чем заговорить. Миссия по-прежнему будет опасной, и он почти наверняка потеряет некоторых друзей, которых приобрел среди этой группы. Но если они не будут действовать, почти наверняка все они умрут.

— Отдыхайте. Мы пойдем с наступлением ночи.

* * *

Коджи лишь немного вздремнул. Учитывая их работу ночью, он подозревал, что это все,

что он мог получить. Все мало спали. Коджи подумывал о том, чтобы позволить клинкам спать без охраны, но риск был слишком велик.

Ночь была темной, когда он приказал идти. Им нужно было пройти изрядное расстояние, а затем им придется сражаться. Коджи позволил себе погрузиться в транс, пока бежал в стабильном темпе, его осознание того, что его окружало, было легким. Это не был отдых, но сойдет и такое.

Клинки следовали за ним, словно тени, и легкий шелест одежды был единственным признаком того, что они все еще были позади него. Все они были в отличной форме, с рождения тренировались бегать на длинные дистанции и драться в конце. Эта тренировка, какой бы жестокой она ни была, вознаграждала их в такие ночи, как сегодня.

Коджи боролся с усталостью. Он устал до этого, и его глаза, казалось, закрывались по собственной воле, игнорируя неоднократные попытки открыть их. Он споткнулся и быстро оправился, этого короткого прилива энергии было достаточно, чтобы открыть глаза. Ему нужно было продержаться немного дольше.

Коджи подсчитал, что они прошли чуть больше двух лиг, и он послал разведчиков, а остальная часть группы замедлилась. К счастью, ночь была пасмурной, и луна часто была закрыта. Тем не менее, когда разведчики вернулись, она была высоко в небе.

Их отчет не впечатлил. Кавалерия разбила лагерь, но на небольшом холме. Хотя его было сложно назвать холмом, это давало им преимущество и позволяло беспрепятственно видеть окрестности. Коджи и другим клинкам придется ползти в траве, чтобы их не обнаружили.

Коджи не позволял себе роскошь отчаяния. Путь перед ними был единственным. Облака не давали луне слишком сильно светить, что давало им шанс. Тем не менее, все, что требовалось, — один наблюдательный страж и одна ошибка клинков, чтобы потерять элемент внезапности. Если они проиграют, битву сможет выиграть кто угодно.

Коджи решил, что они пробежали еще половину лиги, когда разведчики жестом приказали им ползти. Вдалеке Коджи видел огни своих целей, которые казались далекими крошечными огоньками. По крайней мере, они были в тысячах шагов от них. Тем не менее, не было другого способа подкрасться к своим врагам, поэтому они упали на четвереньки и поползли одной большой массой к лагерю.

К тому времени, как они миновали полпути, конечности Коджи пылали. Бег был вызовом, с которым он мог справиться. Для этого он тренировался. Но ползать было утомительно. Не раз Коджи подавал сигнал остановиться. Если остальные чувствовали себя такими же истощенными, как и он, отдых был необходим. Им все еще нужно было сражаться. Одним из преимуществ, если его можно так назвать, было то, что в последнее время было мало дождей, и земля под ними была твердой. Но хотя их руки и колени не погружались в мягкую грязь, вскоре он начал чувствовать, будто стер колени и руки.

Они подобрались достаточно близко, чтобы Коджи не осмелился поднять голову над уровнем травы, чтобы осмотреться. Он мог ощущать солдат перед ними, и он ощущал энергию клинков позади себя. Ползание по траве разъединило клинков, и задача проверила даже их физические способности.

Что еще хуже, луна продолжала ползти к горизонту, сигнализируя о неизбежном рассвете. Коджи предполагал, что солдаты встанут рано, чтобы продолжить погоню. Время на неожиданное нападение на их противников таяло с каждым мучительным движением клинков.

Вскоре он оказался в двадцати шагах от ближайшей стражи. Он замер, ждал, пока отставшие их догонят. Они все перевели дыхание. Тревогу еще не подняли, но время быстро истекало. Оглянувшись, Коджи увидел первые проблески света на горизонте. Вскоре лагерь оживет, и их силы будут потрачены зря. В то же время его люди были истощены. Он устал, и в бою это могло легко означать разницу между жизнью и смертью.

Коджи нужно было найти баланс между отдыхом и действием. Он лежал в траве, глубоко дыша, сосредотачиваясь на моменте, когда они должны ударить. Он ощутил, как сила клинков возвращалась вокруг него. Они работали на пределе возможностей, но работа еще не закончилась.

Он не знал, почему принял решение, когда он это сделал. Возможно, услышал кашель человека, просыпающегося ото сна, а, может, просто устал ждать. Напряжение перед битвой могло довести воина до безумия. Действуя почти импульсивно, Коджи сократил большую часть дистанции между собой и стражами и прыгнул на них.

Удивление было сильно. Он мог только представить это. Всю ночь они наблюдали за тем, что, по их мнению, было пустой прерией. А теперь клинок ночи поднялся из травы, как мстительный призрак.

Коджи оказался между первыми стражами еще до того, как они смогли вытащить мечи из ножен. Его меч дважды вонзился в сгущающуюся тьму, и стражи упали без звука. По всему лагерю из травы вылетели клинки, нападавая на ближайших стражников. Их было немного. Через мгновение штурм закончился, и над лагерем воцарилась жуткая тишина.

Клинки не издавали боевой клич. Настороженный воин мог услышать звук безвольно падающих на землю тел, но затем поднялся ветерок, и единственным звуком был шелест травы на ветру.

Коджи подал сигнал остальным клинкам, и они стали пробираться в лагерь. Он старался не думать о том, что делал. Сталь пронзала сердца спящих врагов, рассекала открытые шеи. Смерть приходила тихо, как летний ветерок.

С каждым убийством Коджи ощущал падение, кусочек него оставался в каждой палатке, куда он входил. Это была не битва, а убийство. Как долго это могло длиться?

Его ответ пришел примерно в то время, когда он был на полпути к центру лагеря. Он полагал, что это только вопрос времени, когда кто-нибудь проснется и узнает, что происходит. Крик раздался с другой стороны лагеря.

— Атака!

Крик быстро заглушили, но ущерб был нанесен. Солдаты, которые еще были живы, проснулись, и еще несколько криков присоединились к первому. Организованная резня мгновенно превратилась в хаотичную битву.

Коджи двигался быстрее, пытаясь закончить битву как можно скорее. Он двигался уверенно, ни один удар не пропадал даром. Когда он ощутил жизнь внутри палатки, он воткнул меч в ткань. Его цель не всегда была верной, и не каждый укол был смертельным, но каждый удар хотя бы ранил находящегося внутри человека. Те, кто сумел выбраться из палаток, с затуманенными глазами и без одежды, встречали более чистый конец.

Коджи был окружен смертью, кровью и криками. Один мужчина вышел из палатки с поднятыми руками, и Коджи пронзил его, только после того, как дело было совершено, осознав, что человек сдался. До рассвета было еще немного, и солдаты, которые выбрались из палаток, были зарезаны тенями, которые они едва могли видеть.

Ближе к центру лагеря из палатки вышел человек с высоко поднятым мечом. В этом

человеке было что-то особенное, и Коджи потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что. Второй взгляд показал, что мужчина держался хорошо, но был также одет в более красивую одежду, чем другие солдаты. Возможно, он был аристократом. Стремясь к настоящей битве, Коджи прошел мимо нескольких занятых палаток, чтобы сразиться с мечником.

Он дал Коджи нанести первый удар, реагировал легко, отразил и атаковал сам. Хоть риск для Коджи был больше, чем мгновения назад, он расслабился в бою. Это было сражение, которое он понимал.

Он позволил драке длиться дольше, чем следовало. Сражение с аристократом снова взбодрило его, и он не хотел отпускать это чувство. Он знал, что другие клинки приблизились к центру лагеря, и их работа была почти завершена. Закончить этот бой означало принять то, что он только что сделал.

Коджи отразил атаку и чуть не пробил защиту, но затем позволил мужчине совершить бешеный шквал ударов. Коджи чувствовал приближение атак до того, как они прибыли, и без труда парировал или уклонялся от каждой. Наконец, осознав, насколько он глуп, Коджи увернулся от удара, проскользнул ближе и убил его. По крайней мере, это убийство было почетным.

Когда аристократ замертво упал на землю, чудовищность того, что они сделали, глубоко погрузилась в сердце Коджи. Его клинки бродили по лагерю, без труда убивая последних выживших. Разгром был завершен, но, озираясь, Коджи не чувствовал удовлетворения. Это не было ни битвой, ни соревнованием, которым он гордился бы.

Кровь текла по всему лагерю, и, в конце концов, последние звуки смерти затихли. Единственными звуками были щебетание певчих птиц вдали и потрескивание костра в центре лагеря, почти потухшего. Коджи снова огляделся, разрываясь между тем, чтобы запечатлеть эту сцену в своей памяти, чтобы помнить всегда, или закрыть глаза и притвориться, будто этого никогда не было.

Он даже не приказал забрать все, что можно. Он просто вытер свой меч, вложил его в ножны и пошел прочь.

15

Мари испытывала странную смесь эмоций, глядя поверх стен Стоункипа на процессию, движущуюся по узкой дороге. Знамена лорда Исаму трепал ветер, от символа его дома ее мутило. Те знамена не видели вблизи Стоункипа много лет, южный лорд предпочитал, чтобы другие приходили к нему ради мира.

Те знамена развевались над армиями, которые вторглись в ее земли. О тех армиях вовремя предупредил Хаджими, они хотели уничтожить ее, хотя их лидер ехал обсудить условия перемирия.

Часть нее хотела приказать лучинкам обрушить град смерти и разрушения на небольшую группу. Это было бы просто. Они убрали других людей с дорог на время процессии. Атака на Исаму не подвергнет опасности ни одного солдата, зато убьет человека, который пытался уничтожить ее земли.

К сожалению, убийство Исаму могло лишь унять ее гнев. Если Исаму умрет под ее защитой, это даст повод вражеским армиям напасть, а ее враг в доме получит повод сомневаться в ее способности править. Жаль, но здоровье Исаму было важным для Мари.

И из всех лордов с Исаму было проще договориться. Он был трусом, хватался за возможности. Он был единственным лордом, который служил при короле, и он выдержал

шпоры последних двух лет, удерживаясь от битвы. Но если ей удастся убедить его прекратить атаки, баланс сил в Королевстве изменится.

Мари гадала, о чем думал лорд, приближаясь. Он ожидал, что она сдастся? Она бы не удивилась. По большому счету, Мари и дом Кита проигрывали эту войну. Если не это, то Исаму, по крайней мере, ожидал союза с крупными уступками.

Чего бы он ни ожидал, к тому времени, когда он уйдет, он не будет рад. Хотя эта встреча была вызвана другими аристократами ее дома, их рассуждения были здравыми. Мари поддержит притязания Исаму на трон, но она потребует больше, чем он мог дать. У нее были и другие идеи, которые он также мог возненавидеть. Но она не сдастся ему. Ее люди не будут страдать под властью другого дома, который будет только ими пользоваться.

Мари почувствовала, как легкая дрожь прошла по ее телу, когда первые шеренги почетного караула Исаму прошли под воротами в узкие переулки. Группа будет уязвима для атак на сотни шагов, даже когда они достигнут первого двора, который также был спроектирован как место убийства в случае нападения. Соблазн отдать приказ почти одолел ее. Одной командой она могла отрезать голову другому дому. Она силой воли заставила себя отказаться.

Она покачала головой. Линия Исаму была сильной, и, учитывая хаос прошлых лет, она не сомневалась, что его преемник был подготовлен, в отличие от других домов. Его убийство только настроит их против нее еще сильнее.

Мари спустилась со стен во двор, где ждали Исаму и его почетный караул. Хотя это было обычное приветствие, Мари чувствовала напряжение в воздухе. Она взяла с собой только четырех ближайших стражей, не больше, чем она взяла бы, если бы шла в уборную. Аса по какой-то причине не появилась, но Мари решит эту проблему позже. Против сотни солдат, составлявших охрану Исаму, у них не было шансов. Мари предложила Исаму тот же шанс, который он предложил, войдя в Стоункип. Как лучше было доказать ее доверие?

По невидимому сигналу стражи, одетые в зеленый цвет дома Исаму, разделились, дав Мари свободно пройти к Исаму. Она прошла вперед, оставив стражу позади.

Исаму соскользнул с лошади, и их взгляды встретились впервые за много лет. Мари, сохраняя нейтральное выражение лица, слегка поклонилась ему. Он поклонился так же, по крайней мере, в знак уважения. Возможно, был шанс на мир. Она почти осмелилась надеяться.

— Я приветствую вас в Стоункипе, лорд Исаму. С момента вашего последнего визита прошло много лет, и для меня большая честь, что вы приняли мою просьбу.

Исаму осторожно огляделся, будто все еще ожидая какой-то ловушки. Его ответ был механическим, в нем не было и намека на его истинные чувства:

— Для меня большая честь получить приглашение. Благодарю за гостеприимство.

Мари указала на тропинку, которая вела к центру города.

— В своем последнем письме вы проявили желание посетить святыни, посвященные моему отцу и брату. Я буду рада сопровождать вас. Мой главный советник, Такахиро, проведет всех, кто не присоединится к нам, к их покоем.

Исаму согласился и выбрал себе четыре стража. Мари отметила количество, радуясь, что Исаму уважал ее гостеприимство. Признаки были небольшими, но другой лорд показывал, что был готов работать вместе.

Мари шла к храму своей умершей семьи. Путешествие было долгим, и из уважения к гостю она намеренно замедлила темп. Крутые дороги Стоункипа утомляли большинство

посетителей, и Исаму едва ли был в отличной форме. Как следствие, им потребовалось немало времени, чтобы добраться до храма, и к тому времени коренастый лорд шумно дышал и вытирал лоб каждые несколько секунд, хотя они не двигались быстро. Мари, как вежливая хозяйка, не упомянула об этом.

Со всеми обязанностями, требующими ее внимания, Мари не посещала храм так часто, как ей хотелось бы. Она приказала их изготовить, и их вид отражал ее простые убеждения. Маленькие символы представляли каждого из членов семьи, которых она потеряла. Храм днем и ночью охраняли несколько членов предыдущего почетного караула, и Мари дала понять, что любая попытка опозорить храм приведет к суровым последствиям.

Она была удивлена, увидев искренние эмоции на лице Исаму, когда он медленно опустился на колени и склонил голову у храма. Когда она получила записку, она ожидала, что запрос был политическим маневром, направленным на то, чтобы повлиять на ее отношение к лорду. Но, видя морщины на его лице и горе, которое он испытывал, Мари пересмотрела свое предположение. Она выразила свое уважение и подождала, пока Исаму закончит. Когда он снова встал, она с удивлением увидела, что его глаза покраснели.

Она заговорила мягко:

— Я не знала, что у вас такие сильные чувства к моей семье.

Губы Исаму были поджатыми. Когда он заговорил, казалось, что он все еще боролся за контроль:

— Я очень скучаю по вашему отцу. Мы оба были правителями во времена стабильности, и в хаосе, который окружает нас сейчас, его мудрости очень не хватает. Но больше всего я скучаю по Джуро. Вы знали, что я был с ним всего за день до его смерти?

Мари кивнула. Благодаря ее исследованию и знакомству с Асой и Коджи, она знала историю последних дней Джуро лучше, чем кто-либо другой.

Исаму продолжил, его взгляд сосредоточился на точке вдаль:

— Я часто думал о тех днях и о том, можно ли было что-то сделать по-другому. У меня не так много ответов, но я могу сказать следующее: Джуро всегда вел себя достойно, какой бы безвыходной ни становилась ситуация. Он был хорошим человеком, и во многих отношениях, когда я оглядываюсь на свое поведение во время кризиса, мне становится стыдно. Ваш брат, каким бы молодым он ни был, научил меня придерживаться более высоких стандартов. Вы должны гордиться им.

Эти слова тронули Мари. Она поклонилась Исаму еще ниже.

— Я горжусь.

Поза Исаму изменилась, и у Мари создалось впечатление, что они собирались перейти к причине визита Исаму. Он заговорил внезапно твердо:

— И я знаю из писем вашего отца, что Джуро стал главой своей семьи только после просьб. Он не стремился править. К сожалению, он родился воином, но умер до начала войны.

Он многозначительно посмотрел на Мари.

— Но вы забрали место главы своего дома в разгар войны. Судя по отчетам, которые я слышал, вы выщарапали себе путь к вершине и с трудом удержали свой дом.

Гордость и тепло, которые чувствовала Мари, мгновенно исчезли. В этом заявлении не было уважения к правлению Мари. Исаму вел себя так, будто она всего лишь играла в управление домом и не относилась к власти всерьез. Но она не могла встретить его неуважение своим.

— Как и все мы, я делаю только то, что должна. Мой народ нуждается в защите в эти жуткие времена, и это моя единственная забота.

То, что она сказала, должно быть, нашло отклик у Исаму, потому что он кивнул, будто она сказала что-то достойное.

— Думаю, пригласив меня сюда, вы сделали соответствующие первые шаги. Эта война может уничтожить всех нас.

Мари пока не хотела начинать этот разговор. Исаму прибыл быстрее, чем она ожидала, и, чтобы иметь самую сильную позицию на переговорах, ей нужен был еще один день. К счастью, как хозяйка этого собрания, она припасла много трюков.

— Лорд Исаму, нам есть о чем поговорить, но я не хочу мучить того, кто провел весь день в пути. Как вы помните, здесь, в Стоункип, рано садится солнце. Вы и ваши люди будете обеспечены, а завтра в полдень мы устроим пир в честь вашего приезда. После этого мы сможем обсудить будущее двух наших домов.

Ее последняя фраза была тщательно продумана. Если он подозревал, что она сдастся, это успокоит его ложным чувством безопасности. Как бы то ни было, она заманивала его, стараясь угодить ему в его интересах. На лице Исаму промелькнуло разочарование, но он быстро скрыл это. Если бы Мари не искала его, она бы, наверное, не заметила.

В интересах Исаму было действовать быстрее. Каждый прошедший день был еще одним днем, когда мог быть обнаружен заговор его армии на юге. Но у Мари были свои причины для промедления. Они играли в сложную игру и только сделали первые ходы.

* * *

Мари заставила себя перестать топтать ногой. Вскоре она впервые за день встретится с Исаму, и начнутся настоящие переговоры о будущем ее дома. Ее мысли метались от идеи к идее, не останавливаясь ни на одной. Обеспокоенность угрожала захлестнуть ее.

Прежде всего, она думала о будущем своих земель. Она писала сценарий, репетировала и готовилась к этой встрече. Последние несколько дней Такахиро проводил большую часть времени, притворяясь Исаму. Мари понятия не имела, как ему удавалось что-то еще делать. Мари знала, что была готова, но ставки были невероятно высоки. Сегодняшние ошибки могли оберечь на гибель всех на ее землях.

Кроме того, она все еще не видела Асу. Последний раз она видела клинок ночи за день до прибытия Исаму. Тогда все казалось нормальным. Но Мари знала, что Аса ненавидела свою роль главы стражи Мари. Неужели женщина решила уйти? Мари сомневалась, что Аса так могла, хотя знание того, что клинок ночи ненавидит ее положение, сохраняло это зерно сомнения в живых.

Но сейчас она не могла беспокоиться об Асе. Ее стража хорошо работала даже без Асы, поэтому клинок ночи будет проблемой, когда Исаму уедет. Тем не менее, сознание Мари продолжало возвращаться к проблеме, которую она не могла решить.

Наконец пришло время начинать пир. Мари сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем покинуть свой небольшой кабинет и направиться к залу.

Когда она прибыла, Исаму и его ключевые советники уже были на месте. Кубки были наполнены вином, а внимательные слуги были готовы наполнить кубки. Мари не пожалела средств, чтобы устроить этот пир. Как и всякая часть этого визита, застолье было театром. Она показала Исаму, что ее люди все еще были счастливы и сыты, и пир выполнял обе задачи без необходимости говорить. Она поежилась от цены еды, которую можно было использовать лучше, но она сказала себе, что сможет спасти больше жизней, чем если бы

она раздала еду.

Сама Мари была наряжена в синем цвете дома, хотя выступала против этого несколько дней. Она хотела представить себя серьезным правителем, одетым в мрачную одежду. В конце концов, она согласилась с доводами Такахиро. Богатство дома нужно было показать, независимо от того, насколько неудобными ей казались одежды, и на что они намекали.

Мари не знала, какое влияние на Исаму окажут ее приготовления. Он был ветераном политических боев, которые бушевали с тех пор, как она была ребенком, но она подозревала, что он ее недооценивал. Мужчины всегда так делали.

Ее внимание было полностью сосредоточено на сцене перед ней. Конечно, присутствовало несколько ее аристократов. Йошинори и Арата стояли по разные стороны комнаты, как два столба. Мари отметила, кто с кем разговаривал и что выражали лица в комнате. Она замечала все детали.

Она почувствовала внезапный укол печали, когда воспоминания нахлынули на нее. Это был первый официальный прием в залах Стоункип за год, и он вернул воспоминания о приемах, очень похожих на этот, во время которых она страдала в детстве. В то время Джуро или Хироми всегда были рядом. Они больше никогда этого не сделают.

Когда она нашла Такахиро в толпе, она направилась к нему. Она ощутила, как ее плечи расслабились, когда она приблизилась. Он выглядел так, будто был единственным, кому было неудобнее, чем ей.

Большинство гостей выглядели расслабленными, будто любили такие собрания. Такахиро выглядел так, словно собирался в бой. Она была уверена, что он не понимал, что делал, но он поправлял свою парадную форму, будто она ему не подходила.

— Разве тебе не приходилось посещать эти мероприятия, пока я росла? — спросила она у него.

Он взглянул на нее.

— Время от времени. Обычно мое поведение было настолько плохим, что родители извинялись за меня и оставляли меня дома. Так всем было лучше. Когда я отказался от претензий на земли семьи, меня больше не приглашали.

Мари кивнула.

— Прости, что все испортила.

Такахиро тихо рассмеялся, она едва слышала.

— Все мы должны приносить жертвы ради долга, — сказал он.

Они еще немного поговорили и разошлись. После пары мгновений с ним Мари ощутила прилив сил, была готова разбираться с лордом Исаму. И это было хорошо, ведь внезапно появился бесконечный поток людей, которые хотели поговорить с ней.

Пир длился дольше, чем ожидала Мари. Когда он закончился, солнце уже опускалось за горы за Стоункипом.

Мари и ее советники ушли в комнатку с Исаму и его свитой. Они сели, в дверь постучали, и Такахиро впустил гонца. Тот передал Такахиро запечатанную записку, и сердце Мари забилось быстрее. Она ждала этой записки. Она встала, и он вручил ей послание.

Дрожащими пальцами она открыла послание, гадая, было ли когда-нибудь в записке такое важное послание. Записка была длиннее, чем нужно, генерал Масааки, как всегда, был многословен, но Мари выдохнула с облегчением.

Получив хорошие новости, Мари снова села за стол переговоров, чувствуя первое подобие контроля. Они обменялись любезностями, но, благодаря застолью, это длилось

недолго для встречи такой важности.

Мари, как хозяйка, перешла к обсуждению главного вопроса:

— Лорд Исаму, я пригласила вас сюда сегодня, чтобы обсудить условия мирного договора между вашим и моим домом.

Исаму был опытным политиком, но проницательные глаза Мари все еще увидели быструю вспышку удивления. Он действительно думал, что она сдастся.

— Леди Мари, — ответил он, быстро приходя в себя, — для меня большая честь обсуждать с вами такие условия. Какие условия вы предлагаете?

С запиской в руке она смело начала:

— Во-первых, все ваши вторгшиеся отряды должны отступить на земли вашего дома. После завершения отступления я предлагаю увеличить торговлю между нашими домами. У нас есть избыток золота и железа, и, хотя у нас достаточно еды, чтобы пережить год, я желаю пополнить наши запасы. Наконец, я поддерживаю вашу кандидатуру на трон нашего Королевства. Я считаю, что вы лучше всего подходите, чтобы вести нас в это время.

Она не была в этом уверена. Исаму был талантливым и выжил в политической жизни. Но он редко делал трудный выбор, а такое будет часто ожидать следующего короля. Как бы то ни было, в ее понимании он был гораздо лучшим выбором, чем Каташи, и она не думала, что Королевство примет ее. Ее дом с трудом ее принимал.

На этот раз Исаму не смог скрыть шока. Он явно не ожидал столь агрессивных условий договора. По мнению Мари, предложение было настолько заманчивым, насколько она могла его сделать. Все, что было меньше, было недостаточно для ее народа. Но хватит ли этого? Когда Исаму ответил быстро, сердце Мари сжалось:

— Леди Мари, я уважаю мужество, которое потребовалось, чтобы предстать передо мной сегодня и сделать это предложение. Но вы не хуже меня знаете, что у вас и вашего дома очень мало силы в переговорах. Вы в меньшинстве и отступаете. Зачем мне отступать, когда победа близка? Я счастлив и более чем готов обсудить условия вашей капитуляции, но не ошибитесь: именно поэтому я здесь. Мир в Королевство придет с вашим отречением.

Мари не удивило, что Исаму так думал. Она, возможно, надеялась, что это может быть разрешено мирным путем, но шансов было мало. Однако она могла уверенно делать свои следующие шаги.

После короткой паузы Исаму сразу же начал озвучивать свои требования на случай, если она сдастся:

— Каждый из ваших генералов будет привлечен к суду за их поведение. Я бы посоветовал вам предстать перед судом за вашу роль в этой войне, но как обезумевшая молодая женщина вы не можете нести ответственности. Из уважения к вашим брату и отцу я бы не хотел ваших страданий. Было бы лучше, если бы у этих земель был более сильный и разумный правитель. Лорд Каташи и я были бы рады найти вам подходящего супруга, достойного роли лорда. Если вы откажетесь от этой возможности, я буду вынужден настоять на том, чтобы вы предстали перед судом. Ваши земли будут разделены между двумя оставшимися домами, и вы признаете лорда Каташи законным королем Королевства.

Мари не могла не удивиться размаху требований. Она ожидала, что дом Кита перейдет к кому-то вроде Йошинори. Она никогда не думала, что они полностью разрушат его, если она не будет сотрудничать.

— Вы не видите шансов на более справедливое соглашение?

Голос Исаму был холодным:

— Если вы будете сопротивляться, ваш дом будет разрушен, и любой аристократ, не присягнувший лорду Каташи, будет убит. Ваши силы будут разбиты.

Мари позволила ухмылке проступить.

— Вы, конечно, имеете в виду тяжелую кавалерию, которая пытается прокрасться через мой западный проход?

Лицо Исаму застыло от удивления.

— Они потерпели поражение от большого отряда клинков ночи. Мои армии будут и дальше организованно отступать, и ваше наступление станет еще более кровавым, — она передала ему послание и дала время прочесть его. — Несомненно, вы сами получите известие через несколько дней, когда они не пришлют отчет.

Лорд быстро прочитал послание, его лицо ожесточилось. С точки зрения численности, силы, убитые Хаджими и его клинками, не были такими уж большими, но они пытались обойти генерала Фумио с фланга, который оказался бы зажат между тяжелой кавалерией Исаму позади него и хорошо обученными силами Каташи впереди. Даже с клинками у Фумио не было бы шанса. Война закончилась бы через две недели или меньше.

Теперь конец не маячил, и как только силы Мари уйдут к горам их земли, цена за каждую лигу земли станет намного выше. Исаму знал это.

— Лорд Исаму, — сказала она. — Мой дом не рухнет. У вас еще есть один шанс предотвратить новое кровопролитие.

Мари не знала, что сделает лорд, но его реакция шокировала ее. Он встал, ударил кулаками по столу и, не говоря ни слова, ринулся прочь. Она никогда не видела ничего подобного от лорда. Он был похож на мальчика, у которого отняли игрушечный меч.

Она решила пока не давить. Она надеялась, что он успокоится, и они смогут возобновить обсуждение. Она не питала надежды, но любой шанс был лучше, чем никакой. И хотя ее дом мог сопротивляться, она все еще не видела пути к победе. Она удалилась в свои комнаты, но не успела расслабиться, как в дверь постучали. Было всего несколько причин, по которым ее могли беспокоить, и ни одна из них не была приятной.

Как она и ожидала, это был Такахиро. Его голос был серьезен:

— Лорд Исаму хочет увидеть вас.

— Впусти его, — если его интересовали мирные переговоры, они встретились бы более формально. Это означало только то, что он планировал выразить недовольство лично.

Она не удивилась, когда он ворвался в ее кабинет.

— Вашему отцу было бы стыдно.

Его лицо было темно-красным, и Мари на мгновение подумала, не нападет ли он на нее прямо здесь, в ее кабинете. Но затем ее гнев поднялся против него.

— Чушь. Мой отец был благородным человеком, и он хотел бы, чтобы я делала все, что в моих силах, чтобы обезопасить свой народ. Каташи не подходит на роль их короля.

Гнев Исаму только усилился из-за ее неповиновения.

— Вы продолжаете прятаться за клинками, заставляя их снова и снова спасать ваши земли. Но для них здесь не осталось места, — он произносил каждое слово резко, будто слова были мечом, рубящим ее щит. — Они все умрут, и ваш дом зачахнет и рухнет, потому что у вас не хватило ума или чести действовать так, как подобает лорду.

Прежде чем она смогла ответить, он развернулся и вылетел за дверь, оставив ее наедине с ее неудачей.

* * *

В ту ночь летняя буря пронеслась из долины вниз к горам, окружающим Стоункип. Молния ударила в темном небе, и гром грохотал среди камней вокруг дома Мари. Уже не в силах заснуть, Мари сдалась и оделась.

Преследуя лишь смутную цель, Мари направилась к храму Джуро. В жизни она опиралась на брата больше раз, чем могла сосчитать, и его воинственный дух был твердой опорой во всех ее бедах. Эти проблемы казались почти бессмысленными по сравнению с проблемами, с которыми она столкнулась теперь. Но, возможно, дух Джуро все же мог помочь ей.

Она шла по городу с опущенной головой, задумавшись, в сопровождении обычного отряда стражи. Аса все еще не появилась, и Мари все больше верила, что клинок ночи нарушила данное слово. Иначе почему она пропала на несколько дней?

Дождь загнал большинство горожан в теплые укрытия домов, оставив лишь несколько смелых и стойких душ под ударом бури. Один из стражей Мари держал зонтик над ее головой, сражаясь с дождем и проигрывая. Мари продолжала идти, не обращая внимания на то, что вода пропитала ее одежду или плескалась по ее ногам. Она была не из тех, кто так легко простужался, и влага ее не беспокоила.

Она остановилась прямо перед храмом. Ее первой бессвязной мыслью было то, что храм был слишком мал. Чего действительно заслуживала ее семья, так это большого памятника, камня, который внушал бы благоговение всем, кто его видел. Ей хотелось оставить что-то, что протянет дольше ее жизни и ее правления, которые, казалось, становились короче с каждым днем.

Она покачала головой, чтобы прояснить мысли, и грустно улыбнулась. Никто из ее семьи не интересовался наследием, которое несло правление. Она подозревала, что это произошло из-за влияния их отца, человека, который рассматривал свое положение как ответственность и долг. Их воспитывали с верой в то же самое, и это основополагающее убеждение продолжало поддерживать Мари.

Она смотрела на храм, ее разум был почти полностью пуст. Человек, которого она наняла архитектором для проекта, защитил храм от непогоды, и, когда дождь пропитал всю ее одежду, единственной мыслью, которая занимала Мари, было то, что она была благодарна за то, что мощи ее семьи остались сухими.

Внезапная волна горя захлестнула ее, неожиданно свирепая. Она потеряла контроль над ногами и упала на колени, ее страж не успел сдвинуть зонтик, чтобы защитить ее от бури. Ее слезы смешались с дождем, и Мари была благодарна за то, что любой, кто проходил мимо, не видел масштабов ее страданий.

Словно ее мысли вызвали его, рядом с ней вдруг появился Такахиро. На этот раз он не выглядел подготовленным. Он будто только что проснулся от глубокого сна.

Он не сказал ни слова, но опустился рядом с ней, его поддержка была молчаливой и непоколебимой. Он протянул руку и взял зонтик у стража, который выглядел благодарным за то, что у него больше не было этой обязанности.

— Спасибо, — сказал он. — Можете стоять на страже. Я сделаю все возможное, чтобы леди Мари оставалась сухой, — он кивнул в сторону каменной арки позади них, единственного входа в алтарь, который давал некоторую защиту от бури. Остальные стражи собрались там. Страж кивнул благодарно и ушел к остальным.

Мари была рада, что он не задал никаких вопросов. Он просто встал на колени, защищая ее от непогоды и разделяя ее горе. Он хранил молчание, как призраки ее предков, и в тот

момент она была очень благодарна за присутствие одного человека.

— Как думаешь, они бы гордились? — спросила она. — Или им было бы так стыдно, как все думают?

Другой утешил бы ее, сказал бы, что, конечно, они гордились бы. Но не Такахиро.

— Я не знаю. Думаю, Джуро гордился бы. Ему всегда нравилось, когда ты спорила со своим отцом и противоречила ожиданиям других.

Воспоминания о детстве вызвали на ее лице тонкую улыбку.

— Джуро подумал бы, что я глупа, раз так скорблю у его храма.

— Точно.

Мари ничего не могла с собой поделать. Она засмеялась, громко и долго, печаль и нелепость слились воедино. Такахиро не присоединился к ней, но у него была легкая улыбка, которой она не видела от него в эти дни.

— Вряд ли я смогу сделать Королевство целым, — призналась она.

— Вряд ли такое от тебя ждут, — ответил Такахиро.

— Ждут, — сказала она и встала. — Люди не любят изменения. Они хотят, чтобы жизнь была такой, как прежде, хотя вернуться к прошлому невозможно. Этого от меня хочет мой народ. Что бы я ни делала, я не могу дать им это.

— Так что ты собираешься делать?

Мари замерла. Что-то в ней изменилось, последняя тревога из-за ожиданий других угасла. Хоть небо было затянуто облаками, и дождь стучал по зонтику, она чувствовала себя почти как ребенок в летний день, когда солнце обжигало кожу.

— Я не могу вернуть прошлое, но могу предсказать будущее. Нашим людям нужно быть в безопасности, — ее голос замер, когда слова Такахиро вернулись к ней.

В ее голове зародилось семя идеи, туда ушло все ее внимание. Это могло сработать. Она пыталась привести аргументы против этого, даже не желая говорить об этом, пока не убедилась, что это не было глупо.

Она знала, что это могло сработать. Она вспомнила, как ее отец однажды сказал, что лучший компромисс — это тот, в котором каждая сторона думает, что с ними поступили несправедливо. Это был знак истинной золотой середины. Идея Мари подходила.

Другим лордам придется подумать, что у них нет шансов положить конец войне. Цена продолжения войны должна была быть больше, чем затраты, связанные с согласием с идеей Мари. Ее разум закипел.

Утром ее ждал разговор с лордом Исаму. После их сегодняшнего разногласия это было непросто, но он был здесь, и ей нужно было воспользоваться возможностью. Теперь, более чем когда-либо, он должен был увидеть, во что обходилась война. Вместе они могли сделать предложение Каташи.

Она хотела озвучить Такахиро свое предложение, когда к воротам подбежал гонец. Он передал записку стражу, который поспешил отнести ее Мари. Такахиро взял записку и перевернул ее. Мари увидела черную печать, указывающую на срочное сообщение.

Такахиро взял записку и прочел ее, затем передал Мари. Выражение его лица было нечитаемым.

Мари поняла, что послание было от генерала Фумио. Записка была лаконичной, почерк было просто узнать. Она прочитала послание дважды, чтобы убедиться, что у нее не было галлюцинаций.

— Каташи остановил свое продвижение.

Такахиро кивнул.

— Если отчеты разведчиков Фумио верны, это означает, что изрядная часть армии Каташи возвращается домой.

Для них связь была очевидной. Миссия Коджи работала. Каташи пришлось отправить часть сил домой, чтобы остановить клинков ночи.

Мари внезапно поняла, что это означало, и как это могло помочь ей убедить других лордов в том, что ведение войны обходится дорого. Она надеялась заставить Исаму увидеть причину утром, прежде чем он уедет из города. Каташи теперь знал, во что ему обходилась война. Это был лучший шанс реализовать ее идею.

Впервые за месяцы она почувствовала проблеск надежды. Возможно, ей удастся найти выход. Возможно, ей не удалось спасти Королевство, но она могла спасти народ.

Затем ей пришла в голову еще одна мысль, омрачившая ее настроение. Если Каташи двигала столько войск, сколько подозревал Фумио, это означало, что между Коджи и безопасностью ее родных земель стояла почти целая армия, и они жаждали крови.

16

Аса медленно очнулась. Она думала, что глаза были открыты, но ничего не видела. Она зажмурилась, а потом поняла, что повязка была на ее лице. Она застонала, но не могла пошевелить челюстью. Огромный ком ткани сунули в ее рот и плотно привязали. Как только она поняла это, буря ощущений ударила по ней.

Ее ладони были над ее головой. Она попыталась пошевелить ими, растерянная из-за отсутствия чувств в руках. Она услышала лязг цепи и ощутила, как сталь впилась в запястья. Значит, наручники были закреплены где-то над ней. Учитывая отсутствие чувствительности в ее руках, она находилась в таком положении, по крайней мере, большую часть дня.

Она попыталась пошевелить ногами и обнаружила, что они тоже были прикованы цепями. Цепь немного прогибалась, и она могла шаркать ногами, но казалось, что цепь застряла где-то между ее ног. Если бы она захотела, она бы не смогла уйти далеко.

Паника поднялась в горле, вызывая рвоту. Но ничего не вышло, и она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы совладать с собой. Страх не давал ей ничего полезного в такой ситуации. Спустя некоторое время она восстановила видимость контроля.

С контролем пришел гнев. Гнев на себя и на человека, который сделал это с ней. Насколько глупой она была, попав в такую предсказуемую ловушку? Она сделала себя мишенью из-за чистой лени.

Произошедшее было очевидным. Ее дали какое-то вещество и унесли из гостиницы, вероятно, на виду у присутствующих. Учитывая, что она регулярно пила, она подозревала, что случившееся никого не заинтересовало.

Вопросы наводнили ее мысли. Кто-нибудь ее искал? Как долго она отсутствовала? Почему кто-то напал на нее? Знала ли Мари, что происходит?

Мысль о Мари застыла в ее мыслях. Что бы ни происходило с Асой, это был заговор, чтобы каким-то образом добраться до Мари. Аса не выполнила свое обещание. Чистая, раскаленная добела ярость пронзила ее тело, и она дернулась в цепях, пытаясь закричать.

Она не могла вырваться. Цепи были хорошо закреплены, и, хотя клинок ночи обладала разными навыками, способность гнуть сталь не входила в их число. После нескольких ударов сердца ее ярость исчезла так же быстро, как и разгорелась. Внезапная пустота наполнилась печалью, и она почувствовала, как слезы потекли по ее лицу, их впитывал кляп.

Голос заговорил ближе, чем ожидала Аса. Она вздрогнула и услышала смех. Она так

сосредоточилась на страданиях, что даже не проверила округу. Ее мастера были бы разочарованы. И не по одной причине.

— Она, наконец, очнулась, — сказал голос. Аса не видела мужчину, но его голос был низким и грубым. Она представила, как огромный мужчина скалился, ближе, чем должен был находиться. Ее сердце колотилось, но она смогла совладать с реакцией. Она не покажет им страх. Ее собирались пытаться? Она знала какую-то информацию, которую они искали?

— Нет смысла враждовать с ней, — ответил второй голос. Голос, тоже мужской, был выше и мягче. Аса представила себе ситуацию. Первый голос был мускулом, а второй голос — мозгом. — Он сказал не причинять ей вреда.

Итак, был третий. Значит, эти двое даже не были главными. Слова помогли ей расслабиться. Она воображала возможности, но если они не собирались причинить ей вред, многие из них больше не имели значения.

Первый голос теперь был в нескольких шагах от нее:

— Но когда он с ней покончит, что тогда?

— Я не знаю. Но не надейся.

— Ладно.

Аса услышал шорох, мужчина сел на пол.

— Хотя она хорошенькая.

Было еще больше звуков, и Аса вспомнила, что зрение — не единственный способ получить информацию. Она сосредоточила чувство, радуясь, что вещество не повредило ее таланты. С ней было двое мужчин, больше никого. Странно, но поблизости никого не было. В Стоункип это впечатляло. А если она была не в Стоункипе? Как долго она была без сознания?

Второй мужчина подошел к ней вплотную.

— Я уберу кляп, — сказал он. — Но тебе нужно знать, что нет смысла кричать. Ты — клинок ночи, так что понимаешь, что это правда. Я дам воды и немного еды, если ты не будешь причинять беспокойства. Если станешь шуметь, я просто намочу твой кляп и не дам тебе еды. Ты сможешь пока пожить и без нее. Понятно?

Аса кивнула. Мужчина не врал насчет их ситуации. Если она закричит, никто ее не услышит.

Нежные пальцы убрали кляп и замерли. Аса не кричала. Она ощутила, как мужчина кивнул. Он поднес к ее губам кружку. Асе пришлось медленно пить. Она подумывала плюнуть в него, но смысла не было. От этого плен станет лишь сложнее.

После воды он дал пару ложек риса. А потом вернул кляп и крепко привязал. Аса даже не успела задать вопрос. Мужчина вернулся к другу, и они оставил Асу в плену без надежды на спасение.

* * *

Время потеряло значение. Сначала она пыталась отмерять время по тому, как второй мужчина давал ей воду, но промежутки не были равными. Порой он делал это часто, иногда времени проходило много. Аса гадала, воспринимала ли ситуацию точно, или ее понимание времени исказилось.

Она стала думать, что была в какой-то пещере. Воздух был влажным и холодным, и сколько бы времени ни проходило, неподалеку никто не появлялся. Если она не была в Стоункипе, пещера была логичным вариантом.

Она потратила немного времени на изучение. Она убедилась, что ее запястья и лодыжки

были скованы. Обе цепи были хорошо закреплены, что она доказала, когда попыталась перенести весь свой вес на руки. Она будто порвала что-то в левом плече, когда пыталась, ее мышцы не могли выдержать напряжения после вынужденного положения. Мужчины, которые схватили ее, позаботились о том, чтобы она не сбежала.

Они были настолько уверены в своей работе, что даже не возражали, когда она проверяла путы. Их волновало только то, что она издавала слишком много шума, и она подозревала, что шум просто раздражал их, а не подвергал опасности быть обнаруженными. Она не чувствовала никого с тех пор, как проснулась. Не было даже намека на загадочное третье лицо.

Со временем Аса погрузилась в депрессию. Она злилась на себя за то, что ее схватили, но ее плен показал нечто более пугающее: она не знала никого, кто пришел бы за ней. Мари, зная, что Аса думает о своей роли, решил, что Аса ушла, не попрощавшись. Коджи был сосредоточен на спасении дома Мари на далеких землях. Она больше ни с кем не подружилась. Сузо была ближе всех к подруге, но даже она знала, что Аса терпеть не могла роль главы стражи. Она, вероятно, предположит то же, что и Мари.

Аса никогда не чувствовала себя такой одинокой, как в этой пещере. Она вытеснила из своей жизни всех, кто мог о ней заботиться, и в трудную минуту ей не на кого было положиться. Она все больше убеждалась, что эти мужчины были достаточно осторожны, чтобы ей не удалось сбежать в одиночку.

Она все глубже впадала в печаль, жалость к себе подавляла даже ее гнев на себя.

В какой-то момент второй мужчина ушел. Аса волновалась, что первый мог попробовать что-то без второго, но, похоже, он передумал. Или, по крайней мере, он ждал, пока неизвестная цель с Асой будет выполнена.

Когда вернулся второй мужчина, Аса услышала звук капающей с него воды.

— Насколько плохо? — спросил первый мужчина.

— Будто идешь днем, так много молний, — ответил второй мужчина.

Первый хмыкнул.

Аса поняла, что была ночь. Это было уже что-то. Это не помогало понять, сколько времени она была без сознания, но любая информация могла пригодиться позже.

— Есть вести? — спросил первый мужчина.

Словесного ответа не было, и Аса проклинала себя за то, что не уловила движение второго мужчины. Пещеру наполнила тишина, и время снова стало ползти как улитка.

Аса ощутила другую жизнь вдали. Очень далеко, но это было первым изменением за долгое время, так что это радовало. Она следила за новой жизнью. Она медленно приближалась к ним, куда медленнее второго мужчины. Казалось, человек не знал путь. Он несколько раз возвращался, но все еще двигался к Асе.

Энергия приблизилась, и Аса узнала человека. Сузо. Ее сердце забилося с радостью. Спасение!

Восторг сменился страхом. Сузо была хорошей, но не опытной. Первый мужчина умел сражаться. Сможет ли Сузо победить людей, которые знали, что делали, и видели бой?

— Эй, — сказал первый мужчина, и Аса поняла, что Сузо увидели. Произошло быстрое перемещение, и Аса почувствовала, как двое мужчин встали и смотрели на незваного гостя. — Кто ты?

Второй засмеялся с презрением в голосе.

— Одна из женщин этого клинка ночи училась охранять Мари. Жалкое зрелище.

Больше, чем когда-либо, Аса хотела, чтобы Сузо убила этих людей. Она хотела бы помочь, но любое ее действие могло отвлечь Сузо больше, чем мужчин. Она заставила себя замереть.

Аса ощущала всю битву. Второй мужчина лениво замахнулся. Он играл с Сузо, но Аса учила своих воинов драться искренне. Были битвы, в которых проверка оппонента могло выявить важные детали. Но чаще было гораздо разумнее атаковать только с намерением убить.

Сузо хорошо усвоила этот урок. Она с легкостью отразила слабую атаку, повернула меч и тут же шагнула ко второму мужчине. Ее меч вонзился в него простым решающим ударом. Аса одобрила. Сузо мало что рассказывала о своих навыках, но все же убила одного из противников. Женщина была одной из ее лучших учениц, и Асу успокоило отсутствие сомнений в движениях Сузо. Колебание легко могло означать смерть.

Первый мужчина вытащил меч, его удивление было очевидно в том, как он попятился от Сузо. Когда у него появилось немного больше места, он расслабился и принял стойку.

Аса мысленно выругалась. Если бы она давала указания, она бы сказала Сузо воспользоваться преимуществом после первого убийства. У нее было несколько драгоценных секунд, чтобы заставить первого мужчину защищаться. Но это было первое убийство Сузо, и она на миг растерялась. Аса вспомнила свое. Даже самым лучшим требовалось время, чтобы оправиться от эффекта.

К счастью, через несколько мгновений Сузо обратилась к последнему сопернику. Она не была ошеломлена после первого боя или, по крайней мере, это не смогло повлиять на нее.

Свой первый бой она выиграла легко, что придало ей уверенности. Но самоуверенность была так же опасна, как и страх. Впервые Аса была рада, что ей заткнули рот. Иначе она, вероятно, кричала бы Сузо, отвлекая женщину до смерти.

Мужчина напал, как и ожидала Аса. Как она и опасалась, он был опытным. Но все же его движения были грубыми, и Аса поняла, что он был необученным бойцом. Он выживал только благодаря сочетанию рефлексов и врожденных навыков.

Аса напрягалась с каждым ударом, ее тело вскоре превратилось в комок нервов и мускулов. Сузо с легкостью уходила от атак мужчины, и ее обучение спасало ее. Но всякий раз, когда она пыталась напасть, реакция мужчины была слишком быстрой. Ни один из них не причинил вреда другому. Битва заключалась не в том, кто был лучше, а в том, кто первым сделает ошибку.

К сожалению, это была Сузо. Мужчина сумел порезать ее ногу, и Аса ощутила, как резко изменилась позиция Сузо. Аса выругалась. Теперь у мужчины было преимущество. Мало того, Аса глупо попала в плен, но это могло стать причиной смерти женщины, которая заслуживала гораздо большего. Она злилась на себя.

Мужчина бросился для смертельного сильного удара, призванного сбить Сузо с ног. Битва была окончена.

Но Сузо не отразила атаку. Она узнала удар и пригнулась, меч пролетел над ней. Два воина врезались друг в друга, она из-за раненной ноги, а он — из-за неуправляемой силы удара. Но Сузо все еще управляла мечом. Она ударила по мужчине. Атака была плохой, но порезала его живот глубоко.

Оба бойца упали, но Сузо быстро вскочила на ноги. Она плохо двигалась, но двигалась. Другой мужчина, похоже, пытался убрать органы в свое тело. Аса хотела посмотреть, но повязка оставалась на месте.

Мужчина не был мертв, но скоро будет. Сузо подошла, чтобы добить его.

Аса завизжала, звук приглушил кляп. Она замотала головой, к счастью, смогла привлечь внимание Сузо. Живой противник был поражением, но он знал, что умирал, и к нему было опаснее всего походить. Ему было нечего терять. Лучше было оставить его медленно умирать.

К счастью, Сузо поняла. Она отошла, встала между Асой и умирающим. Похитители медленно умер, попытался под конец бросить меч в Сузо, подтверждая догадки Асы, что он был опасен.

Но это закончилось. Мужчина перестал дышать, а после ожидания Сузо повернулась к Асе. Аса кивнула. Она уже не ощущала энергию мужчины.

* * *

Сузо вытерла и вложила меч в ножны, сняв повязку с глаз и кляп. Аса осторожно закрыла рот, чувствуя боль от того, что он так долго пробыл открытым.

— Спасибо.

Сузо кивнула, глядя на наручники. Пока Аса медленно разминала челюсть, Сузо вернулась к мертвым мужчинам, и впервые Аса увидела пещеру, в которой находилась.

Смотреть было не на что. На маленьком столике лежала колода карт и несколько припасов, а на противоположных стенах горели два факела, но в остальном Аса могла сказать только, что они были под землей. Позади нее был конец туннеля, и факелы не горели далеко впереди нее.

Сузо быстро нашла ключ у второго мужчины. Она вернулась к Асе и начала снимать наручники. Как только она это сделала, руки Асы упали. Она могла немного двигать правым плечом, но из-за травмы левого плеча было слишком больно. Каждый раз, когда ее рука двигалась, она чуть не плакала от боли.

— Как ты меня нашла?

Сузо подняла взгляд, отпирая лодыжки Асы.

— Это было нелегко. Когда я пришла в гостиницу, я услышала, что ты сильно напилась, и тебя увел незнакомый человек. Мне это показалось странным, но больше никто ничего не знал.

Аса сделала неуверенный шаг вперед, ее ноги тут же свело. Сузо пошла за водой со стола.

— На следующий день тебя не было, и я точно подумала, что что-то не так. Но у меня был свой долг, и я не была уверена. Я подумала, может быть, тебе надоело. Но когда мои часы закончились, я вернулась в гостиницу и начала расспрашивать. История не совсем соответствовала действительности. Бармен не помнил, что обслуживал тебя достаточно, чтобы напоить, и мне было трудно поверить, что ты ушла бы, не сказав нам.

Она замолчала, и у Асы создалось впечатление, что часть истории Сузо не рассказала.

— Я услышала сплетни о старых заброшенных пещерах за Стоункипом. Их построили для тайного выхода на случай падения города, как и для хранения товаров, но потом забросили. Люди вокруг таверны помнили, как ты все глубже шла в Стоункип, поэтому я решила, что пещеры — единственное место, где можно было спрятать клинка ночи. Я ждала снаружи, пока кто-нибудь не выйдет. Затем я пошла за ними.

Аса не совсем поверила этой истории, но и не усомнилась. Не после того, как Сузо помогла ей сбежать. По крайней мере, женщина заслуживала доверия. Аса нашла свое оружие. Работая одной рукой, она начала прицеплять все на места. Сузо, не говоря ни слова,

помогала.

— Как ты? — спросила Аса. — Первое убийство всегда сложно.

Сузо с отвращением оглянулась.

— Они это заслужили.

Аса закончила прицеплять оружие, но кое-что поняла. Один из ее мечей пропал. Она огляделась, гадая, не лежал ли он где-нибудь еще. Она нигде его не видела. Сузо увидела, что она что-то ищет.

— Что ты ищешь?

— Другой мой меч.

Внезапно все встало на свои места. Она знала, почему им не позволили причинить ей вред и почему ее оставили в пещере. Аса громко выругалась, и ее ноги снова чуть не подкосились.

— Нам нужно спешить. Они собираются убить Мари моим мечом.

Они, спотыкаясь, выбежали из пещер. Сузо без проблем запомнила путь, и вскоре они вернулись в Стоункип. Грохотал гром, и сверкали молнии, но они не обращали внимания на бурю. Их одежда промокла, но они продолжали бежать. Аса заметила, что нога Сузо кровоточила, и она беспокоилась, что женщина упадет, прежде чем они найдут помощь.

К счастью, они добрались до ворот замка Мари. Их впустили, и они направились к покоям Мари. К ним присоединились и другие стражи, присутствие женщин и травмы вызвали бурю негодования. Аса ощущала, что большинство из них думали, что она их бросила. Какой же душой она была. Если бы не Сузо, из-за ее отчужденности дом был бы потерян.

Они добрались до комнаты Мари, но леди там не было. Аса оглядела пустую комнату, желая, чтобы стены могли сказать ей, куда она ушла.

— Где леди Мари?

— Она пошла гулять, — ответил один из стражей.

Аса выругалась. Почему именно этой ночью?

— Мне нужен каждый страж. Разбудите всех! Найдите леди Мари и немедленно верните ее, независимо от ее приказов. Сегодня все стоят на страже!

Наступил момент ошеломленной тишины.

— ЖИВО!

Группа стала действовать, и Аса снова увидела ногу Сузо. Рана все еще свободно кровоточила. Она не могла поверить, что женщина еще ходила. Она скоро не сможет стоять. Аса схватила пробегающего стража.

— Приведи клинка дня, сейчас же!

На несколько мгновений ее жизнь затихла. Она была слишком слаба, чтобы найти Мари самостоятельно. У нее не было выбора, кроме как довериться стражам.

План против них был блестящим, и она сыграла для него. Мечи Асы были хорошо известны. Если один из них окажется в леди Мари, дом Кита будет захвачен Йошинори, и клинки снова будут обвинены в измене. Для них не будет убежища в Королевстве. Аса только надеялась, что Сузо спасла ее вовремя, чтобы они успели изменить ситуацию.

Через некоторое время в комнату вошел Джун. Аса с благодарностью кивнула ему. Он подошел к ней, но Аса покачала головой.

— Сначала ее, — она указала на Сузо.

Джун кивнул и подошел к Сузо. Глаза Сузо расширились. Вероятно, ее еще не исцеляли.

Процесс был болезненным, но часто блаженно коротким.

Когда Джун закончил, он подошел к Асе.

— Твои травмы?

— Что-то разорвано в моем левом плече, и вся боль связана с тем, что руки были скованы цепью надо мной в течение нескольких дней.

Джун ничего не сказал, но начал с ее плеча. Аса скривилась и подавила невольные слезы.

Исцеление оказалось не таким болезненным, как она ожидала. Во время плена она страдала от дискомфорта, но с ней не обращались плохо. Когда она встала, она ощутила себя усталой, но способной действовать.

Вскоре после этого в комнату ворвались леди Мари и Такахиро. По приказу Асы коридоры немедленно заполнились охраной. Когда она увидела леди, Аса ощутила, как внутри нее закипает стыд. Насколько близки они были к катастрофе из-за ее действий? Аса облегченно выдохнула. В конце концов, они еще не опоздали.

Мари посмотрела на главу стражи.

— Где ты была?

Аса быстро рассказала историю. Глаза Мари время от времени расширялись, но она ничего не комментировала. Когда Аса закончила, Мари повернулась к Сузо.

— Спасибо. Твои действия сегодня вечером могли спасти нас всех.

Сузо поклонилась, покраснев от гордости, но ничего не сказала.

Они вместе сидели и ждали. Аса знала, кем был третий мужчина, и все были начеку. Теперь план наверняка потерпит неудачу. По крайней мере, теперь у Асы было алиби. Десятки людей видели ее. Чем больше времени проходило, тем больше Аса чувствовала уверенность в их победе. К тому времени, как солнце взошло, она, наконец, начала чувствовать себя готовой ко сну.

Шарканье ног в коридоре взбудрило их всех. После переговоров в комнату вошел посыльный с бледным лицом. Сердце Асы сжалось. Что могло случиться?

— Это лорд Исаму, — сказал гонец. — Его убили прошлой ночью во сне.

17

Другое поместье стояло перед Коджи и его клинками. Солнце начало садиться за горизонт, и Коджи использовал последний свет, чтобы осмотреть местность.

Поместье стояло одиноко, хорошо продуманные здания прерывали бескрайние равнины. Коджи видел несколько стражей, но вокруг не было даже стены. Возможно, аристократ не беспокоился о нападении, но Коджи полагал, что дом был настолько маленьким, что не стоило тратить ресурсы на его защиту.

Коджи чувствовал себя в петле. Это было пятое — или шестое? — поместье, на которое они совершили набег. Его воины становились рассеянными, и это могло привести к ошибкам.

С момента убийства тяжелой кавалерии Коджи задавался вопросом, стоит ли им уйти на земли дома Кита. Лето подходило к концу, и пока дни были еще жаркими, вечером с севера дул холодный ветерок, сообщая о смене времен года. Коджи считал, что они изменили ситуацию. Должны были. Иначе зачем были их жертвы?

Но они не могли делать это вечно. Ему повезло, что он еще не потерял клинков, но единственной реальной проблемой, с которой они столкнулись, была кавалерия, и тогда им помогла неожиданность. Вскоре клинки падут, а их и без того было мало.

Хуже того, он не мог выбросить из головы сцены прошедшего лета. Ему снились кошмары о переходе через реки крови, сцены резни кавалерии повторялись почти каждую ночь. Когда он тренировался, он заметил, что становился медленнее. Его несколько раз побеждали за последние несколько дней. Клинки, которые его били, думали, что они становились сильнее. Он не хотел расстраивать их, но только он один знал правду. Он становился слабее.

Поместье готовилось к вечеру. Патруль стражи был регулярным и небольшим. Коджи видел мало людей, но, учитывая размер поместья, он не был сильно удивлен.

Клинки собрались, когда наступила ночь. Коджи быстро обдумал план, но сказать было нечего. Они подходили с разных сторон и сразу убивали стражу. Затем совершали набег на поместье, сжигали то, что не могли унести, и убивали аристократа. Коджи не видел причин менять подход, который до сих пор работал так хорошо.

Они разделились на обычные группы и направились к поместью. Благодаря дару они могли следить друг за другом даже в темноте. Но, когда они подошли к поместью, Коджи начал испытывать беспокойство. Волосы на затылке встали дыбом, но он не знал, почему.

Он сделал паузу, пытаясь понять, почему беспокоился. Потом осознал свою ошибку. По их наблюдениям издали, поместье не было многолюдным. Но, когда он подошел ближе, он ощутил энергию жизни внутри. Там было много людей, намного больше, чем он ожидал.

Изменило ли это его планы? Он мог придумать несколько причин такой разницы. Возможно, аристократы принимали другую семью, и все они ужинали в доме. Возможно, семья была намного больше, чем он предполагал. Но он не мог полностью согласовать детали со своей интуицией. Это было неправильно.

Как только он пришел к такому решению, он услышал вдалеке тихий свист, и в небе повис красный горящий шар света. Раздалось еще несколько звуков, и вскоре вся земля залилась жутким красным светом. Они были похожи на фейерверк, но не совсем.

Коджи почувствовал ловушку, хоть не знал, какую. Прежде, чем он успел среагировать, лучники выстроились в строй из главных зданий. Стражи, которые проходили по периметру, должно быть, действовали как слежка, потому что они указывали, где стояла группа клинков, заметная бдительному глазу. Люди Коджи попались из-за своей расслабленности.

Луки поднялись в унисон, и Коджи едва успел прокричать:

— Щиты! — и первая волна полетела в них.

Коджи поднял свой щит и ощутил стук стелы. Несколько пролетело мимо. Его маленькая группа не была ранена, но у него не было времени проверять других.

Они были всего в тридцати шагах от периметра поместья, когда огонь, теперь медленно уходящий вниз, взлетел в небо. Коджи не осмелился повернуться спиной к лучникам.

— В бой!

Его группа клинков устремилась вперед. Коджи почувствовал, что две другие группы делали то же самое. Небольшая часть его осознала, что группы были меньше, чем должны быть, но он был в эпицентре битвы, и у него не было времени думать.

Некоторые из лучников перешли на мечи. Другие пытались стрелять из луков с близкого расстояния. Коджи видел, что группа прошла подготовку, но этого было мало. Его клинки напали на них, разрывая их на части теперь, когда они находились слишком близко для лука. Коджи атаковал вместе с остальными, блаженно теряя себя в битве.

Он чувствовал себя медленным, будто все его конечности были отягощены. Он все еще ощущал противников, и они все еще были медленнее, чем он, но Коджи знал, что был

способен на большее.

Как только они подошли к лучникам, бой был окончен. Ловушка сработала, но лучники не были готовы сражаться с клинками. Группа пробилась в дом, и Коджи вошел в главную комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сакура пронзила шею пожилому мужчине.

Мужчина стоял на коленях, умоляя, и по качеству его одежды Коджи догадался, что он был главой этой семьи.

Коджи застыл, увидев эту сцену. Не потому, что это было необычно; им было приказано убить аристократов и оставить землю в хаосе. Но что-то в этой сцене внезапно показалось Коджи неправильным. Мужчина стоял на коленях, и лицо Сакуры было лишено эмоций. На нее это нисколько не влияло. Она могла собирать рис с теми же эмоциями, что и убивать человека.

Коджи покачал головой, пытаясь привести в порядок мысли. Еще одна благородная семья пала, это помогало Мари вернуть землю и исцелить Королевство. Он просто должен был держать это в уме.

Сообщения поступали к нему быстро. Сначала известие о том, что кладовые поместья почти полностью опустели. Почему-то Коджи это не удивило. Они были готовы к клинкам. Либо еда закончилась, либо ее уже отправили в армии.

Затем пришла весть, которой он боялся. В первой атаке они потеряли двух клинков. Коджи приказал построить костры, чтобы их отправить в Великий Цикл, как и положено клинкам. Он знал, что горе придет, но сейчас просто чувствовал себя пустым внутри.

Он хотел домой.

* * *

После набега на последнее поместье Коджи решил отправиться на северо-восток. Путь повернул бы их в сторону земель дома Кита и увел бы с пути преследующих их врагов. Насколько Коджи знал, север был тише, чем юг, где были сосредоточены все армии и маршруты снабжения.

Два дня они ехали без происшествий, но утром третьего дня их застала беда.

Одна из их разведчиков подбежала к основной группе с выражением страха на лице. Еще до того, как она заговорила, Коджи понял, что приближается что-то ужасное.

Коджи даже не успел спросить, что случилось. Разведчица крикнула, подбежав:

— Впереди большой полк!

Она остановилась перед Коджи, тяжело дыша, упирая руки в колени.

— Расскажи мне, что ты видела, — потребовал Коджи. Он волновался, что это было последствиями их успеха. В конце концов, Каташи пришлось приложить силы, чтобы остановить их. Это было частью плана.

— Я подошла так близко, как только осмелилась, но даже это было далеко. Там около пятисот солдат, все хорошо обученные. Маршируют быстро. Хотя я не уверена, я бы сказала, что это передовой отряд.

Коджи не стал терять время, подвергая сомнению оценку разведчицы. За то время, пока его группа была вместе, он научился полностью доверять другим клинкам. Хотя часть его не хотела в это верить, он подозревал, что время наконец-то пришло. Каташи шел за ним.

Клинкам хватило несколько минут, чтобы обсудить действия. Разведчица сообщила, что отряд двигался на запад. Если Коджи и клинки продолжат идти на север, отряд пройдет позади них, и клинки смогут продолжать двигаться к дому.

Коджи переместил своих разведчиков, и они повернули на север. Он хотел бы как-то

навредить армии Каташи, но у них не было шанса противостоять силам такого размера. К счастью, воевать не придется.

Когда Сакура, которая вела разведку на севере, прибежала обратно, Коджи ощутил волну страха. Было неудачно столкнуться с одним отрядом. Столкновение с двумя не было совпадением. За его группой охотились, причем немалое количество людей.

Когда клинки снова собрались, тон разговора изменился. Все они чувствовали себя так же, как Коджи. Никто не был настолько наивен, чтобы полагать, что столкновение с двумя сильными отрядами было случайностью. Их разговор был кратким.

— Мы уверены, что это передовые подразделения?

Сакура кивнула.

— Я почти уверена в том, что видела.

— Значит, мы думаем, что все это давление исходит от вторгшихся армий?

Все кивали. Все они знали, что это значит. Если армии наступали с востока и севера, самым безопасным направлением был запад, дальше на вражескую территорию.

— Пойдем глубже в земли Каташи? — Коджи не нравилась эта идея. Он хотел быть дома, а не убегать бесконечно по враждебным землям.

Группа молчала. Никто не знал ответа. Если идти на запад, это могло только продлить неизбежное.

— Единственная другая идея — это прокрасться через бреши до того, как группы сойдутся. Рискнем ли мы всем с одной попытки или заставим их преследовать нас?

— Это при условии, что у них нет отряда на западе, — мягко сказала Сакура.

Она была права. Они не знали, окружены ли они. Если они решат пойти на запад и столкнутся с отрядом, петля уже будет туго затянута на их шее.

— Я предпочел бы пробраться между силами, пока у нас есть шанс, — решил Коджи. Стиль руководства Мари отчасти передался ему. Он не хотел идти, если большинство клинков не соглашались с ним. К счастью, все они, казалось, разделяли мнение по этому поводу.

Решение было принято, все закрепили свое снаряжение и побежали. Коджи гнал их так сильно, как только осмеливался. Ему нужно было уравновесить потребность в скорости с осознанием того, что им нужно было сохранять немного энергии в резерве на случай, если придется драться. Они держались группой, а некоторые из более быстрых бегунов были на несколько сотен шагов впереди, как разведчики.

Солнце стояло высоко в небе, когда разведчики вернулись к остальной группе, преследуемые лучниками на конях. Когда разведчики подошли к основной группе, лучники поехали вокруг клинков, лениво стреляя в них стрелами. Лошади так и не подошли достаточно близко, чтобы можно было напасть, и Коджи был вынужден собрать все клинки в круг, они создали стену щитами. Стрелы врезались в защиту, но лучники не казались особенно амбициозными. Они не приближались и, в конце концов, вернулись к своим позициям. Но все это время Коджи и его группа находились на одном месте.

Коджи было не по себе. Он не видел еще такие тактики, и ему они не нравились. Противник знал, что они были клинками, и не хотел рисковать своими людьми. Одной атаки кавалерии могло бы хватить, чтобы уничтожить группу Коджи, но это стоило бы жизнью, которыми командир не считал нужным жертвовать.

Но Коджи не видел другого пути вперед. Они возобновили бег группой, пытаясь протиснуться между быстро сокращающимся разрывом между силами Каташи. Дважды они

были обнаружены и загнаны лучниками на лошадях. Лучники не подходили ближе, чем на пятьдесят шагов, и оба раза Коджи и клинки были вынуждены остановиться, пока по ним стреляли. К счастью, ни один из них не был убит в нападениях. К тому времени, как атаки закончились, щит Коджи был почти заполнен стрелами. Казалось, каждый всадник продолжал стрелять, пока его колчан не становился пустым.

Они снова побежали и, преодолев небольшой подъем, остановились. Брешь закрылась. Они столкнулись с более чем тысячей всадников и лучников. Коджи закрыл глаза, ощущая вкус смерти в воздухе. Он почувствовал, как узел в животе расслабился. Возможность выжить была минимальной, но он обрел определенный покой, как только он узнал, что они в ловушке и им конец. Позади них кавалерия отрезала любую надежду на отступление, какой бы маленькой она ни была.

Коджи приказал наступать. Его клинки устали, но они заслуживали смерти с мечом в руке. С горящими ногами, они бежали к линиям врага, с поднятыми мечами и криками.

Краем глаза Коджи увидел, как два отряда лучников на лошадях бросились в бой. Коджи выругался. Они будут в пределах досягаемости еще до того, как клинки достигнут линии врага.

— Щиты! — закричал он.

Клинки остановились, образуя круг из щитов. Лучники скакали по кругу, снова не подходя достаточно близко, чтобы можно было их атаковать. Но и по группе не стреляли.

Коджи узнал, что это было. Командир противника посылал ему сообщение.

Коджи огляделся. В круге были клинки, которые следовали близко за ним. Он видел решительные лица. Все знали, что они не выживут в этом бою, но это не пугало их. Они хотели умереть с почетом.

Коджи знал, что командир врага не допустит такого боя. На коне у них было все преимущество, и командир уберет каждого. Если Коджи и клинки атакуют, они будут сбиты лучниками. Если они будут стоять, упадет достаточно стрел, чтобы убить их. В любом случае ни один из его воинов не умрет с окровавленным мечом.

Он кивнул, приняв решение. Он встал, ломая стену. Но, как он и ожидал, на него никто не напал. Он снял ножны с бедра и держал их в правой руке над головой. Он услышал за спиной вздохи и бормотание.

— У нас не будет шанса биться, — сказал им Коджи.

Он продвигался медленно, не делая резких движений. Он встал на колени посреди поля, которое должно было отметить смерть воинов, следовавших за ним, положил меч справа от себя, где не смог бы быстро вытащить его.

Враги молчали, из звуков были только скрип кожи, случайное шарканье и фырканье лошадей. В конце концов, линии открылись, и вперед вышел одинокий пожилой мужчина. В отличие от Коджи, он нес мечи, готовый мгновенно выхватить их. Таково было право победителя.

Мужчина подошел и встал на колени напротив Коджи. Коджи поклонился, представившись. Глаза мужчины слегка расширились при упоминании имени.

— Итак, ты действительно он.

Коджи слегка кивнул, но заметил, что мужчина не поклонился ему.

— Я генерал Эмон. Вы пришли обсудить условия?

— Я сдамся, если ты обещаешь безопасный проход воинам, которые служат мне.

Эмон покачал головой.

— Вы не воины, а убийцы.

Коджи был возмущен обвинением, но продолжал настаивать:

— Безопасный проход будет предоставлен?

— Нет. Вы все погибнете в мучениях за совершенные преступления.

Коджи прищурился.

— Это не убеждает сдаться.

— А вы не в состоянии торговаться. Я пришел только потому, что хотел лично увидеть человека, который так многих напугал. Ты не дойдешь до моих солдат.

Он говорил правду, но Коджи надеялся на каплю чести от командира врага. Но, как понял Коджи, Эмон видел в них преступников, потому его действия были благородными. Преступники не заслуживали тех прав, что были у воинов.

Они были преступниками?

Коджи не мог пока ответить на это. Ему нужно было спасти свой народ, но Эмон был прав, у него не было возможности что-либо предлагать.

— Вы не знаете, на что я способен, — сказал он, вкладывая в свой голос как можно больше угрозы.

На лице генерала промелькнуло сомнение. Потом он покачал головой.

— Тебе не выиграть.

— Нет, но я могу сделать цену выше, чем ты хочешь заплатить.

Эмон ненадолго задумался над угрозой.

— Ты лжешь.

— Тогда увидимся на поле боя, — сказал Коджи. Он двинулся, чтобы схватить свой меч.

Его уверенность, должно быть, сделала свое дело. Эмон протянул руку.

— погоди.

Коджи замер, его рука зависла над ножнами.

— Ты сдашься мне, прося только, чтобы твои воины ушли свободно?

Коджи кивнул, надеясь, что его репутация стала настолько ожесточенной, что сделка могла состояться.

Некоторое время Эмон думал в тишине. Наконец он принял решение.

— Хорошо. Я принимаю твою капитуляцию.

18

Мари сидела за своим столом, ни на что не глядя. Она не могла заставить разум строить связные мысли. Ей казалось, что она жила в нескончаемом кошмаре, из которого не было выхода.

Группа, прибывшая для переговоров, стала похоронной процессией, уехала этим утром. Они уже отправили птиц на свои земли, и Мари поняла, что в ближайшие несколько дней будет иметь дело с новым правителем. Хуже того, правитель поверит, что она убила его предшественника. Всякая надежда на дипломатическое решение исчезла.

Ее воины не были готовы противостоять угрозе, с которой они теперь столкнулись. Несмотря на то, что они были храбрыми и отважными, были хорошо снабжены, нехватка количества их погубит.

Другой проблемой были клинки. Большая часть силы, которую она использовала для получения своего положения, исходила от них, но теперь эта связь угрожала всему, над чем она работала. Мари не верила, что Аса убила Исаму, но было мало доказательств. Меч, который был найден в сердце Исаму, принадлежал Асе. Поскольку никто не знал, когда был

убит Исаму, было возможно, что Аса убила Исаму, а затем забила тревогу для жизни Мари, чтобы обеспечить алиби.

Но Мари не верила — отказывалась верить, — что женщина, которую она знала, способна на такой поступок. Кроме того, Сузо поддержала рассказ Асы, и это было подтверждением, которое требовалось Мари.

Но то, что Мари считала правдой, не совпадало с тем, во что верили ее люди. Несомненно, пока она сидела, ошеломленная, аристократы уже распространяли ложную историю о том, что произошло. В сочетании с давлением, с которым она уже столкнулась, Мари не была уверена, что ее правление сохранится.

Она не знала, как продолжать. Она уже полагалась на все созданные альянсы, потянула за все услуги, которые ей были должны. Может, она могла разобраться с одной проблемой, но они приходили и дальше, и ее словно раздавила лавина катастрофы. Не в первый раз она рассматривала возможность сдать. Да, она была уверена, что ее люди пострадают, если она сделает этот выбор, но был предел тому, что она могла сделать.

Стук в дверь отвлек ее от мыслей.

— Войдите.

В комнату вошел гонец с запиской с черной печатью. Сердце Мари, уже почти разбитое, закричало от страха. Что еще могло случиться? В записке могли быть хорошие новости, но, учитывая тенденцию в ее жизни в последнее время, шансов было мало.

Дрожащими пальцами она открыла письмо. Сообщение было от генерала Фумио. Он коротко сообщил ей, что только что получил известие о том, что Коджи и клинки с ним были захвачены. По словам Фумио, Коджи сдался, и его срочно отправили на фронт, где состоится публичный суд и казнь. Фумио больше ничего не сказал в записке, но в этом и не было необходимости, последствия безмолвно осуждали ее. Как и Мари, он знал, чем занимался Коджи в последние несколько месяцев. На суде станет известна правда приказов Мари. При других обстоятельствах она могла бы не волноваться. Но поскольку ее положение и так ослабло, а клинки уже находились под подозрением в смерти другого лорда, поимка Коджи была последним событием, которое положило конец ее правлению. Она знала это так же точно, как знала, что на следующий день встанет солнце.

Мари осторожно отложила записку, будто уважительное отношение к ней как-то изменило бы содержание.

Мари вздохнула и потерла ладонями о виски, пытаясь вдохнуть новую жизнь в свой уставший разум. Должен быть способ исправить то, что было сломано. Но как бы она ни думала, ответов она не находила.

* * *

Утро стало днем, и Мари все еще не знала, как решить проблемы перед ней. Попытки найти решение ощущались как удары головой о стены ее замка. Как бы она ни работала, разницы не было.

Все внутри сжалось, когда в дверь снова постучали. Гонец принес просьбу от Араты о встрече. Мари стало не по себе, она вдруг обрадовалась, но забыла пообедать. Хоть она не знала, что Арата скажет, она могла догадаться о тоне встречи. Откладывать не стоило, и она приняла просьбу и попросила приготовить чай.

Когда вошел Арата, Мари увидела, что он выглядел старше, чем раньше. Она напомнила себе, что проблемы, с которыми она столкнулась, влияли не только на нее. В такие времена было легко думать только о себе, забывая, что кризис редко затрагивал только одного

человека. Ее проблемы были проблемами ее земли, даже если она иногда обнаруживала, что думала только о себе и о том, как остаться у власти. Это был путь, который привел к неправильным решениям, и ей нужно было оставаться осторожной, чтобы всегда ставить своих людей на первое место, а себя на второе.

Арата сел напротив нее, и она налила им обоим чаю. Арата взял чашку и благодарно посмотрел на нее. Вздыхнув, он сразу обратился к проблеме, которая его сюда привела:

— Я получил сообщение сегодня утром, что клинок ночи был пойман на землях дома лорда Каташи. Говорят, он убивал аристократов и сжигал еду, и что он делал это по вашему приказу.

Мари удивилась этому. Она только что получила птицу от Фумио и сомневалась, что кто-то еще в армии отправлял сообщения в столицу. Новость пришла слишком быстро, чтобы распространился слух. Кто-то в столице активно работал с Каташи. Мари подозревала Йошинори, но у нее все еще не было доказательств. Перед ней стояла более важная проблема. Она не знала, как ответить Арате, поэтому промолчала, ожидая, что он задаст вопрос.

— Это правда?

Она кивнула, не решаясь заговорить. Внезапно перед этим человеком, которого она так уважала, решение отправить Коджи показалось ужасной ошибкой. Но он помог. Он отодвинул значительную часть армии Каташи от фронта. Несомненно, его войска страдали от нехватки припасов, что, по крайней мере, давало ее армии надежду.

Отвращение на лице Араты остановило мысли в ее голове. Но он был слишком благороден, чтобы кричать на нее. Он заговорил тихо, но каждое слово вонзалось, как нож.

— Знаете, почему я поддержал вашу кандидатуру?

Мари покачала головой. Она всегда предполагала, что это была верность семье и тот факт, что она контролировала самые сильные вооруженные силы.

— Я поддержал вас, потому что я достаточно взрослый, чтобы помнить время, когда наши люди практически почитали клинков. Они исцеляли раны и болезни и сохраняли мир лучше, чем любой лорд или ополчение. Я знаю, что они совершили ошибки, но они не заслуживают той участи, которая им была дана. Вы, и только вы, казалось, разделяли эту точку зрения. Я посмотрел на вас и увидел лидера, который мог представить себе будущее, в котором клинки и наш народ жили в гармонии.

Теперь Мари догадывалась, куда клонил Арата, и она почувствовала, как по ее лицу текут слезы.

— Ошибка, которую совершили клинки, заключалась в том, что они искали больше власти, когда им уже было дано достаточно. Это заставило их принять глупые решения и вызвало недоверие людей. Я вижу то же самое в вас. Отправка этого молодого человека на выполнение такого ужасного задания — та причина, по которой клинкам всегда будет сложно найти дом в Королевстве. Вы разрушили не только свою репутацию, но и любой шанс, который клинки имели на мирное существование.

Мари зарыдала. Каждое слово Арата было правдой. Все сомнения, которые у нее были относительно себя как правительницы, внезапно превратились в правду.

Она поклонилась, ее лоб не коснулся пола.

— Простите. Я всегда думала, что в глубине души преследовала интересы нашей земли, но вы правы.

Она так много хотела сказать, так много версий извинений, которые казались

необходимыми, но она сохранила то достоинство, которое осталось. Слов никогда не хватит, и они оба это знали.

Когда она оторвала лоб от пола, она увидела, что глаза Араты тоже были влажными.

— Я прощаю тебя, Мари. Я считаю, что все, что ты сделала, было потому, что ты считала это правильным. Но в прошлом так было и у хороших, и у ужасных правителей. Из уважения к тебе и к твоей семье я пока ничего не скажу публично. Но я больше не буду поддерживать тебя как главу дома.

Мари знала, что это случится. Она знала с того момента, как получила просьбу о встрече. Но то, как один из старейших союзников и ближайших друзей ее семьи отказывался от своей поддержки, сокрушило ее. Она ненавидела то, что не могла перестать плакать, но ей удалось сохранять голос:

— Я понимаю и благодарю вас за вашу мудрость и поддержку не только меня, но и всей моей семьи.

Арата скованно поклонился, едва сдерживая свои эмоции. Он встал и ушел, оставив чай недопитым. Когда дверь за ним закрылась, Мари ощутила завершенность. Любой шанс, который у нее был, чтобы удержать трон, полагался на его поддержку. Без этого ее надежды казались невозможными.

* * *

Мари обратилась в одно из немногих известных ей мест, где она могла ощутить хоть какое-то утешение. Она совершила долгий путь от замка к храму в честь ее семьи. Ее стражи заранее обезопасили маршрут и убедились, что у алтаря не было доброжелателей.

Весть о драматических событиях только начинала просачиваться по городу, но пока город отдыхал, затихая с наступлением вечера. Как затишье перед сильнейшими ветрами шторма, улицы Стоункипа стояли тихо. Мари была благодарна за то, что она не пробивала себе дорогу по улицам, заполненным людьми. В тот момент она хотела только остаться одной.

Храм был оазисом покоя. Мари почувствовала расслабление, как только вошла туда. Ее плечи расслабились, и дыхание стало легче. Возможно, это была красота храма, а может, души ее семьи, но в этом месте было что-то особенное, что она почти назвала священным.

Она опустилась на колени перед храмом, не решаясь выразить словами свои тревоги и страхи. Она просто сидела, ее разум был на удивление пуст после хаоса, охватывавшего его последние несколько дней.

Она понятия не имела, как долго просидела там, но почувствовала долю покоя. Возможно, намерение не имело большого значения для живых, но, возможно, для тех, кто присоединился к Великому Циклу, оно имело большее значение. Она встала и вышла из храма, пошла к замку.

По пути она остановилась на возвышении, глядя на долину, которая была небольшим кусочком земли, и людей, за которых она была ответственна. Она стояла там, погруженная в раздумья, пока не почувствовала присутствие позади себя. Она повернулась и увидела Такахиро с озабоченным выражением лица.

Он ничего не сказал, но стоял рядом с ней. Она кивнула ему в знак признательности, а затем вернулась в созерцательное состояние.

Через некоторое время к ней стали возвращаться мысли. Каким бы чудесным ни было ощущение расслабления, мир требовал от нее большего, и она не могла сбежать навсегда. Она слегка повернулась к Такахиро.

— Ты слышал?

— Да. Он пришел ко мне после того, как вы двое поговорили. Он был убит горем.

— Это ожидаемо. Мои решения были неправильными.

— Возможно. Но легко сказать это теперь. Если вы начнете сомневаться в каждом решении, от вас не будет толку ни для кого.

— Я не смогу продолжать править.

Такахиро повернулся к ней.

— Не должно иметь значения, правишь ты или нет. Ты всегда пыталась служить людям. Как ты будешь делать это дальше?

Вопрос ощущался как словесная пощечина. Буквально ранее в тот день она думала, что ей нужно перестать думать о себе, но ее разум продолжал вести ее по тем же тропам. Ей нужно было думать иначе.

Если она не могла быть правительницей в своем доме, она должна была найти того, кто хорошо справился бы с этой работой. Первой ее мыслью был Арата. Он обладал невероятной мудростью и всегда хорошо заботился о своих землях. Он был бы отличным выбором, если бы не его возраст и тот факт, что Мари понятия не имела, как она могла обеспечить ему такое положение. Йошинори хорошо постарался, а Мари почти не мешала ему.

Внезапно ее охватило любопытство.

— Почему ты продолжаешь служить, даже если знаешь, какие ошибки я совершила? Почему ты еще здесь?

Такахиро огорчился, что она спрашивала такое.

— Я не всегда соглашался с тобой, — начал он, — но ты несколько раз доказывала мою неправоту и вдохновляла меня. Мы все совершаем ошибки, но я знаю, что ты сосредоточена на служении своим землям, а не только на их управлении. Я всегда буду служить тебе.

Последняя фраза была произнесена с убедительностью, удивившей Мари. Она всегда знала, что Такахиро был верен. Но эмоции, стоящие за этим заявлением, были глубже простой верности. Когда она узнала это, она внезапно поняла и посчитала себя душой за то, что не осознала раньше.

Внезапное понимание привело к другим. Она увидела новые возможности, которых раньше не было. В ее голове зародилась новая идея, и впервые за долгие годы у нее снова появилась надежда.

Такахиро, похоже, тоже заметил разницу.

— Что?

Она улыбнулась.

— Я знаю, что сделаю. Я откажусь от руководства своим домом.

19

Аса постучала в дверь кабинета Мари. Хоть стражи снаружи не остановили ее, она видела, как они напряглись, когда она приблизилась. Верили ей другие или нет, слухи делали свою работу, может, слишком хорошо. Даже женщины, которых Аса учила, не доверяли ей безоговорочно.

Месяц назад это разозлило бы ее. Она могла бы возмущаться от несправедливости всего этого и хотеть покинуть Королевство. Она все еще чувствовала разочарование, но не так. Она осознала, что кое-что из этого перенесла на себя. Никто не оставался одиноким в жизни, что бы они ни думали. Если бы ее поведение было другим, она могла бы столкнуться с поддержкой вместо подозрений.

Дверь открылась, и Мари стояла там, выглядя более энергичной, чем когда-либо. Поза Мари изменилась, она больше не несла бремя народа в одиночестве, как она это делала так долго. В каком-то смысле им пришлось усвоить одни и те же уроки. Возможно, поэтому Мари всегда так интересовала и раздражала ее.

Улыбка Мари развеяла жалобы Асы. По крайней мере, одна женщина никогда в ней не сомневалась. Это доверие значило больше, чем любое количество золота. Никогда больше она не будет принимать это как должное.

Аса поклонилась и вошла в комнату, бросив взгляд на знакомый кабинет. Бумаги были разбросаны повсюду, даже больше, чем обычно. Она слышала, что Мари была занята в последние несколько дней, но, похоже, слухи не описали всего.

Конечно, весь замок гудел от новостей, как и большая часть Стоункипа. Человек вряд ли мог повернуть за угол, не услышав что-нибудь о предстоящем событии. Из того, что слышала Аса, большинство людей радовались. Обычный житель Стоункипа с трудом мог угнаться за всем, что произошло этим летом, и большинство были взволнованы стабильностью, которую брак принесет стране.

Мари не была похожа на женщину, чья свадьба состоится на следующий день. Она была похожа на перегруженного работой, но жизнерадостного администратора.

— Так ты все-таки это сделаешь? — спросила Аса.

Мари кивнула, и улыбка на лице стала шире. Аса не думала, что Мари выйдет замуж. Конечно, как благородная дама, особенно из дома Кита, она должна была выйти замуж, но Аса никогда особо не задумывалась об этом.

— Поздравляю, — сказала она.

— Спасибо. Но до завтра нужно многое сделать.

— Я могу только вообразить.

Лицо Мари вытянулось.

— Первое — это то, что я не хочу делать, но должна.

Аса прервала ее.

— Я больше не глава твоей стражи?

Мари покачала головой.

— Я знаю, что тебе никогда не нравилась эта позиция, но я не хотела, чтобы она так закончилась.

Аса была удивлена, как она расстроилась. Конечно, она знала, что приближались перемены. У Мари не было другого выбора. Но даже при том, что она никогда не хотела охранять Мари, она чувствовала боль из-за того, что у нее больше не было возможности.

— Мы не всегда можем выбирать концовки. Для меня было честью служить тебе.

Глаза Мари сузились при взгляде на Асу.

— Мы мало времени проводим вместе с тех пор, как был убит Исаму. Что изменилось?

Аса пожалала плечами, и Мари отпустила вопрос после долгого мгновения.

— Кого ты бы порекомендовала на место главы моей стражи?

— Сузо. Она талантлива и принимает твердые решения. Она поможет тебе больше, чем я когда-либо могла. И она хочет эту должность.

Мари кивнула, а после короткой паузы сказала:

— Полагаю, ты теперь пойдешь за Коджи?

— Это так очевидно?

— Наверное, только мне. Если кто и может его спасти, то это ты, — Мари встала. — Ты

останешься хотя бы до свадьбы?

Аса помедлила.

— Ты же знаешь, что я не могу там быть.

— Уверена, мы найдем место, откуда ты сможешь посмотреть. Для меня будет много значить, если ты будешь там.

Это отложит ее отбытие на день, но это было немного. Коджи привезут на фронт через несколько дней. В любом случае ей нужно было запастись. Она кивнула, и Мари шагнула вперед и заключила Асу в объятия.

— Не знаю, как скоро мы увидимся. Я знаю, что ты хотела присоединиться к одной из экспедиций и покинуть Королевство. Если я тебя больше не увижу...

Мари замолкла. Аса неловко ответила на объятия дамы. Она хотела все сказать Мари, но ничего не подходило. Наконец она отошла.

— Спасибо, Мари. Для меня было честью, — она сделала еще один шаг назад и низко поклонилась.

Мари тоже поклонилась.

— И спасибо тебе, Аса. Для меня тоже было честью познакомиться с тобой.

Сказав это, Аса повернулась и ушла, не желая затягивать момент. Когда дверь за ней закрывалась, она в последний раз взглянула на Мари, пытаясь запечатлеть это видение в своей памяти.

* * *

Аса не ушла далеко, когда почувствовала, что кто-то преследует ее. Она обернулась и увидела Сузо. Одного вида женщины было достаточно, чтобы на лице Асы появилась улыбка. Сузо догнала ее и поравнялась с Асой, неторопливо идущей по замку.

— Мы можем поговорить наедине?

Аса привела Сузо в свою комнату в замке, от которой ей, похоже, скоро придется отказаться. Несмотря на печаль от расставания с Мари, она не возражала. Ей не нравилось находиться на одном месте слишком долго.

Как только дверь закрылась, Сузо тихо подошла ближе.

— Что случилось? Стражи сказали, что леди Мари вызвала тебя.

— Похоже, ты скоро будешь повышена, — ответила Аса.

Аса не ожидала гнева в голосе Сузо:

— Она забрала твое место? Я думала, она-то поддержит тебя!

Аса покачала головой.

— Это не имеет ничего общего с поддержкой. Большая часть Королевства считает, что я убила Исаму. Мари могла быть готова держать меня рядом в качестве доказательства моей невиновности, но она выходит замуж, им нужно начать все сначала, и они не могут быть связаны со мной. Я не испытываю к ней ничего, кроме уважения, и из тебя получится лучший капитан стражи.

Сузо успокоилась.

— Спасибо. Просто больно знать, через что тебе пришлось пройти, и знать, что тебя за это накажут.

— Тот, кто думает, что жизнь справедлива, — дурак. В любом случае, я смогу выполнять другие обязанности.

Сузо заерзала, внезапно почувствовав неловкость.

— На самом деле я хотела поговорить с тобой об этом, если можно.

Аса подождала, пока стражница наберется храбрости. Такое колебание казалось необычным для этой сильной и решительной женщины.

— Ну, — начала Сузо, — стоит начать с того, что я не та, кем себя назвала.

— О чем ты? — сердце Асы колотилось, она опасалась, что Сузо была предательницей. Она не могла быть такой, ведь спасла Асу.

— Помнишь, я говорила, что моя семья бедная, и меня чуть не продали? Это не правда, — она сделала паузу, глубоко вдохнула и продолжила. — Я рано потеряла родителей. Пришлось воровать. Это я делала до предложения леди Мари для женщин. Я оставила свою команду воров, чтобы попробовать. Я уже знала, что неплохо обращаюсь с мечом, и знала, что хочу чего-то другого в своей жизни.

Аса была ошеломлена. Она не подозревала такого, но история помогла ей понять некоторые вопросы о Сузо. Это объясняло, почему она так хорошо обращалась с мечом. Она уже прошла некоторую подготовку, пусть даже грубую. И это объясняло, почему она знала о туннелях. Несомненно, они пользовались популярностью у воров.

Но для Асы это не имело значения. Если Сузо нельзя было оставить свое прошлое позади, то все хорошее, что сделала Аса после убийства Киоши, было бессмысленным. Сузо заслужила шанс.

— Ты сможешь защитить леди Мари своей жизнью?

— Всеми жизнями, если смогу.

Аса ей поверила. Женщина полностью доверилась Асе.

— Тогда это не имеет значения. Ты хотела мне еще что-то сказать?

— Думаю, я знаю, где находится человек, убивший Исаму. По крайней мере, я знаю, в каком районе города он находится.

Она быстро рассказала о своих стараниях. Получив описание мужчины от Асы, она провела время после смерти Исаму, пытаясь найти его. Она замаскировалась и посетила некоторые из своих старых убежищ. Она почти каждое мгновение бодрствования, пока не охраняла Мари, пыталась выследить мужчину. История Сузо заставила Асу почувствовать себя виноватой за свои усилия. Напротив, Аса последние несколько дней хандрит в замке. Она даже не думала о том, чтобы пытаться выследить убийцу.

Сузо не была уверена. Описание Асы не было слишком подробным, но она полагала, что видела этого человека несколько раз в одних и тех же районах города.

— Я не была достаточно уверена, чтобы действовать, но если ты его видела, ты могла проверить, — сказала Сузо. — И, если это он, думаю, стоит сначала поговорить с ним, — угроза в ее голосе была очевидна.

В эти дни Асе нравилась Сузо все больше и больше.

* * *

Сузо привела Асу к той части Стоункипа, которую Аса раньше не исследовала. Асе было увлекательно то, что после того, как она все время провела в городке, были места, где она не бывала. Ее распорядок был во многих отношениях клеткой.

У них не было особого плана. Сузо не могла отследить этого человека, не вызвав подозрений, но она видела его дважды в одном и том же месте с момента убийства. Из-за отсутствия вариантов они предпочли бродить по местности, зайдя в несколько наиболее известных таверн. Стратегия полагалась на случай, но часть города была небольшой, и если Сузо была права, у них был приличный шанс встретить убийцу.

Они бродили весь день, разговаривали и иногда останавливались в тавернах, чтобы

выпить хоть раз. Теперь, когда тайная история Сузо стала известной, они свободно говорили о своем прошлом. Аса была восхищена маршрутами воров, способами укрытия людей и товаров, а также культурой тех, кто этим зарабатывал себе на жизнь.

Сузо нашла жизнь Асы интересной, но не так, как большинство людей, что оказалось на удивление освежающим. Большинство людей хотели знать, каково быть клинком ночи, обладать чувством. Но пытаться описать чувство тому, кто не обладает этим даром, было все равно, что пытаться описать цвет слепому. Дар всегда был у Асы, и она не знала, на что была бы похожа жизнь без него. Таким образом, она вообще не могла описать это хорошо.

Сузо больше интересовал образ жизни клинка ночи. Как они тренировались? Кто решал, куда они шли? Насколько они были свободны в действиях? Аса любила отвечать на вопросы, и, учитывая пристальное внимание Сузо, она не сомневалась, что стражница запоминала полезную информацию.

Наступил вечер, а они так и не встретили того человека. Они только что покинули другую таверну, и Аса подумала, что она на какое-то время должна была стать последней. Она чувствовала влияние выпивки на сознание. Если они действительно найдут убийцу, она не хотела потерять преимущество. Кем бы ни был этот человек, у него, по крайней мере, хватило смелости сразиться с клинком ночи, даже если у него самого дара не было. Одно это сделало его редким.

Потом они повернули за угол, и он был там. Он поднял взгляд, и Аса увидела ту же полуулыбку на его лице. Если раньше она не была уверена, то теперь была. Он застыл, сразу сообразив, что его узнали. Но улыбка не сходила с его лица. Он посмотрел на Сузо, затем на Асу.

— Мне было интересно, как ты сбежала, — сказал он.

Он оглянулся, будто собирался бежать. Затем он пожал плечами и занял стойку воина лицом к Асе.

— Я всегда хотел сразиться с клинком ночи, — сказал он. Он вытащил меч, и Аса заметила, что меч неестественно блестел на свету. Она догадалась, что яд покрывал часть или все оружие. Она не могла позволить себе порезаться.

Убить этого человека было важно, но ей нужны были ответы.

— Кто тебя нанял и зачем?

— Ну-ну, — сказал мужчина, — джентльмен ничего не расскажет. А зачем вообще что-то делать? Это было похоже на вызов, на то, что действительно стоит попробовать.

Он прыгнул вперед, выполняя хороший удар. Аса ощутила атаку и уже двигалась, ее мечи с легкостью покинули ножны. Она обошла его атаку, и ее внезапное движение немного сбilo его с толку. Когда они проходили, она нанесла один удар, повернулась и нанесла удар другим мечом, когда оказалась позади него.

Мужчина умер, прежде чем ударился о землю.

Аса вытерла мечи и вложила их в ножны. Она взглянула на Сузо, которая с благодарностью наблюдала за всей сценой.

— Я всегда считала, что ты хороша, — сказала Сузо, — но никогда не думала, что ты так быстра. У него не было шанса.

Аса подтолкнула упавший меч убийцы своим ботинком, стараясь не коснуться стали.

— Он покрыл свое оружие ядом. Одного пореза, вероятно, было бы достаточно, чтобы убить.

Сузо подошла и посмотрела.

— Было бы хорошо узнать, на кого он работал.

Аса кивнула.

— Да, но он не сказал бы нам. У леди Мари всегда будут враги. Теперь их поиск — твоя обязанность.

Сузо посмотрела на труп.

— Жизнь не будет скучной, да?

Аса покачала головой.

— Не будет.

— Выпьем? — спросила Сузо.

Аса улыбнулась.

— Да, давай.

* * *

Аса стояла высоко над обеденным залом, в маленькой нише, защищенной темной шторой. Такахиро показал ее утром. Мари хотела, чтобы она участвовала в церемонии, и это было самое близкое, что она могла получить, учитывая политическую ситуацию.

Пока большинство гостей оставалось снаружи, Такахиро и Мари взяли за руки в обеденном зале. Арату попросили провести церемонию. Каждый по очереди произнес слова, которые связывали их вместе. Затем сделали три глотка вина. Первый глоток был предложен Аратой, официально завершал церемонию. Вторым глотком был сделан каждым из своего кубка. Наконец, третий глоток Мари предложила Такахиро, а затем Такахиро — Мари.

На этом церемония была завершена. Арата подошел к двери, чтобы пригласить гостей. Пока он шел по залу, Мари посмотрела туда, где стояла Аса. Аса поклонилась, и на лице Мари появилась легкая улыбка. Аса знала, что борьба леди Мари далека от завершения, но ее брак с Такахиро решил или отсрочил большинство проблем. Это решение обрадовало ее союзников и разочаровало соперников. Официально у Мари больше не было власти. На самом деле Аса ожидала, что они будут вместе править домом. Такахиро знал достоинство Мари, в отличие от тех, кто ее постоянно недооценивал.

Гости вошли, каждый низко поклонился новому лорду и леди. Даже это собрание было небольшим. Большинство свадеб такого масштаба собирали сотни, если не тысячи. Но земля была в кризисе, и пара пожелала провести небольшую тихую церемонию. Аса не сомневалась, что толпа на улицах не упустила шанс по-своему присоединиться к пиру, но их не пустили в замок.

Разные аристократы сели, чтобы насладиться пиром. Аса заметила, что некоторые из самых яростных врагов Мари отсутствовали. Она гадала, были они приглашены или нет. Прежде чем она успела это обдумать, она остановила себя. Это был не ее мир, и ей было все равно, почему их нет. После стольких лет в компании Мари она начала развивать собственное понимание политики. Она была счастлива потерять это и вернуться в мир, где правильные действия были гораздо более очевидными.

Мысль об этом напомнила ей, что ей нужно идти. Ее план состоял в том, чтобы уйти до наступления вечера и, возможно, спуститься к лагерю клинков. Она могла бы получить больше информации и отправиться в путь. Несмотря на то, что она была разочарована тем, что покинула леди Мари, идея оказаться на открытой дороге, снова одной, была очень привлекательной.

Внизу застолье проходило хорошо. На один день тревоги дома были отложены в сторону. Они все еще будут там утром. А пока друзья и союзники общались, делились едой,

вином и смехом. Часть Асы тоже хотела быть там. Если бы она не вызывала такую реакцию, ее, вероятно, пригласили бы.

Но это была не ее жизнь. Она стояла над собравшимися, наблюдая, но не принимая участие. Она была убрана из потока этого мира, и она остро чувствовала себя чужой.

Аса сосредоточила внимание на паре. Они не были клинками ночи, их энергия была слабой, но она все еще могла их различить. Заглушая другой шум, сосредоточившись только на них, она почувствовала, как их руки соприкоснулись. Возможно, это было лишь ее воображение, но она думала, что ощущала струйку энергии, проходящую между ними.

Аса подождала, пока леди Мари взглянет на нее еще раз. Их взгляды встретились через комнату, и Аса поклонилась в последний раз, прощаясь. Она не была уверена, что увидит Мари когда-нибудь снова. Мари, казалось, поняла, немного наклонив голову.

Этого было достаточно.

Аса повернулась и ушла, оставив за собой звуки веселья, не оглянувшись.

20

Поездка на фронт прошла без приключений. Генерал Эмон мог ненавидеть Коджи, но он был человеком слова. Как только Коджи был закован в цепи, остальным клинкам было позволено вернуться на земли дома Кита без повреждений. Небольшая группа кавалерии следовала за ними, чтобы убедиться, что они сдержат слово, но в остальном их не трогали.

Как к военнопленному, к Коджи не относились с большим уважением, но и ему не причиняли вреда. Он ехал в телеге в постоянном окружении войск Эмона. Его запястья и лодыжки были скованы и соединены с болтом в телеге. Хотя у него была некоторая свобода передвижения, и он не чувствовал неудобств, он не собирался бегать или драться в ближайшее время.

Они не давали и шанса. Ему не позволяли снимать цепи, его оружия не было поблизости, и как минимум двадцать человек постоянно окружали его.

Осознав невозможность сбежать, Коджи быстро перестал думать об этом. Он внимательно следил за ошибками, но перестал строить сложные планы.

Иногда генерал Эмон приходил поговорить с ним, чтобы узнать, какими знаниями обладал Коджи, но он продолжал разочаровываться. Коджи не обладал тайной информацией и не мог дать Эмону ответы, которые он хотел знать. Он не знал, где были клинки, и что они собирались делать дальше. Он не знал, когда Мари начнет следующее наступление. Он даже не знал, кто в тот момент отвечал за дом Кита. Видимо даже по этому поводу были разногласия.

Коджи волновался за Мари и Асу, но в данный момент он ничего не мог поделать.

За исключением случайных разговоров с генералом, Коджи хранил молчание. Он видел ненависть и отвращение на лицах похитителей, враждебность глубже, чем он привык. Эти люди ненавидели его не только за то, что он был клинком ночи. Они ненавидели его за то, что он был монстром.

Коджи погряз в неуверенности в себе, как после нападения на спящую кавалерию. Он всегда считал себя воином, но его действия, увиденные на расстоянии глазами других, определенно не походили на действия благородного человека. Он убивал аристократов и людей во сне, и хотя это было сделано на службе, он не был уверен, что это оправдывало его действия.

Вина, которую он сумел похоронить благодаря верности леди Мари, вернулась с удвоенной силой. Он убил лорда и короля, и если кто-то был ответственен за страдания во

всем Королевстве, то это был он. И вместо того, чтобы решить проблему, он стал демоном. Возможно, он заслужил свою смерть.

У него не было ответов, но вопросы рвали его, требуя решения, которое он не мог дать.

В какой-то момент он перестал спрашивать, и его разум погрузился в оцепенение, наблюдая за миром вокруг него. В любом случае ему не придется долго сидеть с вопросами. Он глубоко вдохнул и попытался охватить как можно больше мира всеми своими чувствами, пока еще мог.

* * *

Когда они достигли фронта, Коджи переместили из телеги в палатку. Сначала он думал, что у него будет шанс сбежать. Но, оказавшись там, Коджи столкнулся со своим первым настоящим сюрпризом за какое-то время: его охраняли клинки ночи. Насколько он мог судить, с Каташи работало как минимум пять клинков ночи. Днем его палатку охранял один клинок с несколькими офицерами кавалерии. Ночью, когда они переживали сильнее, двое все время охраняли его палатку. Всякая мысль о побеге исчезла. Хуже того, другие клинки ночи спали рядом с его палаткой. Даже если ему каким-то образом удастся убить двоих, охраняющих его, остальные трое сразу же проснутся и увидят, что их друзья умирают. Каташи не рисковал со своим пленником.

Коджи хотел поговорить с клинками, но их случайные насмешливые комментарии давали понять, что разговор невозможен. Он хранил молчание, пока не появился сам Каташи в сопровождении еще двух клинков.

Каташи выглядел безупречно, как всегда. По его наряду можно было легко подумать, что он никогда не держал меч, но Коджи видел мозоли на его ладонях, видел его движения. Каташи был не так силен, как Коджи, но Коджи знал, что он мог защитить себя. Его ухоженный вид, как и все, что он делал, был продуман. Все было просчитано в его играх, и он был мастером игр.

Каташи окинул Коджи взглядом, опустился перед ним вне легкой досягаемости. Оковы Коджи были теперь соединены цепью с тяжёлым камнем в центре палатки. Он мог легко ходить по палатке и даже немного снаружи, но дальше нужно было тащить камен. Он мог, но с грузом и ограниченными шагами не мог убежать далеко. Он полагал, что, если ему повезет, он сможет пробежать три или четыре палатки, прежде чем кто-нибудь поймает его или собьет.

Два клинка стояли за Каташи, держась за рукояти мечей, готовые выхватить их, как только почувствуют, что Коджи попытается двинуться с места. Даже в оковах он ощущал желание сражаться при виде клинков ночи. Мог ли он убить Каташи до того, как они убьют его? Он видел их напряжение, даже когда думал об этом. Нет, вряд ли он сможет, тем более, когда ощущал себя медленным в эти дни.

— Ты доставил мне бесконечные неприятности.

Коджи не знал, как ответить. В прошлом ему, возможно, нравилось мешать Каташи, но теперь этот жест казался пустым. Каташи убьет его, и Коджи ничего не мог сделать, чтобы остановить это. Другие могли почувствовать смелость, зная, что их возможности ограничены. Коджи чувствовал только смирение.

Каташи подошел ближе, и Коджи внезапно понял, что его проверяли. Каташи попытался подтолкнуть его. Когда расстояние резко уменьшилось, Коджи снова задумался, сможет ли он убить Каташи, прежде чем умрет. Теперь шанс был лучше. Стоило рискнуть?

— Думаешь убить меня? Почему нет? Ты убил моего брата.

Иногда Коджи забывал, что Каташи был младшим братом Шина. Теперь, когда об этом напомнили, сходство было поразительным.

Коджи отклонился. Он не стал бы убивать Каташи, не так. Мужчина заслужил смерть; в этом Коджи не сомневался. Этот человек приказал сжечь Звездопад. Он убил бесчисленное количество клинков и заставил тысячи страдать. Преступления, которые он совершил только против Мари, стоили самых суровых наказаний.

Но это наказание произведет не Коджи.

— Нет. Я не буду тебя убивать.

Казалось, это на мгновение расстроило Каташи. Он не ожидал, что Коджи будет действовать разумно. От этого Каташи казался смешным.

Даже если Коджи и пошел против его ожиданий, это только на мгновение сбilo его с толку. У Каташи всегда были планы в планах.

— Что, если я скажу, что все, за что ты боролся, разваливается?

Коджи просто пристально смотрел на лорда.

— Мари больше не является главой дома Кита. Она вышла замуж за Такахиро, сделав его новым лордом. И Такахиро скоро падет. Против леди Мари было истинное удовольствие строить заговоры, но она не умеет признать, что ее победили. Пока мы говорим, в Звездопаде прячется убийца, готовый выступить против Мари, как только я ему скажу. У вас двоих довольно много общего, убийства лордов. Он уже убил лорда Исаму.

Коджи чувствовал, как внутри него накапливался гнев. Его мышцы напряглись, и он заставил себя расслабиться. Он знал, что Каташи пытался вызвать его реакцию. Коджи не думал достаточно быстро, чтобы перехитрить Каташи, но нападение на лорда каким-то образом сыграло ему на руку. Он заставил мышцы расслабиться.

Каташи повысил ставки, склонив голову к лицу Коджи. Коджи больше не мог бороться со своими эмоциями. Он зарычал и наклонился, и в одно мгновение два меча оказались у его горла. Коджи моргнул. Он чувствовал движения, но клинки ночи были быстрыми. Конечно, они этого ожидали.

Каташи отклонился и засмеялся.

— Нравятся? Многие из твоего вида заняты самоубийством из благородных целей, но ты показал им новый путь, Коджи. Им больше не нужно быть связанными традициями или законами, которые установили предки. Благодаря тебе им больше не нужно быть нейтральными судьями. Они могут сражаться и получать вознаграждение в зависимости от их талантов.

Коджи боролся с чувством вины. Как бы сильно он ни ненавидел Каташи, он знал, что этот человек говорил правду. Это было его рук дело. Возможно, вина была не только в нем, но из-за его действий клинки ночи с большей вероятностью действовали подобным образом. Коджи ненавидел себя.

— Знаешь, — сказал Каташи. — Я отдаю своим клинкам ночи лучшее во всем. Много денег. Лучшая еда. Лучшие женщины. Возможно, тебе хочется присоединиться? Я не сомневаюсь, что с твоими навыками ты прожил бы жизнь, полную досуга и удовольствия.

Коджи впился в него взглядом. Он знал, что этот человек не был серьезным, но его кажущаяся искренность заставила Коджи усомниться.

Каташи снова ухмыльнулся.

— Не так. У тебя недостаточно квалификации, которую я ищу, да? Ты так глубоко веришь в леди Мари, что просто не знаешь, что делать, когда она умрет, и дом Кита будет

моим, да? К счастью для тебя, ты не доживешь до этого дня. Фактически, ты станешь частью ее падения.

Коджи наконец-то обрел голос:

— Каташи, зачем ты здесь? — лорду нравилось мучить его, но это не могло быть его единственной целью. У Каташи всегда был скрытый мотив.

Каташи перестал улыбаться, и Коджи впервые подумал, что видел мужчину таким, какой он есть. Его голос изменился, став ровным:

— Я здесь, потому что тебе и тебе подобным нужно смириться. Я хотел убедиться, что ты знаешь, кем ты стал. Ты хладнокровно убивал зная и, обвиняя меня в злодеяниях, не замечаешь своих. Мне пришлось делать ужасные вещи, чтобы стать лордом, но я хотя бы знаю, что они ужасны. Я совершаю свои преступления с широко открытыми глазами, зная, что объединю Королевство и принесу эру мира, не похожую ни на одну из предыдущих. Но ты — демон, который не понимает, насколько черное твое сердце. Твои действия погрузили это Королевство в хаос и стоили тысяч жизней. Ты злоупотребил своей силой и разлучил семьи, в том числе и мою. Я покончу с тобой и со всеми, кто возлагает на тебя надежду.

Каташи сделал паузу, чтобы Коджи посмотрел ей в глаза.

— Когда я закончу, я буду королем. Леди Мари будет мертва или изгнана, а надежный аристократ из дома Кита закончит ее род. Каждый клинок, выступивший против меня, умрет. А завтра твоя смерть будет началом всего этого.

Каташи встал и ушел, предатели-клинки ночи следовали за ним.

* * *

Коджи не был уверен, что когда-либо был в более мрачном настроении. Он не хотел отдавать Каташи победу, но его слова глубоко ранили Коджи. В сочетании с уже испытываемым им сомнением, он с нетерпением ждал казни на следующий день. Хотя никто точно не знал, что было после смерти, Коджи был в боях много раз, ощущал энергию человека, возвращающегося в Великий Цикл. Он не верил, что смерть — это конец.

Не имея вариантов, он пытался примириться с приближающимся концом. Он совершил много ошибок в жизни, и самое меньшее, что он мог сделать, это умереть достойно. Он будет скучать по некоторым вещам, например, по времени, проведенному с Асой, но, возможно, даже ей будет лучше без него. Если бы он получил еще один шанс в жизни, возможно, у него хватило бы мудрости думать наперед.

Он почувствовал, как один из клинков ночи из палатки встал и ушел, вызванный куда-то. Он покачал головой, пытаясь избавиться от отвлекающих факторов. Если это была его последняя ночь в жизни, он мог провести ее в медитации.

Ему удавалось сосредоточиться на дыхании, но это длилось недолго. Его разум не слушался. В прошлом у него всегда было чувство цели, за которое он мог цепляться, что-то, что могло его направить. Теперь, в конце своей жизни, он обнаружил, что у него ничего не осталось.

Клинок пошел к палатке рядом с ними. По крайней мере, так казалось сначала. Прежде чем клинок ночи добрался до палатки, он свернул и подошел к палатке Коджи. Коджи проигнорировал информацию, которую давал его разум, отрезая себя от мира.

Это длилось всего несколько минут, и он услышал тихие звуки драки снаружи. Коджи нахмурился и направил чувство. Теперь, когда он пытался сосредоточить внимание, он чувствовал себя глупо из-за того, что не заметил раньше.

Аса.

Как только он подумал о ней, она вошла в палатку в красной форме солдат Каташи. Он всегда находил ее привлекательной, но в тот момент он думал, что она была самым красивым человеком, которого он когда-либо видел. Она посмотрела на него.

— Итак, похоже, что на стороне Каташи есть клинки ночи.

Коджи понял, что она не убила стражу снаружи. Он был сбит с толку только на миг. Если бы она убила клинков, другие клинки, спящие в палатке поблизости, заметили бы. Обратившись к настоящему, он кивнул.

— Это так.

— Что еще я должна знать, прежде чем пытаться вытащить тебя отсюда? — она бросила перед ним красную форму и принялась открывать его наручники.

Даже когда она задела его, освобождая, он понял, как сильно скучал по ней. Он покачал головой.

— Не знаю, но я, наверное, не лучший источник информации на данный момент.

Они работали быстро, и им не потребовалось много времени, чтобы затащить потерявших сознание стражей в палатку и переодеть Коджи.

Он взглянул на нее.

— Как ты меня нашла?

— Это было не так и сложно. Все говорили о казни, так что я решила, что ты в основной армии. Я просто переделалась и прошла к середине лагеря. Вскоре я ощутила других клинков. Я не знала, как подойти, не выдав себя, но Каташи тоже несколько клинков охраняют. Когда клинки ночи поменялись, я устроила засаду на одного, чтобы никто не заметил моего приближения.

Коджи кивнул. Никто не умел лучше проникать во вражеские лагеря, чем Аса. Ее обучение с Дайсукэ дало ей завидные таланты.

— Насколько сложно выбраться?

Аса пожала плечами.

— Патрули сосредоточены на востоке, где силы Каташи повернуты к армии леди Мари. Я подошла с юга, но мне пришлось убить двух стражей. Не думаю, что тела уже нашли, но я бы посоветовала идти на север. Затем мы сможем обойти армию и направиться к лагерю клинков ночи. Думаю, Хаджими захочет с тобой встретиться.

Коджи вспомнил свой разговор с Каташи.

— Я узнал то, что мне нужно сказать Мари. Может, он позволит мне послать птицу.

Аса кивнула и бросила на Коджи последний оценивающий взгляд. Похоже, удовлетворенная, она повернулась и выскользнула из палатки, Коджи последовал за ней. Вскоре их поглотила тьма.

* * *

Вернувшись в лагерь клинков, Коджи и Аса вместе отдыхали в небольшой палатке, найденной для них. Коджи положил голову Асе на колени, наслаждаясь ощущением, пока ее руки скользили по его волосам. По прибытии их отвели к Хаджими, где Коджи написал леди Мари письмо, страдая от непрекращающегося потока вопросов Хаджими.

В свою очередь, Коджи почти не получил информации. Его присутствие в лагере было тихим, и его попросили оставаться в палатке в течение нескольких дней. Коджи чувствовал, что вокруг него разворачивались важные события, но пока его единственной обязанностью было ждать.

В прошлом он бы боролся с бездействием. Но теперь для него это не было большой

проблемой. Впервые за все время у него не было желаний спешить и принимать участие в мировых проблемах. Он был с женщиной, о которой заботился.

— Так ты себя чувствуешь? — спросил он.

Она растерянно посмотрела на него.

— Я знаю, что надвигается буря, но пока я счастлива просто быть здесь. Меня не особо волнует, что происходит за пределами этой палатки.

Она кивнула.

— Иногда. Возможно, это эгоистично, но иногда мне кажется, что мы настолько озабочены попытками создать лучший мир, что забываем остановиться и насладиться тем, в котором мы живем.

Он взглянул на нее.

— Ты тоже изменилась.

Она продолжала играть с его волосами, не отвечая. Выйдя за пределы лагеря врага, они тихо говорили, направляясь к лагерю клинков. Она описала свои приключения, но он заметил, что она мало рассказывала о собственном плену. Коджи знал ее достаточно хорошо, чтобы знать, что она расскажет ему, если когда-нибудь захочет.

— Что дальше? — спросил он, размышляя вслух.

— Я хотела бы присоединиться к одной из следующих экспедиций, — ответила Аса.

Коджи удивился, что решение не расстроило его. После всех событий идея оставить все позади казалась еще более заманчивой, чем когда-либо. Но надежда все же тяжело умирала.

— Думаешь, Хаджими не сможет создать соглашение?

Она печально покачала головой.

— Нет. Я думаю, что после событий последних лет для нас больше не будет дома в Королевстве. Особенно, когда леди Мари уступила трон Такахиро. Нас окружает столько слухов, что никто не знает, что правда, а что нет. И я не думаю, что многим людям все равно. Они считают, что мы сожгли Убежище, что мы убили королей и лордов, и что теперь мы убиваем знать в их домах, — она пристально посмотрела на Коджи.

Он поднял руки, сдаваясь. Он слишком часто был причастен к зарождению этих слухов.

— Да, в некоторых историях есть правда, — продолжила Аса. — Но правда не имеет значения. Я думаю, мы зашли слишком далеко. Люди верят, что мы разрушили Королевство, и я не думаю, что это доверие можно восстановить. Я думаю, что если мы останемся, мы либо будем уничтожены одним большим ударом, либо нас будут медленно преследовать до вымирания. Наша единственная надежда — уйти.

Коджи обнаружил, что соглашался с Асой. На этот раз их взгляды совпали. Он не мог избавиться от того, как солдаты Каташи смотрели на него, когда везли его. Он привык к намёкам на страх и косым взглядам, но никогда раньше не видел такого отвращения. Если остальная часть Королевства была такой же, Коджи не мог представить себе, сколько нужно было добра, чтобы исправить ущерб.

— Если ты пойдешь, — решил Коджи, — то и я пойду.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Они ударили тебя по голове, когда схватили?

Он печально усмехнулся.

— Иногда мне хотелось, чтобы они это сделали. Но нет, я просто понимаю твои рассуждения лучше, чем раньше, и не уверен, что мы можем улучшить ситуацию. По крайней мере, нам нужно защитить свой народ.

Сказанные слова все еще заставляли его поежиться. «Народом» для него были все. Но когда остальной мир не соглашался, что толку было от его идеалистичных взглядов? Коджи не считал, что клинки отличались от других, но он один так думал.

Аса склонилась и поцеловала его в лоб.

— Спасибо. Я не хотела снова покидать тебя.

Он притянул ее ближе.

— И тебе больше не придется.

21

Мари сидела напротив Хаджими в своей приемной. Она хотела бы встретиться с ним в кабинете, который часто использовала, но та комната перешла Такахиро. Теперь он трудился там, встречался с аристократами и советниками, строил планы на месяцы вперед. Лето заканчивалось, и урожай в этом году был плохим. Мари не знала, голод или война убьет больше ее людей в течение следующих шести месяцев.

Такахиро жаловался, но он хорошо освоился в роли лорда. Он был стражем на протяжении многих лет, тесно связанным с повседневными делами семьи Мари, поэтому уже знал каждую благородную семью. Он был главным советником Мари, так что не было почти ничего, о чем он не знал, когда стал главой дома. В общем, это был невероятно плавный переход.

Они наслаждались короткой передышкой от летнего хаоса. Мари знала, что это было ненастоящим. Мир взорвется в течение следующего полумесяца. Силы обоих домов выступили против них, а Фумио и Масааки отступили. В лучшем случае Фумио сможет выбрать поле битвы. Помимо этого, надежды было мало. Силы Такахиро будут в меньшинстве, по крайней мере, два к одному, а то и три к одному, если верить некоторым отчетам разведки.

Вопрос был не в том, будет ли финальная битва, а в том, когда она произойдет. Теоретически Фумио мог отступить со своими силами до Стоункипа, но тогда его армия умерла бы медленной смертью, а не быстрой. Каташи не нужен был Стоункип, чтобы править землей. Все, что ему нужно было сделать, это отрезать его, что он мог сделать уже через несколько дней. Такахиро мог накормить людей, уже находящихся внутри Стоункипа, но он не будет кормить всех солдат, если они устроятся на долгую осаду.

Нет, они должны были сражаться, и этот решающий конфликт, вероятно, наступит в следующие две недели.

И теперь перед ней встала другая проблема. Как ни странно, Хаджими пришел не к Такахиро. Он специально просил леди Мари, и это очень заинтересовало Мари. Она не видела причин отказывать, поэтому подготовила свою личную гостиную, и старый клинок вошел.

Стресс от управления клинками определенно состарил Хаджими. Мари знала его много лет, но он никогда не казался ей таким старым. Его волосы были почти полностью белыми, и, хотя он все еще двигался со смертельной грацией клинка, он слишком сильно похудел, чтобы быть здоровым. Некоторое время они болтали о бессмысленных вещах, особенно Хаджими интересовал новый брак Мари.

Обычно он не вел светскую беседу. Во всех ее воспоминаниях он часто избегал условностей и сразу переходил к делу. Но что-то в его поведении заставило ее не упоминать о наблюдении. Эта встреча, как и многое другое в ее жизни, казалась концом.

Наконец, после некоторого затишья в разговоре, Хаджими передал Мари письмо.

— Это от Коджи.

— Он жив? — Мари не могла скрыть своего удивления, а Хаджими еще ничего не сказал. До них доходили слухи, что Каташи убил клинка ночи и нанизал голову на шест, который вел свою армию. Никто не смог подтвердить слух, но Мари приняла его за правду.

— Он в порядке. Аса спасла его из лагеря Каташи накануне казни. Он пришел бы сам, но, учитывая отношение многих к клинкам в целом и чувства к нему в частности, мы решили, что будет мудро, чтобы он не появлялся сегодня.

Как бы Мари ни хотелось снова увидеть клинка, она знала, что решение было правильным. Она открыла письмо и прочитала его, и другие кусочки встали на места. Это письмо было подтверждением того, что Каташи был создателем большинства ее проблем в течение последних месяцев. Если у нее когда-нибудь будет шанс судить его, он пожалеет бы, что лез к ней.

Она отложила письмо в сторону.

— Почему вы пришли ко мне вместо Такахиро?

— Из-за того, что я должен сказать, вед это только вы поймете.

Она ждала, что он продолжит.

— Клинки собираются покинуть Королевство. Они пойдут в ближайшие несколько дней.

Мари нахмурилась. За это время вражеские силы закроют все выходы из долины. Несколько одиноких воинов или путешественников могли бы проскользнуть мимо них, но у всех клинков не будет шанса. Хотя, даже если бы они ушли сегодня, они все равно, вероятно, не выбрались бы из долины, прежде чем челюсти врага сомкнулись на них. Бой был слишком близок.

Хаджими увидел выражение ее лица и без проблем прочитал его.

— Да, нам придется сражаться, но нам нужно время, чтобы собрать еду и припасы. Мы готовились, но, учитывая, насколько сложно сейчас накормить людей, это получилось не так быстро, как нам хотелось бы.

— Куда вы пойдете?

Хаджими покачал головой.

— Вы были самым сильным союзником клинков в этом поколении, леди Мари, но я не могу вам этого сказать. В Королевстве нас больше не будет, и хотя многие из нас все еще желают служить Королевству, величайшая услуга, которую мы можем оказать сейчас, — это уйти. Я надеюсь только на то, что вы сможете воспользоваться нашим отъездом. Мы пробьем брешь в тылу врага. Дальше будет ваша ответственность.

Глаза Мари сузились. Даже для клинков нападение на вражеские позиции казалось глупым. Каташи обучил огромное количество лучников сражаться с клинками, убивая их с большого расстояния. На фоне огромного количества лучников и солдат Мари не понимала, как клинки могут выжить.

— Что вы планируете?

— Через три ночи от сегодняшнего вечера, в вечер новолуния, мы уйдем. Мы будем двигаться в тени и атаковать их, когда они разобьют лагерь. Я не сомневаюсь, что мы убьем многих, но мы не будем стремиться их уничтожить. Наша цель — просто сбежать. Но если мы сможем сделать это в качестве подарка вам, в качестве нашего последнего подарка, мы сделаем это.

Мари обдумывала ужас обсуждаемого. Клинкам ночи не нужны были факелы или свет,

чтобы сражаться. Они не смогли бы замаскировать свои движения, но в новолуние лучники плохо видели. Это будет опустошительная битва для обеих сторон. Возможно, клинки смогут посеять достаточно хаоса, чтобы дать дому Кита шанс выжить. Если Такахиро сможет начать атаку на рассвете, у них будет шанс.

Но сражения будут кровавыми. Очень. Но была ли у них лучшая возможность выиграть войну? Мари долго обдумывала проблему и не нашла лучшего решения.

— Вы сделаете это, несмотря на действия моего дома?

Хаджими кивнул.

— Вы знаете, что на этом клинки закончатся. Даже сейчас, я не уверена, что вижу способ восстановить вашу власть, но это настроит людей против вас на целые поколения.

— Мы понимаем. Но мы больше не надеемся на себя. Только у вас хватит дальновидности принять нашу жертву и заключить мир. Даже если нас ненавидят, мы можем сделать последний подарок. Вы несете ответственность за обеспечение мира.

При этом Хаджими встал. Он поклонился Мари в последний раз.

— Для меня было честью сражаться на вашей стороне, леди Мари.

Прежде чем она успела ответить тем же, он ушел. Она смотрела ему вслед и гадала, увидит ли она когда-нибудь снова клинков.

* * *

Через два дня подошел крайний срок. Случайный наблюдатель не заметил бы приготовлений, по крайней мере, Мари надеялась на это. Но за кулисами и она, и Такахиро были заняты. Интуиция Хаджими не подвела. Такахиро был в ярости из-за этой новости, потому что он чувствовал, что его предали клинки, покинувшие его дом, а также потому, что как солдат он считал подобные действия совершенно бесчестными.

Но что они могли сделать? Они не могли вернуть клинков, не могли пожертвовать возможностью, которую клинки давали им. Такахиро ненавидел клинков и ненавидел себя за решения, которые был вынужден принимать, но он все равно их принимал. Все понимали ставки.

В письме Коджи была одна часть, которой Мари не поделилась с Такахиро. Теперь, незадолго до того, как стало слишком поздно, она начинала понимать, как работал коварный ум Каташи. И хотя еще ждал бой внизу, в долине, у них был свой бой и в замке.

Мари сидела в своей приемной, стараясь не ерзать. Она огляделась, убедилась, что все выглядело нормально. Она могла использовать для этого задание кабинет, но не хотела. Она хотела выглядеть слабой и побежденной. Проведение встречи здесь помогало этому. Она оглянулась на дверь в ее спальню. Дверь была открыта, но внутри комната выглядела пустой. Она прошла по приемной, не сводя глаз с той двери.

Наконец, удовлетворенная, она села. В конце концов, в дверь постучали, и Сузо медленно открыла ее, чтобы впустить Йошинори.

Даже от вида аристократа у Мари по коже пробежали мурашки, но она сдерживала отвращение. Она попросила Сузо принести чай, и женщина молча кивнула, ее лицо ничего не выдавало. Она была отличным выбором для замены Асы.

Йошинори скользнул взглядом по комнате, словно ища ловушку. Мари жестом предложила ему сесть, и он сел. Чай принесли через несколько мгновений, и они сидели молча, разглядывая друг друга. Мари дала ему достаточно времени, чтобы он освоился, а затем продолжила:

— Спасибо что пришли.

Йошинори даже не заботился о приличиях.

— Что вам нужно, леди Мари?

Мари вытащила письмо. Она подняла его, затем небрежно бросила между ними.

— Не так давно я получила сообщение от одного из моих шпионов, служанки, которая уже несколько лет работает у Каташи. Она утверждала, что подслушала разговор, где вы играли заметную роль. Каташи утверждал, что в нашем городе убийца. Тот, кто убил Исау и лорда Исаму, выставив это работой клинка ночи. Он утверждает, что следующая цель убийцы — я.

— И какое это имеет отношение ко мне? — Йошинори даже не волновался.

— Что ж, — сказала Мари, — Каташи также утверждал, что вы все об этом знаете. Что вы были с ним в сговоре. Йошинори, как ты мог?

Письмо перед ними действительно говорило об этом, но оно было основано на письме Коджи, которое не рисовало такую полную картину. Коджи знал только, что Каташи координировал действия с аристократом внутри Стоункипа. Но Мари была уверена в своих выводах. Ей нужно было только, чтобы Йошинори поверил, что у нее были доказательства.

— Как я мог? — Йошинори покачал головой и еще раз огляделся. — Я мог, потому что верю, что ты уничтожаешь этот дом. Любой видит это. Я жалею, что были потеряны жизни, но лидер должен принимать тяжелые решения. Благодаря моей работе, этот дом выживет.

Мари не думала, что ей удастся получить от него признание.

— Если ты веришь в спасение этих земель, Йошинори, поддержи моего мужа безоговорочно. Я никогда не покажу ему это письмо. Даю слово.

Заявление было тщательно составлено. Мари предположила, что Йошинори считал ее наивной, и если она попытается шантажировать, это будет выглядеть примерно так.

Йошинори усмехнулся.

— Леди Мари, вы верите в свою ложь, не так ли?

Мари попыталась выглядеть потрясенной.

— Меня не волнует, поделитесь ли вы этим со своим мужем. Что он сделает? Менее чем через три дня здесь будет лорд Каташи, а Такахиро уйдет в отставку или будет убит. И, наконец, я возглавлю этот дом. Мы оба знаем, что у вас недостаточно знати, чтобы казнить меня. Если бы вы попытались, половина вашего дома восстала бы.

— Разве мы не можем объединиться и объединить наш народ?

Йошинори встал, видимо, устав от этой темы разговора.

— Через несколько дней, леди Мари, вы можете прийти ко мне и просить пощады. А пока не беспокойте меня больше. Мне предстоит еще много работы.

Он повернулся и вышел из комнаты, а Мари подождала несколько мгновений и позволила себе улыбнуться.

Такахиро и избранная группа знати вышли из спальни, где они спрятались вне поля зрения, но могли слышать всю дискуссию. Арата, конечно, присутствовал, но, что более важно, там были и несколько сторонников Йошинори. Они были тщательно отобраны. Некоторые из сторонников Йошинори поддерживали его, независимо от его действий. Но были те, кто поддерживал его только потому, что они считали, что он лучший выбор, чтобы руководить их землями. Как и она, они поддерживали инакомыслие, но не могли мириться с изменой.

Хватило одного взгляда на людей в комнате, чтобы понять, что это сработало. Йошинори недооценил ее в последний раз и сам себя подставил.

Аристократы несколько мгновений тихо разговаривали, собравшись вокруг Такахиро. Как бы ни хотелось Мари присоединиться к разговору, было бы лучше, если бы Такахиро сам справился с этим. Она скромно ждала в стороне, пока Такахиро наставлял других аристократов.

Вскоре встреча закончилась, и Такахиро проводил всех к двери. Когда они остались одни, он повернулся к Мари.

— Уверена, что стоило его отпускать? Он заслуживает смерти, но, по крайней мере, мы могли поймать его.

Мари покачала головой.

— Лучше враг, которого знаешь, чем тот, кого ты не знаешь. Теперь, когда известно об измене Йошинори, мы можем скармливать ему ложную информацию. Если это передадут Каташи, это еще одно наше преимущество. Он увидит, как все его планы рушатся вокруг него, а затем мы сможем арестовать его и казнить.

Такахиро кивнул. Все это было идеей Мари, но он видел в этом мудрость. Такахиро по натуре не был тонким человеком. Когда он видел проблему, он бился с ней в лоб. Мари не была уверена, что в одиночку он смог бы пережить политическую борьбу дома Кита. Но он был лидером, на которого они могли равняться в трудные времена, и Мари была счастлива работать с ним, чтобы управлять домом. Они решили проблему, и теперь осталась только одна. Им нужно было пережить следующие несколько дней и заставить другие дома подписать новый договор.

22

Солнце ушло за горы за Стоункипом, Аса и Коджи собрали палатку и припасы. Как обычно, с наступлением ночи зажгли факелы, и в сочетании с угасающим солнцем света было достаточно, чтобы работать. Факелы останутся зажженными и на месте, даже когда клинки пойдут, поддерживая иллюзию того, что лагерь все еще был там.

Последние несколько дней были наполнены подготовкой. Они купили тележки, приготовили еду, составили планы. У клинков всегда был дом, но этот дом больше не был их. Когда они покинут лагерь, они будут кочевым народом, по крайней мере, какое-то время.

Аса и Коджи узнали новости вместе с остальными клинками. Совет принял решение о новой земле за пределами Королевства, месте, где, как они были уверены, клинки могли жить в мире. Хаджими больше ничего не сказал, не желая выдавать информацию лордам. Как хорошо показал опыт Коджи, не все клинки были верными. Некоторые были верны лорду или только себе. Только Хаджими и еще несколько человек знали, куда они пойдут. Остальным клинкам было предложено отправиться в путешествие исключительно на доверии.

Аса не думала, что у Хаджими будут проблемы с большинством клинков. Гуляя по лагерю последние несколько дней, она увидела достаточно, чтобы понять, что клинки почти достигли предела. Хаджими вспомнил, как клинки сражались с силами леди Мари, и Аса видела их измученные лица, пустые взгляды, на тех воинов надавили слишком сильно.

Даже те, кто прожили в лагере все лето, были готовы к новому старту. Их дома были разрушены, и теперь они жили в палаточном городке с постоянным пониманием того, что их окружают враги. Неспособность расслабиться, наслаждаться жизнью, не беспокоясь даже несколько дней, сказывалась на людях. Аса не могла представить, что увидит клинков в таких ужасных условиях.

Хаджими надеялся. Он был светом в их тьме. Как шахтеры, застрявшие в туннеле,

Клинки яростно стремились к последнему мерцанию надежды.

План Хаджими был простым. Наступила ночь, лагерь было сложнее разглядывать, и они заканчивали собираться. Телеги оставили по всему лагерю, и все вещи были сложены заранее. Но как только наступит ночь, палатки и последние припасы будут загружены на телеги. Затем большинство оставшихся клинков ночи повезут телеги из долины и, в конце концов, на север. Клинки дня и те, кто был слишком слаб, чтобы драться, останутся рядом с телегами.

Устье долины, ведущей к Стоункипу, было больше лиги шириной, но силы Каташи объединились с силами нового лорда Сатору, преемника Исаму. Они заполнили большую часть долины. Клинки собирались пронзить самое сердце сил Каташи. Когда Коджи услышал план, он заметил, что, когда клинки покинут Королевство, они также уничтожат большую часть способности лордов вести войну. Аса удивилась, насколько преднамеренным было это решение.

Аса помогла Коджи закончить наполнять телегу, которую он будет сопровождать. Несмотря на то, что с ним все было в порядке физически, Коджи решил не участвовать в предстоящей битве. Он сам будет сопровождать телегу, следуя за другими клинками ночи, пока они расчищают путь.

Они вдвоем несколько ночей говорили о проблемах Коджи. Одно время его энергия была почти ослепляющей даже в состоянии покоя. Теперь он чувствовал себя почти обычным человеком, его навыки владения мечом были почти бесполезны. Аса твердо верила, что Коджи потерял уверенность. Коджи не был Коджи, если он не боролся за то, во что верил, но он видел, куда его могла привести слепая вера. Из-за этого он почти ни во что не верил, и источник его силы стал убывать.

Ей не хотелось видеть его таким, но он искал свой путь. Решение не участвовать в этой битве было частью этого. Он сказал ей, что их ночной набег на силы Каташи был слишком похож на выбор, который он сделал этим летом, и он не хотел снова участвовать в чем-либо подобном. Он поможет клинкам, сопровождая тележку, но не повторит своих ошибок. Аса хотела, чтобы он одолжил им свою силу, но она уважала решение, которое он принял.

— Готова? — спросил он, пока она загружала последние их вещи. Она повернулась и посмотрела на пустой участок на месте их временного дома. Когда они остановятся снова, они смогут построить настоящий дом. Она посмотрела на него, с нетерпением ожидая возможности. Иногда она изо всех сил пыталась поверить, что они знали друг друга всего несколько лет. Иногда ей казалось, что они знали друг друга со дня своего рождения.

— Да.

— Будь осторожна, — сказал он.

— Ты тоже, — Аса хотела сказать больше, но слова не сорвались с губ. Она подошла к телеге, притянула к себе Коджи и поцеловала его.

Она ощутила его первоначальное удивление, а затем его удовольствие, когда он расслабился. Аса не любила проявлять чувства на публике, но на данный момент это было лучшее, что она могла сделать.

Она прервала поцелуй, игриво толкнув его. Больше она ничего не сказала, пошла вперед в строй клинков ночи, собравшихся во главе колонны.

* * *

Аса была одной из последних в строю клинков. Она узнала направление от другого клинка и нашла место около середины формации. Клинки с боевым опытом составляли

первые ряды в паре с партнерами, с которыми они тренировались и которым доверяли. Аса, не являвшаяся частью новой тактики Коджи, была переведена в основную группу.

Они подумывали обучить всех клинков ночи тактике, которую Коджи использовал в своих битвах. Были проведены тренировки, и многие новые пары научились работать вместе, но на то, чтобы обучить всех, просто не хватило времени.

Когда они зашагали, Аса уловила смутно знакомое присутствие, подкрадывающееся к ней. Она посмотрела вниз и увидела Джунко, девочку-клинка ночи, которую она спасла из Звздопада, она шла рядом. Она не видела Джунко больше месяца, занятая дворцовыми интригами. Джунко встретила с ней взглядом, и Аса поняла, что девочка выросла с их последней встречи. Девушка, которая боялась солдат, пропала, ее место занял молодой воин, месть горела в ее глазах.

Аса подумывала сказать девушке, чтобы она вернулась к телегам, где она будет в большей безопасности. Но она передумала. В их рядах было много воинов, которые были слишком молоды. Но если они могли обращаться с мечом и были готовы, они могли пополнить ряды боевых клинков ночи. Джунко была даже не самой маленькой из тех, кого она видела в непосредственной близости.

Когда Аса посмотрел на девушку, она увидела в ней, стало не по себе. Как и Джунко, она слишком рано потеряла семью, и, судя по тому, как девушка двигалась, и решимости в ее глазах, Джунко бросилась тренироваться так же, как Аса.

— Рада тебя видеть, — сказала Аса.

Девушка, которая выглядела так, словно нервничала, внезапно просияла.

— Спасибо. Я упорно тренировалась.

— Вижу, — Аса обдумала свои следующие слова, окончательно решив, что они верны. — Будем сражаться вместе?

Джунко кивнула, и, хотя она ничего не сказала, Аса увидела, как она стиснула зубы. Со времен Звздопада девушка равнялась на Асу. Теперь она, наконец, получила шанс сразиться рядом с ней. Если Джунко не была глупой, Аса не возражала против того, чтобы рядом был еще один клинок. Их мечи быстро расправятся с ничего не подозревающими врагами.

— Просто слушайся меня, — сказала Аса. Они не тренировались вместе, но если Джунко доверится чувству Асы в разгар битвы, они смогут хорошо работать вместе.

Джунко согласилась, и они пошли к своему последнему бою.

— Я так и не отблагодарила тебя за спасение, — сказала Джунко.

— Не нужно, — ответила Аса.

— Нужно, — возразила Джунко. — Я тренировалась в боях всю свою жизнь, но все это ничего не значило, пока ты не пришла. Теперь я знаю, что значит бороться ради цели.

Аса удивленно посмотрела на девушку. Джунко смотрела вперед, не глядя Асе в глаза.

Через несколько секунд Аса последовала ее примеру.

Они шли как можно тише, но более тысячи клинков не могли двигаться, не издавая ни звука. От скрипа телег до кашляющего человека в нескольких шагах от них — их продвижение вряд ли кого-то застанет врасплох. Джунко первой заметила проблему.

— Разве мы не должны быть ближе к горам?

Аса посмотрела на тусклые силуэты вершин на севере. Во тьме ночи они стояли, как тихие великаны, едва озаренные звездами. Джунко была права. Если клинки шли в сердце лагеря Каташи, они должны были двигаться ближе к горам.

Смятение Асы длилось лишь миг, потом она поняла.

— Мы не идем прямо в лагерь Каташи. Хаджими врал нам на случай, если среди нас есть шпионы.

Аса подпрыгнула, пытаясь увидеть массу клинков перед собой. Она ощущала себя глупо, и ей потребовалось несколько попыток, но она смогла понять, куда они шли. Перед ними были два отчетливых скопления света. Один лагерь должен был принадлежать Каташи, а другой — Сатору. Они шли примерно между лагерями.

Истинная стратегия Хаджими показалась Асе гораздо более разумной. Если бы они атаковали центр лагеря Каташи, телеги не смогли бы миновать палатки, независимо от того, какой урон нанесла бы их атака. Если разделить силы, клинки смогут создать смятение между противостоящими армиями. Если повезет, Каташи и Сатору могут даже некоторое время атаковать друг друга.

Аса сообразила, что к тому времени, как они приблизились к противнику, прошла половина ночи. Каждый шаг усиливал ее предвкушение, и она видела немало клинков, нервно держащихся за рукояти.

Вдалеке, на севере, небо внезапно вспыхнул красный свет. Аса бросила туда быстрый взгляд, к первому присоединилось еще несколько огней. Огни медленно опускались на землю, как фейерверк, который отказывался сгорать. Аса резко осознала, что враг пытался осветить поле битвы.

В мерцающем красном свете она увидела, что лагерь Каташи был готов к бою. Коджи опасался, что они нападут на спящую армию, но кто-то в рядах клинков предупредил Каташи. Но они ожидали нападения на свой лагерь. В результате Каташи выстроил свои силы против пустого поля.

Внезапно масса клинков сдвинулась, будто по невысказанной команде. Возможно, спереди были отданы приказы, а Аса ничего не слышала. Тем не менее, клинки изменили направление, теперь они направились на север, глубже в лагерь Каташи.

Красный свет не осветил врага, как ожидали люди Каташи, но он позволил увидеть колонны клинков. Линии попытались перестроиться, как только клинки напали на них, и хаос разразился повсюду.

Несколько нереальных мгновений Асе казалось, что она стояла в самом центре битвы, не подвергаясь опасности. Перед ней, когда линии столкнулись, эхом разнеслись звуки битвы. Но пока ее окружали только другие клинки.

Момент длился недолго. Вскоре солдаты в красной форме начали просачиваться сквозь ряды клинков, и Аса вытащила мечи, ее тело уже реагировало на ближайшую угрозу.

С таким количеством тел в замкнутом пространстве ее чувство не могло тянуться далеко. Она отодвинула его примерно на пять шагов, а затем обуздала. Информация была почти на грани того, с чем она могла бы безопасно справиться в бою, и ее навыки никогда не подвергались таким испытаниям. В мгновение ока она не просто видела горстку солдат, а чуть не превратилась в них.

В большинстве боев ее стратегия была проста. Одним клинком она парировала удары, а другим — наносила. В тесноте тел меньшая длина ее мечей стала преимуществом, как и дополнительная сталь. Аса ощутила, что Джунко находилась всего в нескольких шагах от нее, и двинулась в том направлении, зарезала юношу, который собирался ударить по клинку ночи.

Две женщины стояли на месте, расчищая окружающее их пространство. Аса позволила себе оставить спину незащищенной, доверив Джунко прикрыть ее, как она прикрывала

Джунко. Девушка была неплохой. Некоторые из ее ударов были немного необузданными, но она была быстрой и бесстрашной, а в темноте они обладали множеством преимуществ.

Жуткий красный свет погас, но в воздух запустили новые огни. Аса предположила, что они должны были свести на нет некоторые преимущества клинков ночи, но на деле все было наоборот. Мерцающий красный свет позволял солдатам Каташи думать, что они видели, но он был недостаточно ярким или постоянным для боя. Солдаты Каташи доверяли глазам, в то время как клинки ночи верили чувству и были вознаграждены.

Тем не менее, разница в количестве сказывалась. Все преимущества в этом мире мало что значили, если вас можно сбить сзади, пока вы сосредоточены на противнике перед вами.

В паре Аса и Джунко сумели избежать участи многих клинков рядом с ними. Без кого-то, кто бы следил за их спиной, слишком много клинков упало от огромного количества врагов. Но Аса и Джунко держались подальше, делая один кровавый шаг за раз.

Время от времени Асе приходилось кричать Джунко, чтобы она сбавила скорость. Рвение девушки могло ее погубить, и ей нужно было бороться с желанием постоянно углубляться в битву. К счастью, она слушала команды Асы, и каждый раз, когда они почти расходились, она либо возвращалась, либо ждала, пока Аса догонит.

В коротких перерывах между боями Аса иногда рисковала посмотреть на горы, пытаясь понять их позицию. Клинки сначала шли почти прямо на запад, но после того, как зажглись огни, они изменили свое направление на северо-запад. Аса надеялась, что телеги останутся вдали от самых страшных сражений.

Время и место потеряли смысл, бой продолжался. Большинство клинков пытались поспать накануне, зная, что их ждет долгая ночь. Но если большинство из них были похожи на Асу, их отдых был только прерывистым. Все, что Аса могла сделать, — это сосредоточить чувство на пространстве, окружающем ее, и надеяться на лучшее.

Она почти не заметила, как зеленая форма начала сливаться с красной. В темноте было трудно различить цвет, а враги и друзья выглядели очень похожими. Разница была только в чувстве: сияющая энергия клинка ночи была ярче, чем тусклый свет солдата дома.

План Хаджими, если таковой был, похоже, работал. Красные огни в небе становились все более прерывистыми, и Аса решила, что у них заканчивалось то, из чего они появлялись. С меньшим количеством света и большей темнотой Аса упивалась дополнительным преимуществом. Без мерцающего света силы Каташи и Сатору сражались друг с другом почти так же часто, как и против клинков ночи.

Джунко и Аса столкнулись с группой солдат, которые сражались друг против друга. Два клинка обошли конфликт, но оказались в центре другой битвы. Джунко привлекла трех противников, а Аса — двух. Солдат слева от Асы нанес удар, и Аса подняла левый меч, чтобы отразить удар. Когда она это сделала, солдат справа ударил, злобный взмах, за которым стояло больше гнева, чем техники. Аса отступила, чувствуя приближающийся удар. Меч солдата пронесся перед ней, чуть не задев. Не в силах контролировать свой удар, солдат пронзил своего напарника, который не мог заблокировать, ведь его меч был сбит мечом Асы. Мужчина упал с выражением удивления и предательства на лице.

Солдат справа от Асы выглядел потрясенным и оцепеневшим, когда понял, что только что сделал. Аса не дала ему времени пожалеть о своем решении, одним быстрым движением вонзив меч ему в горло.

Позади нее Джунко ощущала сильное давление. Ее меч двигался быстро, но против трех противников ей нужно было уступать, а места не было. Аса чувствовала все удары.

— Джунко, вниз!

Если бы Джунко сражалась одна, это решение убило бы ее. Но она слушала, без колебаний присела. Один удар пронесся над ее головой, и Аса развернулась и отбила еще две атаки, сбив их. Джунко не упустила возможности, которую ей дала Аса. Она пронзила одного противника, в то время как Аса повернулась и напала на двух других.

Атаки Асы только отгоняли двух других, но потом Джунко присоединилась к атаке, и двое мужчин быстро упали от силы двух женщин. Джунко кивнула с одобрением Асе, и они пошли глубже в бой.

* * *

Аса сидела без сил, мышцы обмякли, смотрела на сцену с небольшого холма, куда забралась с Коджи.

Клинки пробили ряды Каташи почти на рассвете, и когда солнце взошло, клинки были далеко от лучников Каташи. Слишком много было потеряно от стрел после того, как худшее сражение закончилось.

Битва была жестокой, кровавой смесью мечей и ненависти, и обе стороны заплатили цену.

Силы Каташи были сломлены, и на каждый упавший клинок Каташи терял как минимум трех человек. Каташи все еще представлял угрозу, но Аса была вполне уверена, что теперь у него на поле боя наименьшие силы, как и самые растерянные. Войска Сатору тоже понесли потери, но они почти не участвовали в боях. Новый лорд южных земель теперь оказался с самой большой боевой силой. К сожалению, в отличие от войск Каташи, которые усердно тренировались под руководством лорда Шина и лорда Каташи, южные войска были неопытными. Исаму никогда не готовился к войне.

Коджи сидел рядом с Асой. Его черная одежда была залита чужой кровью. На телеги напали, и Коджи был вынужден их защищать. По общему мнению, здесь происходили одни из самых ожесточенных боев. Аса хотела спросить об этом, но отношение Коджи ясно дало понять, что он не хотел говорить о бое.

Вместе они смотрели на поле битвы, которое только что покинули. Силы Каташи пытались собраться, а силы Сатору, похоже, были в беспорядке. Каташи не поделился сведениями о надвигающейся атаке со своим союзником, и многие люди Сатору спали, когда началась битва. Они проснулись от красных огней в небе и звуков битвы, но были полностью дезориентированы.

Даже утром, судя по движению войск среди лагеря, казалось, что Сатору не был уверен, нападет он в этот день, разобьет лагерь или отступит.

В отличие от двух противостоящих армий, объединенные силы всех войск дома Кита двинулись в долину с гор, через которые они шли уже много дней. Они построились в долине ниже Стоункипа ровными рядами. Аса предполагала, что битва скоро начнется.

Многие клинки пошли дальше на север. Аса и Коджи не знали, куда их вел Хаджими, но клинки следовали без вопросов. Цена прохождения через ряды Каташи была высокой. Аса подсчитала, что осталось не больше четырехсот клинков в группе. Хотя многие еще бродили по Королевству, Аса была уверена, что их всех было меньше тысячи. Осталось так мало.

Некоторые клинки пришли с Асой и Коджи, им был интересен исход их действий. Около трех дюжин стояли или сидели на склоне холма. Джунко хотела присоединиться к ним, но Аса настояла на том, чтобы девушка осталась с остальными. Ей не нужно было видеть еще одну битву.

Даже после действий клинков ночи казалось, что силы Такахиро проигрывали количеством, хотя и не намного. У них не было лучшей возможности защитить свою землю. Как Аса и думала, войска дома Кита двинулись вперед. Вскоре лучники стали посылать волны стрел во вражеские войска.

Силы Каташи ответили, хотя и медленнее, чем Аса видела в прошлом. Они бились всю ночь и понесли тяжелые потери. Войска Такахиро хорошо отдохнули и защищали свою землю. Хватит ли этого?

Линии столкнулись быстро. Они были достаточно далеко, чтобы Аса не могла разобрать детали боя, но, похоже, ни одна из сторон не получала преимущества. Когда солнце взошло, и летний день стал теплее, борьба, казалось, прекратилась.

Немногие из клинков говорили, а когда говорили, то шепотом. Аса и Коджи молчали, наблюдая, как судьба Королевства решается без них.

Когда взгляд Асы скользнул по полю битвы, ее внимание привлекли силы Каташи. Они были сильно прижаты и, за исключением одного участка, были на грани разрушения. Затем Аса увидела флаг Каташи далеко в тылу отряда. Мужчина редко рисковал собой в бою. Ей пришлось в голову нелегкое решение.

Люди Каташи не обращали внимания на свой фланг. В нормальных условиях им не о чем бы беспокоиться. Горы защищали их от сил, пытающихся проложить себе путь в битве. Но они забыли о клинках ночи. Она огляделась. Никто другой этого не заметил, а если и заметил, то им было все равно.

Но они могли вернуться. У них были причины убить Каташи. Он сжег Звездопад, убил лорда хладнокровно.

Аса повернулась, проверяя, шла ли колонна клинков на север. Они пропали из виду. Они уже оставили все позади.

Аса подумала о свободе, которая ее ждала. О доме, где ее не будут судить за ее навыки. Ей просто не нужно было ничего делать.

И она подумала о Мари, улыбающейся ей во время свадьбы.

Аса встала, привлекая внимание многих клинков. Она указала на флаг Каташи.

— Каташи беззащитен сзади. Я убью его. Кто хочет помочь?

23

Часть Коджи просто перестала думать. Так было проще, ветер толкал его, как корабль в шторм. И он следовал за волнами.

Он шел за Асой и почти двумя дюжинами клинков ночи. Как и он, их, казалось, не нужно было убеждать. Он одобрил решение Асы, хотя был удивлен, что она приняла его. Было приятно увидеть, как Каташи предадут суду за совершенные им преступления. Встретив этого человека лично, Коджи был уверен, что ему никогда не позволят править.

Он чувствовал что-то внутри себя, пока они бежали к линиям Каташи, чего он не ощущал уже много дней. Он был с Асой и бежал на битву с другими клинками рядом с ним. Его действия были полностью его собственными, и то, что они сделали, было правильным. Он чувствовал это до мозга костей.

С каждым шагом в нем накапливалась энергия. Чем ближе был Каташи, тем больше злился Коджи на все, что произошло. Его энергия была как волна, поднимающаяся прямо перед тем, как разбиться, и, хотя он уже бился весь вечер, его шаги были легкими, а разум — ясным.

Окружающие, казалось, тоже это чувствовали. Коджи побежал быстрее, обогнал Асу.

Они переглянулись, и она кивнула. Она начала атаку, но он возглавит ее. Он чувствовал себя легким, как воздух, внутри поднималась сила. Он увеличил темп. Хотя другие клинки ночи тоже устали, он чувствовал, что они не отставали. Вместе они ярко сияли для его чувства, почти ослепляя своей силой.

Коджи увидел несколько беспорядочных стрел, запущенных в небо. Некоторые из лучников заметили их и пытались сбить. Сегодня у клинков не было щитов. Они легко преодолели рубежи Каташи и не думали, что они им понадобятся, когда взбирались на холм, чтобы наблюдать за битвой.

Они не чувствовали стрел. Их дар работал только с живыми объектами, поэтому зрение было их единственной защитой.

К счастью, организованного сопротивления не было. Коджи и клинки видели стрелы и легко уклонялись от тех немногих, что прилетали близко. Но лучники предупредили тыловые линии, и к тому времени, когда Коджи и другие клинки преодолели расстояние, они оказались лицом к лицу с собранными солдатами.

Коджи знал, что Каташи окружил себя одними из лучших воинов. Он гадал, осмелился ли лорд включить в состав наемников из клинков ночи. Хотя его чувство путалось, если он послал его слишком далеко на поле битвы, Коджи не почувствовал никаких других клинков.

Коджи оттолкнул копьё, нападая на солдат. Копейщик удержал оружие, но сила удара Коджи слегка повернула его в сторону. Коджи ударил, и человек упал, открыв первую брешь в линии. Коджи повернулся, когда еще одно копьё полетело в него, ударил локтем в лицо солдата. Он позволил инерции унести его в гущу врагов, остановившись только тогда, когда ударил плечом гигантского человека в тяжелой броне.

Гигант был на две головы выше Коджи, и его доспехи накрывали мускулы. Двигаясь быстрее, чем ожидал Коджи, мужчина замахнулся одним из огромных, клинок ночи был слишком близко для длинного изогнутого меча мужчины.

Коджи почувствовал удар заранее. Он отступил, пропуская кулак перед собой. Прежде чем гигант смог ответить, он поднял меч, чтобы заблокировать еще одну атаку другого врага, а затем еще одну.

Затем великан взмахнул мечом в убивающей атаке. Коджи видел такие мечи раньше, но не часто. Они были слишком большими для среднего воина. Но этот человек держал меч очень хорошо. Лезвие несло почти горизонтально, и Коджи не мог отойти достаточно далеко, чтобы избежать удара. Он поднял меч, придерживая его свободной рукой. Огромный меч с лязгом ударил по мечу Коджи, отлетел прочь от него.

Руки Коджи задрожали от силы удара, и он едва успел прийти в себя, чтобы ответить солдатам вокруг него. Ему нужно было очистить пространство, чтобы сосредоточиться на гиганте, но врагов было слишком много, чтобы иметь дело с ним одновременно. Ему повезло, что его еще не проткнули.

Где были другие клинки? У него не было времени замереть и оценить ситуацию. Он ощущал их в нескольких шагах позади себя, близко, но вне досягаемости. Копьё пробилось между двумя вражескими воинами, и Коджи было некуда уклоняться. Он повернулся, и копьё рассекло его левую руку.

Коджи не обращал внимания на боль, сосредоточившись только на том, чтобы добраться до Каташи. Он одолел солдата, защищаясь при этом от нападавших, но на его место сразу же вступил другой. Коджи не был уверен, сколько еще сможет избегать множества ударов, летящих к нему.

Внезапно рядом с ним оказалась Аса, ее мечи сверкали и блокировали удары. Когда она проходила мимо, Коджи принял боевую стойку, его меч рассекал. Солдаты начали падать, и впервые за несколько мгновений Коджи двинулся против врага.

Гигантский воин увидел брешь и бросился на Асу. Коджи не успел среагировать, но Аса нырнула в сторону. Коджи атаковал солдат вокруг нее, когда она вернулась на ноги. Затем вмешался еще один клинок ночи, и битва стала ровнее. Гигант ударил мечом по горизонтали, отгоняя клинков.

Коджи шагнул в пространство позади атаки. У великана было преимущество в досягаемости, и он был достаточно быстрым для своего размера. Но Коджи отказывался бояться. Он крепче сжал рукоять меча, наслаждаясь холодной, негибаемой сталью. Он сражался со всеми трудными противниками, которых мог найти, и этот человек ничем не отличался.

Гигант шагнул вперед и ударил мечом, позволив силе тяжести ускорить меч. Первым побуждением Коджи было отразить атаку, но он вспомнил брешь, которую допустил, когда их мечи встретились в последний раз. Даже скользкий удар мог дать человеку время, необходимое, чтобы прикончить Коджи.

Коджи отступил в сторону, его меч все еще был высоко. Невероятно, но гигант будто предсказал движение и сумел остановить меч посреди удара, атаковав наперерез с невероятной скоростью.

Коджи не мог опустить меч достаточно быстро, поэтому последовал примеру Асы и нырнул в сторону. Земля приближалась, и он рухнул на левое плечо. Он скривился от боли, задел рану от копья, но поднялся на ноги прежде, чем гигант смог нанести смертельный удар.

Они стояли, оценивая друг друга. Коджи гадал, был ли он достаточно быстр, чтобы проникнуть под длинный меч и нанести смертельный удар. Гигант показывал навыки с мечом, ему было удобно с этим оружием. Пространства было много, и Коджи не был уверен, что сможет сделать шаг вперед, не получив рану.

Он глубоко вдохнул, чувствуя, как напряжение в мышцах пропадает. Он был здесь, чтобы сразиться и убить Каташи, чтобы положить конец ужасу, преследовавшему клинков. Коджи почувствовал, как тепло разливалось по его телу и конечностям. Звуки битвы вокруг него стихли, остались только он и великан. Он почувствовал, как великан опустил свой меч для еще одного горизонтального удара.

На этот раз Коджи погрузился в состояние расслабления, следуя неизвестным инстинктам. Он чувствовал, как сокращаются мускулы врага, мог прочитать намерение, когда могучий воин начал атаку. Гигант был готов к тому, что Коджи либо заблокирует его, либо прыгнет в сторону, и его контрмеры были уже подготовлены. Любой шаг только продлит бой или приведет к его смерти.

Коджи увидел ответ в своей голове, прежде чем выполнил его. Он наклонился, и великан ожидал, что клинок ночи снова нырнет. Огромный меч полетел по смертоносной грациозной дуге. Затем Коджи подпрыгнул и повернулся, крепко прижав руки к торсу. Благодаря реакции мужчины, меч оказался достаточно низко, и Коджи перепрыгнул опасную сталь. Коджи приземлился на одну ногу, продолжил вертеться и прорезал дыру в броне мужчины на его шее.

Не было времени праздновать. Когда великан упал, его место заняли два воина, и битва продолжилась. Но теперь Коджи и клинки снова набрали обороты. Коджи чувствовал, как за

его спиной присутствие клинков становилось меньше. Его собратья очень хотели положить конец этой войне.

Коджи через несколько мгновений поднял взгляд, чтобы увидеть, где находится флаг Каташи. Флаг был близко, всего в десяти шагах от него. Коджи видел Каташи, сидящего на коне, окруженного солдатами со всех сторон.

Коджи почувствовал, как волна энергии захлестнула его, как вода из прохладного ручья. Он двинулся вперед, его оружие нашло дыры в защите врагов. Он смотрел только на Каташи.

Глаза лорда встретились с его, и Коджи увидел ужас этого человека. Каташи обучался смертоносным искусствам, но не был воином. Коджи пробил последнего стража, и Каташи попытался сбить его на своем коне. Однако прежде чем он смог развернуть лошадь, Коджи без сожаления рассек животное, в результате чего оно рухнуло.

Каташи был либо опытным, либо удачливым, пережил падение лошади, неловко откатился и поднялся на ноги невредимым. Он вытащил меч, все еще отполированный, хотя его войска сражались всю ночь и весь день.

Лорд атаковал, удар был совершенным, такого желал любой мастер меча. Но удар был медленным и неубедительным. Коджи почувствовал его приближение и вступил в защиту Каташи прежде, чем тот успел среагировать. Он сделал выпад, изо всех сил пробил мечом броню мужчины, пронзил его живот. Коджи мог поразить легкие, но более медленная смерть казалась более подходящей.

Каташи уронил меч, как только Коджи вонзил свой в его тело. Его глаза расширились от недоверия, и Коджи полностью вонзил меч, чувствуя неровное, удивленное дыхание Каташи на своем лице. Коджи впился взглядом в лорда, затем отступил и вытащил меч, повернулся и рассек его. Он не оставит Каташи шансов выжить.

Через миг Аса подошла позади Коджи, рассекла знаменосца Каташи.

Один страж, ослепший от ярости, бросился на Коджи. Коджи лениво разрезал его, и мужчина упал.

Он услышал внизу безумный смех и, опустив взгляд, увидел Каташи с блеском в глазах. Когда Каташи увидел, что Коджи смотрит, он снова рассмеялся.

— Ты опоздал, — пробормотал он, из уголков его рта потекла кровь.

Затем Каташи, лорд дома Амари, испустил последний вздох.

24

С места на дороге, ведущей к Стоункипу, Мари наблюдала за разворачивающейся битвой своими нетренированными глазами. Она уже видела в своей жизни больше битв, чем хотела, и даже Такахиро поощрял ее остаться. Но если кому-то нужно было столкнуться с ответственностью за эту войну, ей придется это сделать. Она приняла решения, которые привели к этому моменту, и она не будет прятаться за стенами своего замка. Она будет наблюдать за тем, что она привела в движение.

Сделать это было непросто. Каждый раз, когда линии сдвигались, она думала о жизнях, которых стоило это движение. В стороне Такахиро совещался с Фумио, добавляя свои предложения. Но по большей части тропа была тихой. Фумио был лучшим тактиком среди них, и он вел битву.

Хотя она считала важным свое присутствие, Мари не могла ничего предложить, кроме этого. Она не знала боевых стратегий и, конечно же, не понимала нюансов столкновений армий.

Временами ей казалось, что она видела проблеск битвы за битвой. Она видела, как

пехотный отряд занял небольшое возвышение, а затем охранял его, чтобы лучники могли лучше атаковать своих врагов. Она видела, как кавалерия оставалась подвижной, била по тем группам, которые пытались напасть на них. Иногда она видела действия, которые не могла понять, но отказывалась паниковать. Она доверяла Фумио и его приказам. Он был одаренным генералом.

Мари видела, как упало знамя Каташи. Прищурившись, она подумала, что увидела каплю черного среди всего красного. Неужели некоторые из клинков ночи атаковали с тыла? Хаджими не обещал таких действий. Он ясно дал понять, что, как только клинки пройдут через линии Каташи, их роль в войне закончится. Когда взошло солнце, Мари увидела, как маленькая группа ушла, оставив после себя широкую полосу разрушения.

Она не могла быть уверена, но потеря знамени Каташи немедленно повлияла на его оставшихся солдат. Линия прогнулась, и хотя до разгрома армии оставалось еще некоторое время, даже Мари могла видеть, что величайшая угроза ее землям уже была побеждена. Йошинори, вероятно, прячущийся где-то в Стоункипе, будет очень разочарован, узнав, что его благодетель умер.

Мари сдерживала радость от этого знания. Как бы соблазнительно ни было, она не хотела становиться человеком, который наслаждался страданиями другого. Йошинори мог быть злодеем, но он все еще был членом ее дома. Ей нужно было помнить об этом.

Она услышала, как Такахиро подошел к ней. Он наклонился и схватил ее за руку, пока они наблюдали за битвой.

— Видела, как упал флаг Каташи?

Она кивнула.

— Думаю, это были Коджи и Аса. Я не совсем ясно видел, но вполне уверен.

Мари хотелось, чтобы у них было больше подзорных труб. Прямо сейчас, каждая из Стоункипа использовалась командиром или офицером. Ей очень хотелось увидеть, как Каташи упал, вблизи. Но то, что сказал Такахиро, казалось разумным. Если кто и мог развернуться и атаковать Каташи с его фланга, так это они. У них было столько же причин ненавидеть Каташи, сколько и у нее.

Новости были хорошими, но пока она не позволяла себе надеяться. Ветры дули с запада, наполняя ее нос запахом смерти. Цена этой битвы была уже слишком высока, и она еще не закончилась.

Силы Каташи медленно сходили на нет, Мари обратила основное внимание на силы Сатору. Там солдат Кита было меньше, но южные солдаты плохо сражались. Исаму никогда особо не сосредотачивался на вооруженных силах, и эта ошибка теперь стоила его дому. Мари наблюдала, как воины их дома легко выдерживали случайные нападения.

Мари посмотрела на мужа, чувствуя тепло, думая об этом слове.

— Сможем ли мы победить?

Такахиро на мгновение задумался, прежде чем ответить.

— Можем, но эта битва все еще может развернуться в любую сторону.

Он крепко сжимал ее ладонь, она могла держаться за него, каким бы ни был хаос вокруг нее. Мари сжала сильнее его руку, пока они смотрели на бой за судьбу Королевства.

Ее внимание внезапно привлекло волнение внизу. Со своей позиции Мари, Такахиро и Фумио могли смотреть на поле относительно в безопасности. Если битва закончится неудачно, у них останется возможность отступить в Стоункип. Тем не менее, ниже их стоял большие отряды стражи, и любому противнику пришлось бы прорвать их позиции даже для

того, чтобы зайти так далеко.

Ближе к началу дороги шла битва между их воинами и большим отрядом воинов Каташи. Но группа солдат в красном продвигалась сквозь синих. Битва была небольшой, по сравнению с более крупной битвой внизу, немногие из командиров, казалось, сосредоточились на ней. Внимание было обращено на большую битву.

Пока Мари наблюдала, она увидела, как люди в красной форме с легкостью рубили ее воинов. Она и раньше видела такой вид боя. Она сжала руку Такахиро и указала на дорогу.

— Это клинки ночи из армии Каташи?

Такахиро повернулся и сам наблюдал за битвой, затем выругался.

— Да.

Клинка ночи пробилась в ряды стражников, рассекая их, как траву. Бой был достаточно близко, чтобы это заметили и командиры.

Сузо первой увидела причину. Она стояла немного ниже их на дороге, между ними и битвой. Она повернулась к леди Мари.

— Нам нужно немедленно вернуть всех в Стоункип.

Такахиро запротестовал:

— Если мы уйдем, моральный дух пострадает, и мы потеряем связь с нашими командирами на земле. Мы можем проиграть всю битву.

Сузо колебалась, находясь между своим долгом перед лордом и долгом обеспечивать безопасность леди Мари. Одного взгляда Мари хватило, чтобы глава охраны поняла, что Мари не собирается бросать мужа. Она выругалась более красочно, чем Мари ожидала. Даже у Такахиро открылся рот на мгновение, прежде чем он спохватился.

— Прекрасно, — сказала Сузо. — Но я собираюсь приготовить лошадей. Если мы не сможем их удержать, я буду ждать, что вы отступите. Вы не можете наслаждаться победой, если вы мертвы!

25

Аса чувствовала усталость глубоко в костях, словно тяжесть, которую она несла при каждом движении. Близость Коджи помогала, но даже его дар, поддерживающий их всех, имел пределы.

У нее не было ни слов, ни энергии, чтобы описать случившееся. Что-то в Коджи питало остальных. Она увидела по лицам, что другие тоже были потрясены тем, что они испытывали. Ничего подобного не существовало даже в легендах.

После ночи битв и бега они должны были устать, не найти сил, чтобы атаковать Каташи. Но Коджи изменил их, каким-то образом увеличил запас сил, на который они могли опираться. Даже сейчас Аса это чувствовала. Когда он подошел ближе, она почувствовала себя более бодрой и внимательной, усталость сползала с нее, как омертвевшая кожа. Но когда он повернулся к другому и сделал несколько шагов в сторону, она ощутила, как усталость снова овладела ею.

У нее не было хорошего объяснения. Она ощущала, как энергия втекает в Коджи, снова горящего целью. Казалось, часть этой энергии втекала и в них.

Их небольшая группа клинков ночи — теперь их было меньше двадцати — стояла в странном месте на поле боя. Они были почти полностью окружены солдатами Каташи, но никто не сражался. Несколько солдат напали сразу после смерти Каташи, движимые горем и гневом. Их быстро убили, и теперь клинков не трогали.

Что-то беспокоило Асу. Почему Каташи сказал, что было слишком поздно? Он говорил

так уверенно, и казалось маловероятным, что его последние слова были блефом. Так что он имел в виду?

Аса с трудом поднялась на ноги, озираясь. Силы Такахиро были почти там, где стояли она и клинки, а это означало, что силы Каташи были почти уничтожены. Со своего места она не могла видеть большую часть битвы между двумя другими домами, но Каташи не об этом говорил.

Аса повернулась и посмотрела на дорогу, ведущую к Стоункипу, где на ветру гордо развевался флаг дома Кита. Под флагом бушевала стычка, последние силы Каташи делали последний рывок. Но их было меньше, так что это не имело значения.

Но пока Аса смотрела, она видела, как силы Каташи резали своих врагов. Их могло быть меньше, но они побеждали. Аса выругалась, поскольку в ее голове возникли связи. Она не могла подтвердить догадку. Эта битва была дальше, и в массе людей чувство Асы не могло пройти достаточно далеко. Но она была уверена, что была права.

Аса подозвала Коджи и указала на дорогу.

— Это клинки ночи Каташи?

Коджи только мгновение наблюдал, прежде чем пришел к такому же выводу.

— Они.

Вокруг них люди Каташи начали сдаваться. Битва, по крайней мере, здесь, заканчивалась.

Аса посмотрела на Коджи.

— Ты хочешь спасти ее, — это был даже не вопрос.

Он кивнул, и, хотя выражение его лица оставалось спокойным, Аса почувствовала, как в него вливается еще больше энергии. Что это был за человек? Она сама ощущала, что с ним происходило, но с трудом могла поверить в то, что ей говорило ее чувство.

Аса снова посмотрела на север, где теперь исчезли другие клинки. Она почувствовала укол зависти к тем, кто ушел, к тем, кто уже оставил все это позади.

И в этот момент она увидела проблески будущего. Клинки совершали ее ошибку, думая, что они могли оставить жизнь и нанести удар самостоятельно. Они не видели то, что связывало их всех вместе. В конце концов, клинки либо вернуться, либо увянут и будут страдать сами по себе.

Аса почувствовала, как часть избыточной энергии Коджи просочилась в нее, укрепляя ее конечности.

— Последняя битва, — сказала она.

— Последняя битва, — сказал Коджи.

* * *

Они побежали, Аса прерывисто дышала.

Коджи собрал оставшихся клинков ночи и рассказал им о своих планах. Аса не знала, они следовали за Коджи или согласились с тем, что Мари нужно защитить, но каждый последовал за ним. Аса подозревала, что дело было в Коджи. Он был тем человеком, за которым хотели следовать другие.

Они пытались пройти через силы дома Кита, но быстро осознали свою ошибку. Эти солдаты не считали их дружелюбными. Они не атаковали так быстро, как силы Каташи, но и не собирались пропускать клинков ночи через свои ряды. После нескольких мгновений поспешных переговоров Коджи сдался и решил пробежать по оставшейся части поля битвы.

Им помогло смятение от остатков битвы. Люди Каташи сдавались, и клинкам уделялось

мало внимания, когда они бежали по краю поля. Иногда отряд пытался следовать за ними, но не долго. У них были другие обязанности, и ни один отряд не хотел брать на себя коллекцию клинков ночи.

Аса знала, что ей нельзя продолжать бежать, но Коджи заставлял их двигаться. Аса задавалась вопросом, когда все это будет сделано, какие повреждения будут нанесены ее телу.

Они добрались до дороги и начали долгий подъем. Силы Каташи вместе с наемными клинками прорвали пехотные подразделения, охранявшие основание дороги, и теперь вступили в бой с подразделениями охраны, находящимися наверху. После того, как стража падет, ничто не защитит Мари от гибели. Почему она не ушла?

Ответ стал очевиден, когда Аса преодолела небольшой подъем на дороге. Лошади, которые были в резерве для знати, были пронизаны стрелами. Лучники Каташи сосредоточились на зверях, заставляя звать и командование остаться. У них не было никакой надежды победить наемных клинков ночи.

Когда они поднялись, Аса взглянула на остатки боя. Все внимание было сосредоточено на силах Сатору, которые, казалось, постепенно проигрывали. Битву можно было выиграть, но Мари должна была выжить, чтобы пожинать плоды дорогой победы.

Когда они приблизились к хаосу, Аса снова обратила внимание на дорогу.

Наступление клинков ночи не осталось незамеченным. Арьергард солдат Каташи повернулся и поднял луки, а Аса выругалась.

Стрелы вылетели из луков, пронзили их ряды. У них все еще не было щитов, и узкая дорога мешала реагировать. Им повезло лишь, что лучники успели выпустить лишь по две стрелы, и клинки подобралась слишком близко.

Оставшиеся клинки ночи врезались в силы Каташи. Аса зарезала лучника, который не успел достать меч, затем ударила по ноге другого воина, повалив его на землю.

Она наткнулась на первого клинка ночи врагов. Видимо, некоторые из них повернулись к угрозе снизу. Клинок был мужчиной, которого она не узнала, его красная форма не могла скрыть исходящую от него энергию. Он был сильным.

Мужчина спокойно шагнул вперед, направил удар в голову Асы. Аса отразила удар левым мечом, его атака отскочила от ее оружия, и она нанесла удар правым мечом.

Мужчина плавно отпрянул. Он держал дистанцию, когда ударял, оставаясь вне зоны досягаемости ее более коротких мечей. С его способностью ощущать ее атаки и преимуществом в досягаемости, ей будет трудно безопасно сократить разрыв между ними.

Они сошлись. Аса попыталась сократить расстояние, но другой клинок ночи этого не позволил. Он сохранял расстояние шире, чем хотела Аса. Если ей удавалось загнать его в тесное пространство, он бросался вперед, быстро отгоняя ее.

Ей нужно было побороть инстинкт дать отпор яростным атакам. В следующий раз, когда он атаковал, Аса выступила вперед, и их мечи встретились в неистовом грохоте стали. Другой клинок ночи был быстрее, чем она, но ее способность владеть двумя мечами делала их равными. Он уклонился от следующей атаки, направил меч к ней. Окровавленный кончик неся к ее лицу, и Аса обнаружила, что отступает, чтобы избежать пореза. Ее правая нога поскользнулась, и она поняла, что находилась у края дороги, за ней была пропасть.

Она в панике шагнула вперед, к его следующей атаке. Аса едва уклонилась от удара по шее, и меч мужчины оставил глубокий порез на ее щеке. Не имея выбора, она отпрянула, слишком поздно осознав, что не знала, насколько далеко был край. К счастью, она рухнула

на спину, подняла взгляд, когда мужчина повернул меч, чтобы вонзить его в нее.

Она ударила ногой, повернувшись. Другой клинок ночи, занятый своей атакой, не смог перенести свой вес, хотя и чувствовал приближающийся удар. Она попала по его колену и почувствовала, как оно треснуло у нее под ногой. Меч клинка ночи врезался в дорогу, где она только что была. Она продолжила поворот, поднявшись на колени, затем использовала один из своих мечей как костыль, чтобы встать.

Другой клинок ночи попытался встать, но его левая нога не выдерживала никакого веса. Аса подошла ближе, отразив его вялую атаку, затем вонзила второй меч глубоко в его легкие.

Она повернулась и продолжила бой.

* * *

Бой Коджи зашел в тупик. Лишь один клинок ночи противостоял ему, но у нее была поддержка. Единственное объяснение, которое мог придумать Коджи, заключалось в том, что Каташи каким-то образом дал наемным клинкам потренироваться с одним из его отрядов. Они работали слажено, и Коджи был близок к тому, чтобы отступить.

Клинок ночи стояла бок о бок с двумя копейщиками. Работая вместе, они образовали почти непроницаемую стену. Копья заставили Коджи держаться от них подальше. По отдельности ни один из них не представлял бы особой проблемы. Но всякий раз, когда он обходил копье, там был клинок ночи, защищала, пока второе копье не отгоняло Коджи.

Если бы они глупо атаковали, у Коджи была бы возможность. Атаки открывали шансы для контратаки, но если он не бил их, они просто удерживали свои позиции, не давая ему продвинуться вперед. Коджи чувствовал, как внутри него нарастает злость. Пока он застрял тут, другие вражеские клинки ночи приближались к леди Мари. Эта группа перед ним знала, что им не нужно его бить. Им нужно было только задержать его.

Коджи взбесился, нанес серию ударов, которые должны были сбить их всех. Но другой клинок ночи, почувствовав его намерение, шагнула вперед, блокируя удары, когда копья били вокруг нее. Коджи получил еще два пореза, один на торсе и другой на правой ноге. Он отступил, проклиная свою порывистость. Гордость погубила много воинов до него. Он не мог допустить, чтобы его имя попало в список. По крайней мере, пока что.

Он остановился и глубоко вдохнул, успокаиваясь. Это потребовало огромных усилий, особенно когда он видел, как продвигались вражеские клинки ночи. Мари нуждалась в его поддержке в последний раз, и как можно скорее.

Спасение Мари от нападения, вероятно, будет стоить ему жизни. Было еще так много врагов, и хотя его союзники храбро сражались, их время было на исходе. Но Коджи не мог допустить, чтобы Мари навредили. Он совершил слишком много ошибок в своей жизни и отказывался жить с этой ошибкой. Его жизнь была небольшой платой.

Он взглянул на Асу, которая только что выиграла дуэль с другим клинком ночи у края дороги. Он хотел бы больше времени с ней, но он наслаждался временем, которое они провели. Он надеялся, что она поймет.

Коджи не знал, как он притянул в себя эту энергию, но когда он занял стойку, он ощутил себя живым и цельным, чего не чувствовал с тех пор, как он был учеником, молодым и наивным. Он всегда разрывался между клинками и Королевством, своей жизнью и своими обязанностями. Теперь, впервые за все годы, он почувствовал себя целым. Все вело к этому.

Он шагнул вперед, и перед ним открылся новый мир. Он ощущал атаки задолго до того, как они происходили, дополнительная информация почти сбивала его с толку. Он видел свои потенциальные ответы и предчувствовал, какой будет реакция на них. Через мгновение

он понял, чем закончится эта битва.

Коджи позволил наконецнику копьа пройти на расстоянии ладони от его шеи. Он повернулся и сделал выпад, ожидая удара клинка ночи, когда она подошла, чтобы остановить его удар.

Он ответил вращением с сильным горизонтальным ударом. Второе копье, увидев его спину, нанесло точный удар. Вражеский клинок ночи, сосредоточенный только на отражении удара Коджи, не почувствовал атаки своего напарника. Когда ее меч поднялся, она рассекла копье напарника надвое.

Это не только спасло Коджи от копьа, но и заставило клинок растеряться, неожиданность нарушила ее ритм. Коджи пронзил ее и первого копейщика плавным движением. Второе копье убежало прежде, чем Коджи успел сосредоточиться на нем.

Атака прошла без особых усилий. Коджи все глубже погружался в битву, с каждым шагом привлекая к себе врагов.

* * *

Аса невольно глядела, как Коджи атакует оставшиеся силы врага. Все ее чувства ожили, и он ощущался и выглядел ярко. Он двигался как молния. Она посмотрела на него чувством и чуть не упала на колени. Одна мысль поднялась над всеми остальными, когда она увидела, как он прорвался сквозь противников. Чем он был?

Легких ответов не существовало. Она сомневалась, что хоть один из клинков раньше встречал кого-то вроде него.

Проще говоря, он был Коджи.

Других таких не было, и она не знала, будет ли кто-то еще такой.

Ее тело почти трещало энергией, она бросилась в бой, двигалась в пяти шагах за ним. У солдат Каташи не было ни единого шанса против их подавляющей силы и скорости. Аса почти небрежно переходила от атаки к атаке, каждый удар был верным.

Она не знала, где закончилось ее мастерство и начался дар Коджи. На самом деле это не имело значения. Мечи летели к ней, копьа неслись к ней, но она с легкостью ощущала каждый удар, уклоняясь. В ответ ее мечи резали шеи, туловища, руки и ноги, используя каждую возможность.

Все, что имело значение, — это оставаться рядом с Коджи. Пока она двигалась с ним, она была в безопасности.

Казалось, они пробили стену. Отряд, атакующий Мари, оставил несколько клинков ночи, чтобы прикрыть фланг, но Аса и другие прорвались. В центре были только солдаты. Последние клинки ночи перед ними направлялись к Мари.

Какими бы сильными ни были Коджи и его союзники, их осталось немного. Из более чем двух дюжин, которые присоединились к ним в первоначальном обвинении против Каташи, Аса решила, что их стало меньше шести. Но те немногие сражались, как демоны, не оставляя врагов, пока они рвались вперед.

Всего пятнадцать шагов отделяли ее от Мари, и впервые Аса могла видеть детали перед собой, пока она пробивалась вперед. Сузо была в крови и сражалась бок о бок с Такахиро. Теперь он был лордом, но Аса знала, что он мог сражаться. Однажды он даже победил клинка ночи на тренировке. По крайней мере, такое слышала Аса.

Сузо и Такахиро сражались с клинком ночи, но теряли позиции. Чуть выше генерал Фумио спокойно отдавал приказы. Но если сигналы знаменосцев были показателем, Фумио было что сказать. Он один вел себя так, будто прямо под ним не было сражения. Он

выиграет этот бой, даже если это будет стоить ему жизни.

И была Мари. Она тоже была спокойна, ее лицо было бесстрастным, она наблюдала за битвами, гордо стоя там как символ для своих воинов внизу.

Аса выругалась. В этом была вся Мари — стояла благородно до самого конца.

Аса догнала Коджи и обогнала его, когда он вступил в бой с другой комбинацией клинка ночи и копейщика. Проходя мимо, она одолела копейщика, что упростило жизнь Коджи. Клинок ночи, атакующий Сузо и Такахиро, почувствовал ее приближение и вовремя повернулся, чтобы встретить ее атаку. Их мечи встретились наверху, но клинок забыл о врагах позади него. Два меча пронзили его грудь в унисон, Сузо и Такахиро убили его.

Справа два клинка ночи в красной форме прорвались сквозь последних охранников Мари и бросились на нее. Аса устремилась за ними, чувствуя, что Коджи добивает клинка ночи, который задержал его.

Сузо и Такахиро следовали за ними, но темп Асы, даже после всего, через что она прошла, опережал их. Находясь рядом с Коджи, она все еще ощущала силу, которую она не понимала.

Мечи звенели. Аса боролась с двумя клинками ночи, делая все возможное, чтобы держать их подальше от Мари. Она продержалась одно мгновение, потом другое, а потом они пробili ее защиту.

Такахиро и Сузо оказались там как раз вовремя, чтобы обезопасить Мари. Сузо упала почти мгновенно с раной на спине. Аса не видела, насколько глубокая. Такахиро продержался еще несколько мгновений, но тоже упал с раной на ноге. И снова Аса боролась против двух клинков ночи, не в силах удерживать их дольше нескольких мгновений. Ее разум лишился мыслей, весь ее мир стал сталью и отчаянием. Ее оттеснили, и Мари была в шаге или двух за ней.

Затем появился Коджи, оттеснил одного из врагов к краю дороги. Последний клинок ночи, зная, что против них двоих у него не осталось шансов, направил меч для последнего отчаянного удара.

Аса могла убить его. Ее мечи были высоко и были готовы нанести удар. Он был открыт, полностью потеряв бдительность из-за нападения на Мари. Но ее атака не остановит его. Его атака уже началась, и она закончится независимо от того, какой смертельный удар она нанесет. Его меч был слишком низко, чтобы она успела дотянуться.

Она встала перед клинком, чувствуя, как холодная сталь пронзила ее туловище.

Кряхтя от усилия, борясь с внезапной слабостью в ногах, она вонзила один из своих мечей в шею клинка ночи. Его лицо расслабилось, и он упал на землю. Когда он это сделал, Аса увидел, как Коджи сбросил последнего вражеского клинка ночи с дороги в пропасть на камни внизу.

Ноги Асы подкосились, и ей потребовался полный контроль, чтобы упасть на колени и остаться в вертикальном положении. Она посмотрела на меч, глубоко вонзенный в нее. Хотя она знала, что он было там, ей все еще казалось это нереальным.

Тьма подступала по краям ее зрения, но, что удивительно, боли не было.

Коджи и Мари оказались там, по-видимому, в один момент. Аса позволила себе упасть на Коджи, расслабившись в его объятиях. Как всегда, он был силен, как стена, которую было невозможно сдвинуть. Она всегда любила это в нем, даже если это ее бесконечно злило.

Она посмотрела на них, двух людей, которые стали для нее значить больше всего в ее жизни. Она думала, что ей было что сказать, но оказалось, что нет. Ее охватила глубокая

усталость, сон, от которого она вряд ли проснется. Было трудно говорить. Но также она знала, что и Мари, и Коджи знали ее сердце. Что еще можно было сказать?

Аса почувствовала, как слезы Коджи падают ей на волосы. Ей было жаль, что ей пришлось еще раз причинить ему боль.

Вдалеке она увидела, что Сузо пытается встать, помогая Такахиро. Ее сердце радовалось, что они выжили.

Она протянула руку и коснулась лица Коджи, потянула его вниз, пока не ощутила его губы на своем лбу.

Аса улыбнулась, и в этот последний момент она почувствовала присутствие всей жизни, вращающейся вокруг них в цикле, который не поддавался их пониманию. Она поняла, что скоро снова увидит свою семью.

Она закрыла глаза и выдохнула в последний раз.

Наконец-то она обрела покой.

26

Несмотря на политический риск, Мари настояла на том, чтобы Коджи оставался в замке Стоункипа. Только Коджи и два других клинка пережили финальную атаку. После некоторого обсуждения Коджи отправил двух других в путь. Эта битва больше не была их битвой, и они, казалось, были благодарны за шанс уйти. Один только Коджи поднялся в Стоункип с телом Асы.

У него было не так много воспоминаний о следующих нескольких днях. Мари и Такахиро были заняты ликвидацией последствий битвы. Они победили, но цена была огромна со всех сторон. Мари и Такахиро договорились об условиях с другими лордами. Каташи сменил лорд Цунео, относительно мелкий дворянин, которого поставили во главе дома из-за недавних событий. Коджи слышал все слухи об изменениях, но не мог заставить себя переживать.

Он провел много времени с трупом Асы, готовя ее тело к костру. Работая, он не мог не думать, что в смерти она была даже красивее, чем при жизни. Когда она снова присоединилась к Великому Циклу, она, наконец, почувствовала себя расслабленной.

Кроме того, он чувствовал себя пустым. Он был готов отдать свою жизнь, но не Асы. Он ел и тренировался, но чаще всего просто сидел и смотрел на каменные стены, его разум был пуст. Он хотел, чтобы мир остановился и признал то, что случилось с Асой, но Великий Цикл продолжал двигаться, был намного больше, чем любая отдельная жизнь.

Через две ночи после битвы в долине Коджи, Мари, Такахиро и Сузо собрались в уединенной части двора замка, вместе зажгли костер. Когда пламя поглотило тело Асы, Коджи, наконец, сломался. Он плакал, когда она умерла, но с тех пор — нет. Он упал на колени, мучительные рыдания сотрясали его, когда он действительно понял, что больше никогда не увидит Асу. По сравнению с этим все его страдания меркли.

Остальные не пытались заговорить. Мари обняла его, и Такахиро положил руку на плечо Коджи. Сузо, не зная Коджи, просто низко поклонилась. Когда огонь сгорел дотла, они попрощались.

Коджи потребовалось почти полмесяца, чтобы решить, что делать. Он направился к комнатам, которые были переделаны под кабинет Мари. Когда о нем объявили, она была одна.

Коджи вошел, и Мари поприветствовала его улыбкой и поклоном.

— Значит, ты принял решение?

Коджи кивнул.

— Это заметно?

— Ты впервые сам покинул комнату после похорон.

— Мне нужно завершить несколько дел. А потом я отправлюсь в Хайгейт и найду других клинков.

Шпионы Мари дали им информацию. Хаджими привел клинки в Хайгейт, портовый город далеко на севере. Оттуда клинки поднялись на борт кораблей и уплыли. Источники Мари полагали, что в городе все еще были клинки, но никто не знал, куда пропали корабли.

Мари сделала глоток чая за своим столом.

— Я знаю, что тебе нужно идти, но мне будет жаль, если ты уйдешь.

Коджи посмотрел на свою дорожную одежду. После событий битвы стало ясно, что клинки нигде не приветствуются. К счастью, имя Коджи было известно больше, чем его лицо. Но если кто-нибудь еще узнает, что он здесь, это нарушит хрупкое перемирие.

— Для меня было честью, — сказал он.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Сколько времени займет выполнение твоих дел?

Коджи задумался.

— Возможно, несколько месяцев. А что?

— Ты будешь на подписании договора весной? Я знаю, что ты единственный клинок с высоким статусом, который остался в Королевстве, и хотя это не будет официальным, кажется неправильным подписывать договор без хотя бы одного клинка, увидевшего это.

Коджи обдумал предложение. У него действительно не было никаких строгих планов. Он кивнул.

— Тебе всегда будут здесь рады, Коджи, — сказала Мари. — Даже если мы не можем видеть тебя официально.

Коджи поклонился.

— Прощайте, леди Мари. Да будет ваше с мужем правление проходить в мире.

Мари вернула поклон, еще ниже, и Коджи повернулся и вышел из комнаты.

* * *

Сузо стояла неподвижно, балансируя на носках, придерживаясь за каменную стену за пределами дома Йошинори в Стоункипе. Под ней стражники бродили по территории в поисках незваных гостей, подобных ей. К счастью, была ночь, и никто даже не взглянул на нее. Эта идея пришла ей в голову после покушения на жизнь леди Мари несколько месяцев назад.

Несмотря на шаткое положение, Сузо не испытывала страха. В своей прошлой жизни, когда она была воровкой, она проходила более сложные маршруты в более сложных условиях. Она могла двигаться по стене столько, сколько требовалось.

Окно над ней было открыто, голос Йошинори доносился изнутри. Сузо без труда слышала слова. Бывший аристократ был в ярости. Ранее в тот же день закрытый совет официально лишил его земель и титула. Он был признан виновным в государственной измене, и Такахиро приговорил его к изгнанию. Сузо слышала, как он разговаривал с помощником, уже планируя, как обратить эту неудачу в свою пользу.

Йошинори не знал, что после совета Сузо встретила с Мари наедине, предполагая, что изгнание было слишком мягким наказанием. Этот мужчина всегда будет для них занозой. Мари встретила взгляд Сузо, хорошо понимая главу своей стражи. Она кивнула, и этого

хватило Сузо.

Помощник ушел, и в комнате наверху воцарилась тишина. Сузо залезла в окно, бесшумная, как привидение. Йошинори стоял к ней спиной, упаковывая сундук, полный шелковых накидок.

Сузо наступила на скрипучую половицу, намеренно давая понять Йошинори, что она там. Он резко повернулся, и на его лице отразилась паника. Потом он увидел, кто это, и страх мгновенно исчез.

— Конечно, она послала бы за мной женщину, — тон его голоса был насмешливым, и он медленно опустил руку, чтобы обнажить меч, висевший у него на бедре, будто у него было все время мира.

Сузо бросилась вперед, вонзила кинжал в его живот. Она наносила удары снова и снова, гарантируя, что никакое исцеление не сможет его спасти. Через несколько мгновений она отступила.

Она выдерживала его взгляд, пока он умирал, довольная тем, что ее лицо было последним зрелищем, которое он видел. Затем она вытерла кинжал и отправилась обратно в таверну, где впервые поговорила с Асой наедине. Она подняла чашу за свою павшую подругу. Она думала, Аса это одобрила бы.

* * *

Коджи провел зиму в странствиях по Королевству. Покинув Стоункип, он медленно двинулся на юг, к тем землям, где началось его приключение. Зима была суровой, и Мари опасалась, что голод станет серьезной проблемой. Если и можно было найти светлое пятно на войне, так это то, что ртов стало гораздо меньше.

Но их все еще было слишком много. Коджи сделал все, что мог. Он был отличным охотником и часто приносил мясо в деревни, когда проходил мимо. Это было немного, но Коджи научился делать только то, что мог. Он мог провести всю свою жизнь в служении другим и все равно не решил бы даже части мировых проблем.

Вскоре он добрался до места, где Убежище сгорело дотла. Воспоминания наполнили Коджи, и он позволил им, вспомнил свое служение Минори и ошибки, которые сделал тогда. Хотя он не сжег Убежище, он чувствовал себя так, будто был отчасти виноват.

Почти месяц он помогал восстанавливать город. Они собирались назвать его Новым Убежищем, и это будет новая столица земель лорда Сатору. Завершение строительства города было одной из основных задач лорда Сатору, и леди Мари через Такахиро пожертвовала на это дело значительную сумму золота, чем заслужила немалую доброжелательность.

Коджи впервые в жизни испытал радость от создания чего-то. Все его детство было сосредоточено на изучении того, как пользоваться мечом, как убивать и разрушать. Теперь он строил и заканчивал каждый день голодным и уставшим, но чувствовал глубокое удовлетворение, которого никогда раньше не испытывал. Когда городская стена была построена, столицу официально переименовали, и люди начали возвращаться.

Но ему нужно было выполнить задачу, которую он откладывал. Он снова вышел на дорогу, пытаясь найти место, которое ему только описывали неопределенно. Однако когда он, наконец, нашел его, не было сомнений, что это было правильное место.

Дом стоял на опушке какого-то старого леса. Лес защищал его с одной стороны, а большой холм — с другой. И это был единственный дом на лигу в любом направлении.

Коджи приблизился, пока не ощутил жизнь внутри. Затем он сел в снег и стал ждать.

Солнце стояло высоко в небе, и, хотя воздух был холодным, Коджи было достаточно тепло в тяжелой дорожной одежде.

Долго ждать не пришлось. Вскоре дверь открылась, и вышел мужчина. Он был вооружен мечом и двигался с грацией клинка ночи. Клинка ночи с огромным опытом. Коджи узнал мастера, когда увидел его.

Мужчина остановился в пяти шагах от Коджи, пристально глядя на него.

Коджи встал и отряхнулся. Он, конечно, поверил Асе, но испытать это было совсем другое. Он мог видеть человека перед собой ясно, как день, но ничего не чувствовал.

— Это сбивает с толку, — сказал он.

Мужчина нахмурился, не понимая, что имел в виду Коджи. Коджи понял, что смотрел, возможно, на одного из немногих человек в Королевстве, которые могли сражаться с ним на равных. Если Коджи не мог чувствовать движения человека, он терял одно из своих величайших преимуществ. Часть его жаждала попробовать, но он был здесь далеко не по этой причине.

— Меня зовут Коджи, — продолжил он. — Я здесь из-за Асы.

Мужчина осмотрел его с головы до ног, его взгляд не упустил ни одной детали. Наконец, он вздохнул, и его поза расслабилась.

— Она мертва, да?

Коджи кивнул.

Дайсуке огляделся, будто ожидал, что Аса выпрыгнет из травы. Он кивнул в сторону леса.

— Пойдем со мной. Расскажешь мне, как она умерла.

Они пошли в лес, и Коджи сделал это, не упустив ни одной детали, которая, по его мнению, была важной. Дайсуке выслушал всю историю, и к тому времени, когда Коджи закончил, они уже были глубоко в лесу. Коджи вспомнил, сколько жизни было в подобных местах.

— Почему ты здесь? — спросил Дайсуке.

— Она равнялась на тебя и однажды сказала мне, что если и есть одно место в Королевстве, где она чувствует себя желанным гостем, так это здесь. Я хотел, чтобы ты знал, чем закончилась ее история. Чтобы ты знал, что я верю, что она нашла покой.

Дайсуке кивнул. Коджи мог сказать, что его слова подействовали на человека.

У Коджи был к нему вопрос:

— Вы уйдете с нами?

Дайсуке покачал головой — этого ожидал Коджи. Этот человек прожил скрытно почти всю свою жизнь, и он построил жизнь за пределами клинков. У него не было причин отказываться от этого. Коджи протянул руку и вытащил мечи Асы. Он почистил и полировал их.

— Тогда я хочу отдать вам это.

Дайсуке растерялся.

— Почему мне?

— Потому что вы научили ее по-настоящему ими пользоваться. Они мне не нужны. И Аса сказала мне, что ваша дочь тоже одаренная. Если вы захотите, возможно, они будут ее.

— Я не уверен, что буду ее тренировать.

— Тогда они могут быть символом, напоминанием о девушке, жизнь которой вы изменили к лучшему.

Дайсуке нахмурился, затем поклонился и взял мечи.

— Спасибо.

Коджи мог понять, почему бывший клинок ночи выбрал это место. Здесь, в глухом лесу, Коджи чувствовал покой, отделенный от забот мира. Ему было почти грустно уходить. Когда они достигли опушки леса, Дайсуке остановился и повернулся к нему.

— Прости, что не предложу ночлег. Мы скрылись тут от безумия мира, и я не впусчу такое в дом, даже в облике друга.

Коджи не обиделся. Он хотел вернуться на земли дома Кита.

Два воина поклонились друг другу.

— Спасибо, Коджи, — сказал Дайсуке. — Да обретешь ты покой.

— И пусть покой этого места останется с вашей семьей, — ответил Коджи.

Дайсуке вернулся в свой дом, а Коджи плотно закутался в плащ и начал долгий путь обратно к землям дома Кита.

27

Мари гадала, сможет ли когда-то смотреть на долину с прошлым восторгом. Хоть поле боя убрали, она все еще видела там только тела и кровь боя, который разбил Королевство.

Ее предложение, над которым когда-то смеялись, теперь стало реальностью. Даже она не одобряла результат, но в этом, пожалуй, был смысл. Это все равно было лучше, чем любой другой вариант. Так мир признавался таким, какой он есть, а не таким, каким они хотели бы его видеть.

Зима была кошмарной, как она и опасалась. По всему Королевству голод опустошил и без того разоренное население. Земля лорда Сатору, вероятно, пострадала меньше всех, но даже его потери были значительными. Война в сочетании с погодой разрушила все. Этим летом Мари планировала провести перепись, но подозревала, что выжила лишь четверть ее населения. Лорд Цунео, заменивший Каташи, справлялся еще хуже.

Каташи требовалось больше ресурсов, и он вложил все в армию. Это была азартная игра, и он проиграл. В общем, Королевство всего за несколько коротких лет упало до малой доли своей былой славы.

Мари знала, что цену нельзя измерить только жизнями. Те, у кого было время продвигать философию и знания, ушли. Художник больше не мог зарабатывать на жизнь живописью или писательством. Все будут стараться выжить.

Королевство было разрушено глубже, чем многие думали. Им потребуется много лет, чтобы вернуться даже к той жизни, которую они помнили.

Теперь им придется найти свой путь вперед. Способ без клинков направлять и защищать народ.

Мысли о клинках привлекли внимание Мари к Коджи, который тихо присоединился к ее группе, когда они покинули Стоункип. Никто не обращал на него особого внимания, и его капюшон закрывал лицо. Она была рада, что он был здесь.

Внизу собралась большая группа знати. Лорды Сатору и Цунео уже присутствовали, и Такахиро присоединится к ним.

Раньше Мари могла нервничать, но не сегодня. Она чувствовала себя уверенно. Другого выхода не было. Ни один из них не мог позволить себе другого решения. А рядом с Коджи она не могла не чувствовать себя в безопасности.

Они поехали к собравшимся, Такахиро был впереди. Часть Мари завидовала. Весь этот договор был ее идеей, но именно Такахиро войдет в историю как тот, кто его осуществил.

Только время покажет, благосклонно к нему отнесутся или нет.

Поле было почти безмолвным, разительное отличие от того, когда Мари в последний раз смотрела на долину. Единственными звуками были хлопки флагов на весеннем ветру. Достигнув поля, они бросили лошадей и вошли в палатку, где собрались другие лорды.

Мари проработала в уме все условия договора, в тысячный раз проверяя, не было ли ошибки, которую они совершили в последний момент. В течение последних нескольких месяцев лорды обсуждали окончательные детали соглашения. Сегодня было не о переговорах, а о праздновании нового мира.

Первым и наиболее важным условием договора было то, что старого Королевства больше не будет. Это больше всего причиняло боль Мари. Она долго и упорно боролась, думая, что сможет спасти землю. Но после вреда, нанесённого за последние годы, она не считала это разумным. Было потеряно слишком много жизней, слишком много истории разрушилось. Ни один из домов не желал добровольно принять отдельного правителя над собой, и ни один из домов не имел военной поддержки, чтобы обеспечить мир по всей земле.

Поэтому ее решение заключалось в том, чтобы вообще не биться. Некоторое время они действовали как отдельные дома, и продолжить эту схему было проще, чем пытаться установить нового короля. Королевство станет тремя королевствами, каждое из которых будет управляться независимо.

Она оставила в договоре пункт — нить надежды для всех. Любой из лордов в любое время имел право созвать конклав, на котором по закону должны были присутствовать другие. Неписаное намерение заключалось в том, чтобы дать лордам возможность снова объединить Три Королевства в будущем. Мари не думала, что это понадобится в их жизнях, и в жизнях их детей, но в конечном итоге они оставят ненависть прошлого позади и снова объединятся.

Решение о клинках было тяжелым. Многие ушли, но новые рождаются. Дар проявлялся в семьях, где хоть один родитель был одаренным, а порой возникал сам. Лучшее решение, которое они придумали, — это система учебных центров. Те, кого обнаружат с даром, будут отправлены туда, в идеале, чтобы изучить навыки клинков. Три Королевства всегда были рады целителям. К сожалению, без участия клинков было трудно сказать, что было разумным, а что нет.

Любой обнаруженный клинок, не находящийся под контролем одного из учебных центров, будет убит. Как только лорды подпишут договор, Коджи будет убит, если люди узнают, кто он такой. Мари ненавидела ложь, присущую их действиям сразу после подписания договора, но она по-прежнему считала, что это был лучший путь.

Несмотря на все, что было в договоре, настроение вокруг палатки было мрачным. Ни один из собравшихся лордов не был ответственен за войну, но они принимали решение. По крайней мере, они уважали друг друга, но между ними не было любви. Это не был договор, с которым они произносили длинные речи или праздновали со своим народом. Это был договор, который спасал их всех от полной гибели.

К тому времени, когда ее мысли вернулись к подписанию, лорды уже собрались за столом. Всего было три копии, и лорды просматривали их, чтобы убедиться, что они одинаковые. Когда они все подняли взгляды, они кивнули друг другу. Такахиро подписал все договоры и передал их лорду Сатору. Сатору подписал их и передал Цунео. Через несколько мгновений все было кончено.

Королевства больше не было, но на земле будет мир.

Эпилог

Он пытался жить на острове с другими клинками, но Коджи, как и некоторые другие, не смог выдержать больше нескольких месяцев. Он пытался. Ради Асы.

«Остров был бы для нее раем», — думал он. Клинки построили дом вдали от забот Трех Королевств. Были школы, и у клинков постоянно проходили тренировки. Не каждый человек, рожденный у клинков, был одарен, но многие были одарены, и хоть с годами их стало меньше, теперь их количество снова увеличивалось.

Как и Три Королевства, они медленно восстанавливались. Но раны были глубокими, и на заживление потребуется внушительное количество времени.

Коджи чувствовал, что большинство уцелевших клинков распалось на два лагеря. Первая, самая большая группа, не чувствовала неудовольствия, оставив проблемы Трех Королевств в прошлом. Они хотели жить мирной жизнью, заниматься сельским хозяйством и обучением, без надежды на то, что им когда-нибудь понадобятся их навыки. Их остров был невелик, но для многих клинков это был первый раз, когда они могли жить, не опасаясь осуждения других. Для большинства жертва свободы того стоила. Все бы это понравилось.

Коджи не нравилось. Ему нравилось строить дома и засаживать поля, но как только стало ясно, что они сделали для себя устойчивый дом, он забеспокоился. Он тренировался и обучал новые поколения. Никто не понимал, как ему удавалось втянуть в себя такую энергию, и он тоже не был уверен. У него были подозрения, но только это.

Но даже ежедневные тренировки с другими его не удовлетворяли. Каждый день на острове ему казалось, что он бежал по кругу, преодолевал большое расстояние, но никуда не двигался. У него не было особых целей, но он знал, что остров не мог быть его домом.

Он поговорил с Хаджими, и предводитель клинков, который теперь стал слишком стар, чтобы вести за собой, позволил ему покинуть остров.

Коджи был не первым и, вероятно, не последним. Пока они клялись не обсуждать остров, Хаджими не пытался никого удержать. Их возвращали в Хайгейт всякий раз, когда уходила лодка, и бросали. Единственное правило Хаджими заключалось в том, что если они уйдут, то не смогут вернуться. За исключением горстки мореплавателей, знавших, как найти остров, путешествие на остров и обратно было односторонним.

Когда Коджи ушел, было много слез. Впервые с тех пор, как он стал клинком, ему удалось завести множество друзей, и, если бы не глубокое недовольство в его сердце, он остался бы. Джунко, например, стала одной из его лучших учениц, мастером меча. Но ему нужно было больше, даже если это означало, что его будут преследовать всю оставшуюся жизнь.

Коджи пересек море, затем двинулся на юг. Он догадывался, что хотел снова увидеть леди Мари, но не торопился. Ему предстояло провести остаток своей жизни на земле. Он бродил из деревни в деревню, в основном просто наблюдая, как идет жизнь.

В Хайгейте не было следов войны. Так далеко на север она не зашла. Но после месяца пути на юг следы все еще были видны после пяти лет. Здания были сожжены, как и некоторые леса, которые только-только начали расти заново.

Коджи удивило количество людей. Почти везде, куда бы он ни пошел, он слышал плач младенцев, но горожан было так мало. Трем Королевствам потребуется несколько поколений, чтобы восстановить население, и это при условии, что их больше не настигнут бедствия.

В конце концов, Коджи добрался до Стоункипа. Большую часть пути его никто не беспокоил. Единственный раз был, когда он проходил мимо одного из новых учебных центров. Некоторые дети почувствовали его и рассказали старшим. К счастью, убежать от них было достаточно легко, но он запомнил. Для одаренных станет труднее жить в Трех Королевствах, труднее, чем когда-либо прежде.

Он прошел через ворота Стоункипа без происшествий, снял комнату в гостинице и дождался следующего заседания открытого совета. Когда настал день, он появился рано, чтобы занять место, где он мог бы наблюдать за лордом и леди. Когда солнце достигло зенита, собралась целая толпа, и двери открылись, чтобы выпустить лорда Такахиро и леди Мари.

Коджи не ожидал бури эмоций, возникшей при виде них. Они шли рука об руку, и леди Мари выглядела милее, чем раньше. Ее живот был круглым, в нем был ребенок, и за парой шла девочка. Такахиро шел, слегка прихрамывая, рана от битвы в долине Стоункипа так и не зажила полностью.

Граждане предъявили свои жалобы, и Коджи любовался происходящим. Такахиро и Мари выслушивали каждую жалобу, справедливо оценивая ее. Такахиро выносил решения, но Коджи заметил, что всякий раз, когда решение было непростым, он наклонялся и шептал Мари. Только когда они достигали соглашения, Такахиро высказал свое решение.

Жители казались довольными своими правителями. Некоторые жалобы были более серьезными, но с каждой из них справлялись изящно.

Прошло полдня, и Мари, наконец, посмотрела на Коджи и замерла, когда увидела его. Он слегка улыбнулся и коротко поклонился. Она не стала бить тревогу по поводу него и после того, как совет, наконец, завершился, отошла от Такахиро. Она подошла к нему, на ее лице было написано беспокойство.

— Что-то не так?

Он покачал головой, и маленькая девочка подбежала к матери.

— Пройдемся? — спросил Коджи.

Мари кивнула, и все трое направились к одной из площадок с видом на долину.

Мари заговорила первой:

— Я рада тебя видеть, Коджи, но ты знаешь, что если тебя обнаружат, это погубит нас обоих.

— Я знаю. Но я хотел увидеть тебя еще раз.

— Ты так и не ушел? — Мари насторожилась.

— Ушел сразу после подписания договора. Но я не мог оставить Три Королевства позади. Я вернулся два месяца назад.

— Самостоятельно?

Коджи кивнул.

— Ты хорошо справляешься?

Мари улыбнулась.

— Восстановление было сложной задачей, но мы снова станем такими, какими мы были. Просто потребуется время.

Девочка, которая до этого почти не обращала внимания на мать, начала бегать по смотровой площадке.

— Аса, перестань! — рявкнула Мари.

Коджи взглянул на Мари. Она пожалала плечами.

— Я не могла придумать лучшего способа почтить ее память.

Коджи кивнул.

— Думаю, ей было бы приятно.

Они стояли в тишине какое-то время, смотрели на долину.

— Что будешь делать? — спросила Мари.

— Пока не знаю. Бродить. Исследовать. Помогать, где смогу.

— На тебя будут охотиться. Особенно, когда новые ученики подрастут.

Коджи снова кивнул.

— Знаю.

Мари рассмеялась.

— Приятно снова тебя видеть. Но мне пора идти, — она остановилась, когда подняла маленькую Асу. — Увижу ли я тебя когда-нибудь снова?

Коджи грустно покачал головой.

— Я так не думаю.

Похоже, она ожидала такого ответа.

— Береги себя, Коджи. Куда бы ни завела тебя жизнь.

Коджи низко поклонился.

— Как всегда, это было честью для меня, леди Мари. Прощайте.

Мари повернулась и ушла, а Коджи смотрел на Северное Королевство, раскинувшееся перед ним. Он мог пойти куда угодно, и, в конце концов, он это сделает. Но пока он отдыхал, наслаждаясь видом, греясь в последних лучах солнечного света перед наступлением вечера.

Он посмотрел на север, где стояли Хайгейт и остров клинков. Эта земля не была готова для них сейчас, но когда-нибудь будет готова.

Когда-нибудь клинки вернуться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net